

Костёр

7
ИЮЛЬ
1968

К северу вьюжному,
к жаркому югу
письма несутся
навстречу друг другу.

Мчатся послания в дальнюю даль: „Место свидания — фестиваль“.

Колосёр

7
ИЮЛЬ
1968

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина
Союза писателей СССР

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

- В поисках белой пачки**
очерк Г. БАЛУЕВА, Б. ВАХРАМЕЕВА 2
- Дела семейные**
повесть ЕВГ. МИНА 5
- В гостях у Сехата Вейсова**
репортаж Л. ЭФРОСА 16
- Летающие ночевники**
фантастическая повесть 17
- Дупло старого дуба**
из почты читателей 29
- Страна Поэзия 30**
- Есть слюда на Ковдоре!**
рассказывает В. И. ТЕРНОВОЙ 32
- Лавочки**
рассказ АННЫ МАРИИ МАТУТЕ 36
- Сердце в рюкзаке**
из путевого блокнота Ф. НАФТУЛЬЕВА 40
- Морская газета 42**
- Кассиус Клей**
очерк Н. МОХОВОЙ 44
- Игра в шашки**
рассказ Л. СЕРГЕЕВА 47
- Мошка остается в живых**
очерк А. БАТУЕВА 48
- Уголёк**
журнал для малышей 49
- Ресторан, где много заказов**
сказка МИЯДЗАВА КЭНДЗИ 51
- Виталий Бианки**
АЛЕКСАНДР ГАТОВ 55
- Тихо! Идет опыт!**
репортаж Т. ГИРШИНОЙ 56
- Что? Где? Когда? Почему?**
заметки, фото, рисунки 57
- Уголок веселого архивариуса 58**
- Школа „Спринт“ 59**
- Шахматы 60**
- Северные и южные**
военная игра 61

**НАШ ПРИВЕТ
ФЕСТИВАЛЮ!**

50 ЛЕТ
ВЛКСМ

На берегу Енисея с давних времен стоит небольшой поселок Майна. Там, «во глубине сибирских руд», добывали медь для колоколов и пушек ссыльные декабристы. Там же, чуть выше по течению, в селе Шушенском зимовали Ленин и Крупская.

Сегодня неподалеку от этих мест идет строительство. Здесь — на Карловском створе — строительная площадка Саяно-Шушенской гидростанции, третьего звена величайшего в мире Ангаро-Енисейского энергетического каскада.

Первое из этих звеньев — прославленная Братская; на Красноярской уже пустили первые агрегаты и двенадцатитысячный отряд строителей перекочевал сюда, в Саяны. Бульдозеры теснят тайгу, взрывники ведут дороги в скалах. На самых важных объектах работают комсомольско-молодежные бригады: осваивают мощности домостроительного комбината, поднимают цеха заводов железобетонных конструкций. Зажигаются окна новеньких ярко окрашенных коттеджей. Но до коттеджей здесь были палатки, и в них жили геологи-изыскатели. Такой же молодой, быстрый на подъем народ...

В ПОИСКАХ БЕЛОЙ ПАЧКИ

1

Всю ночь обитателям палатки не давал спать медведь — гремел посудой, которую оставили у костра. Накануне гость обнаружил в лагере колбасу, но теперь успех не повторился и зверю осталось облизать плоски из-под каши. Гремел он ими нещадно.

— Хулиган бесовестный, людям на работу с утра! — закричал, выглянув из палатки, геолог Володя Вакорин.

Володя был обижен на любителя колбасы. Как и многие очень подвижные люди, Володя любит поспать. С утра до вечера он минуты не сидит

спокойно, зато после отбоя как ляжет, так уже не шевельнется до самого утра. А тут на самом интересном месте пришлось прервать сон...

— Где твоя культура, спрашивается? Чему тебя старшие учили? — пробирал Володя раннего гостя.

И оскорбленный зверь, качая головой, ушел в тайгу.

Лагерь геологов просыпался. Предстояло уйти на катере в верховья Енисея.

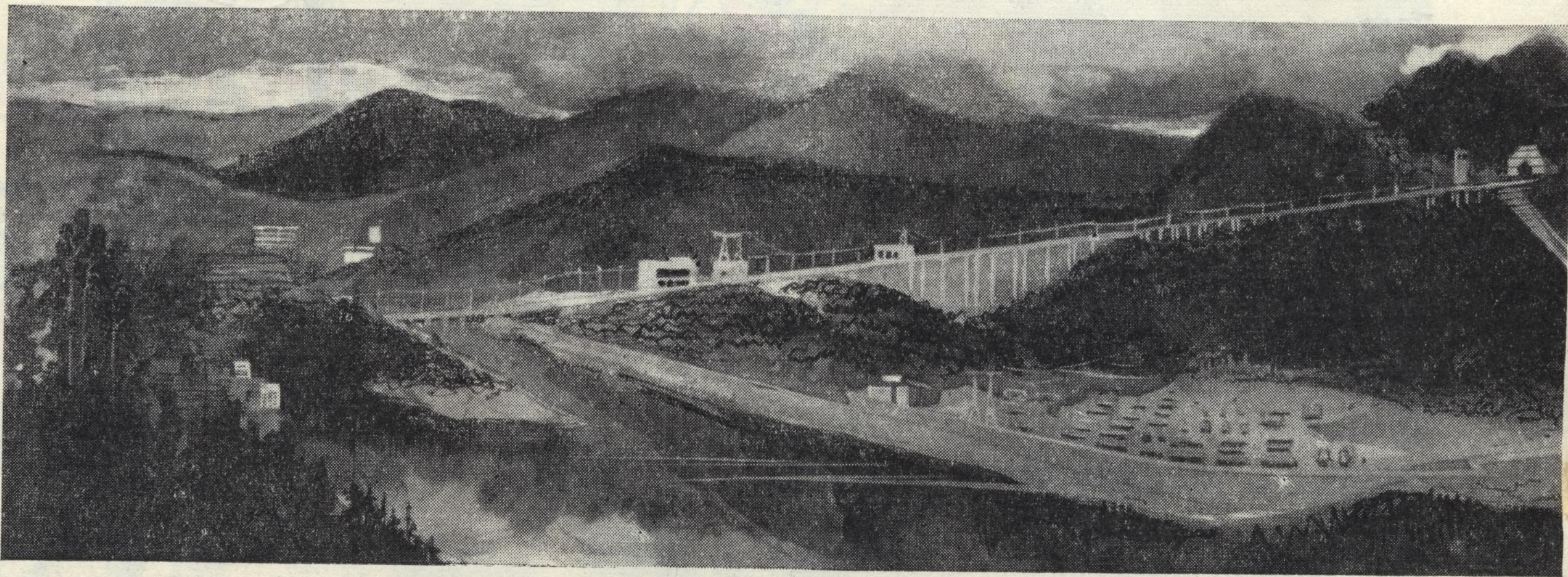
Дрожала палуба, с надрывом гудели дизеля; наконец, катер уткнулся носом в полосу бечевника, узкую грядку прибрежного песка, по которой когда-то ходили с бечевой си-

бирские бурлаки. Впрочем, в эти места едва ли они добирались.

Геологи без особого энтузиазма рассматривали склоны.

— Володя, — с обычной невозмутимостью решил начальник группы, — вы с Юрой прогуляетесь по левому берегу, а мы займемся этим.

Грани скал казались складками каменного плаща, брошенного на плечи великана. Они отвесно уходили в воду, и по тому, как тяжело, без всплесков, шла здесь река, чувствовалась гиблая глубина. Места, где скалы, наступая, как бы сталкивают тропу в воду, сибиряки называют прижимами.

К подошве утеса подошли ровными шагами. Вакорин приостановился, а практикант Юра без раздумий устремился на штурм. Под ногой сразу что-то хрустнуло, пальцы, вцепившись в трещину, разжались.

— Первая попытка! — вздохнул Вакорин, когда напарник принялся растирать поцарапанное колено.

Новый заход оказался еще неудачнее. Юра решил не спешить. Он даже присел и посмотрел на самую вершину.

— Триста и больше, — сказал Вакорин. — Пожалуй, триста пятьдесят метров. Ну, пошли? У тебя третья попытка в запасе.

Владимир напрасно иронизировал. С первого раза он и сам сорвался. Но опыт накапливался. Оба достигли наконец первого широкого уступа на высоте баскетбольного щита. Здесь можно было перевести дыхание.

2

— Сколько отсюда до Карлова? — спросил Юра, отдышавшись. — И почему, кстати, Карлово? Немецкие поселения там были?

— Был там только хутор охотника Орлова... Ну, он принимал, обогревал каждого, кто в дверь постучит. Бьют белку заезжие люди, а захочется им

к домашнему теплу — «Куда пойдем? — К Орлову, к Орлову». Так и пошло — Карлово, Карлово... А от нас до него сейчас — километров сто.

— Так если плотина будет в сотне километров отсюда, за что же мы здесь с тобой страдаем? — удивился Юра.

— За то и страдаем, чтобы была в Карлове, — ответил Вакорин. — Видишь ли, земля — она тоже дышит. Одни махины — мы их называем блоками — могут слегка подняться, другие — опуститься. Представляешь, что будет, если мы поставим плотину между блоками и в один прекрасный момент половина плотины под-

нимется, а другая уйдет вниз? То-то. Вот мы с тобой и должны найти границу того блока, на котором станет Саянская ГЭС.

3

На вершину скалы поднялись в полдень. Полоска бечевника, где они шли утром, казалась отсюда светлой тонкой прожилкой на грани голубевшей от высоты лесной чащобы и оловянной глади реки. Володя отдохнул и ходил по площадке, глухо стуча геологическим молотком.

— А что, разлом классический. Картинка! Если бы еще «пачку» разыскать.

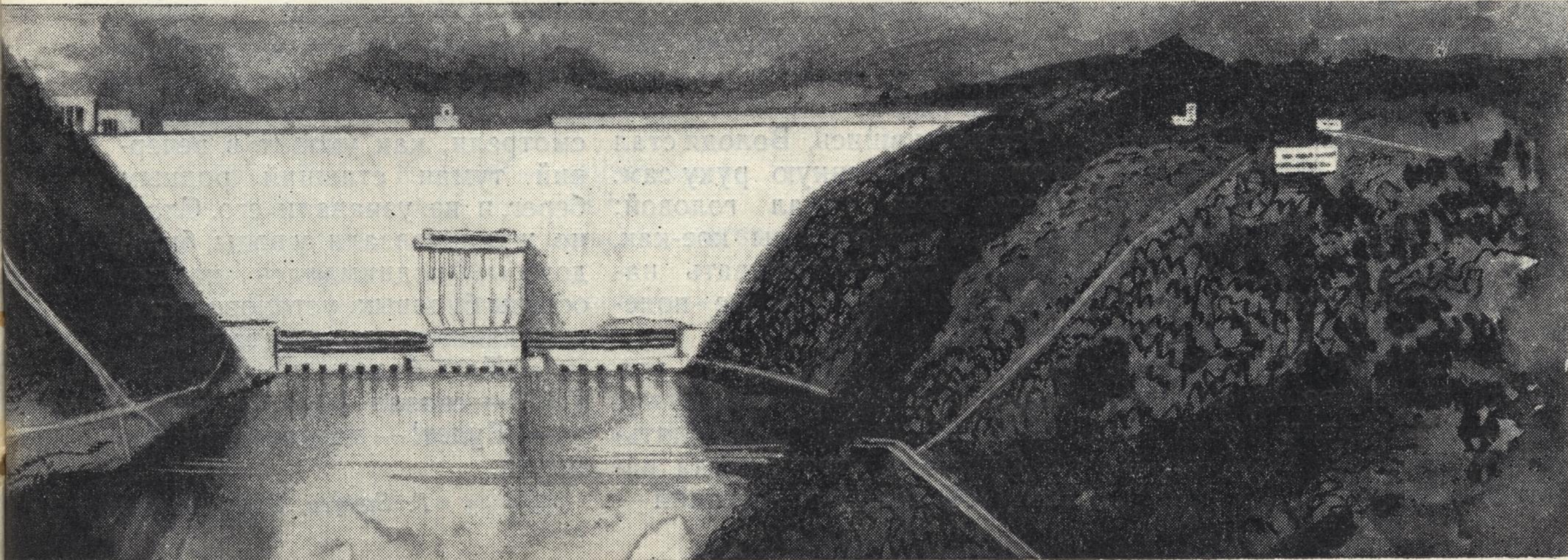
— Какую?

— Такую, что в Карлове вся экспедиция ищет, да только расстраивается. «Пачка» — это когда в трещинах одной породы появляется другая. Вот эта другая о многом может рассказать — и какой силы был сдвиг, и давно ли. Но пока пачки не нашли...

Полуденный жар между тем уже спадал, и они одновременно взглянули вниз, поежились.

Начали спуск.

Когда Юра ступил на слишком крутой уступ и для страховки придержался обеими руками за другой, из-под пальцев посыпалась каменная труха.

Он продолжал ползти, прижимаясь к самой скале.

Вакорину приходилось не лучше. Горные ботинки хороши только там, где много трещин. Володя вспомнил, что для спуска рекомендуют обычные гаши...

Когда под ногами зашеле-стел песок бечевника, они не успели поверить, что испытание кончилось. Через сорок шагов путь перерезал новый прижим, не такой высокий, как первый, но с более крутыми склонами.

Снова пришлось подниматься. Они потратили на это последние светлые часы, а спуск начали уже в сумерки...

Катер подобрал их в четырех километрах от того места, где высадил утром. Старший группы отметил на карте четыре километра и сказал так, словно они гуляли в Летнем саду:

— Нормально.

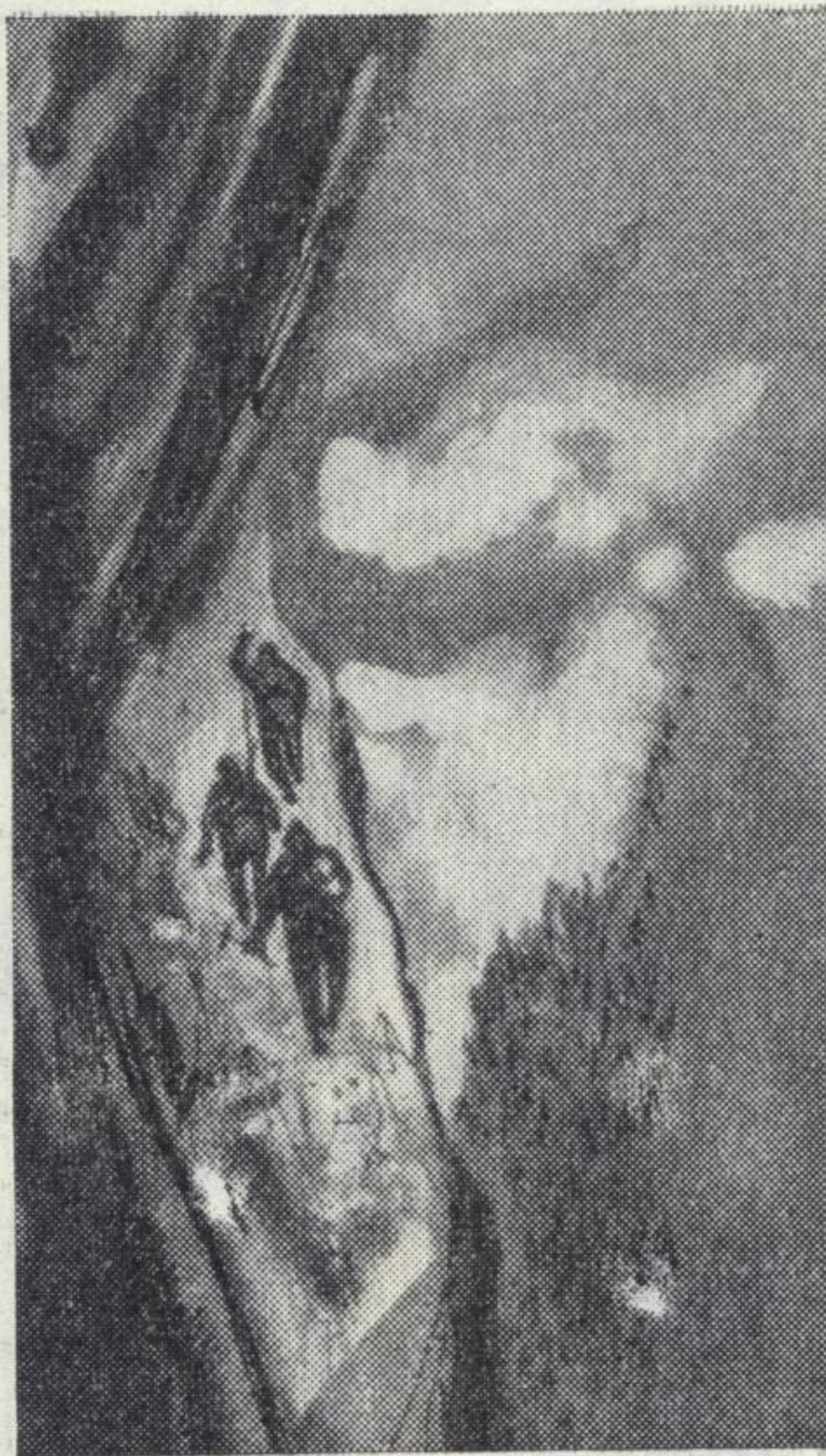
4

Жизнь шла размеренно. Можно было бы даже приколоть к стене палатки распорядок дня, как в пионерском лагере: «Подъем, зарядка, водные процедуры...» Только без тихого часа. Маршруты теперь были скромными — чаще всего по Карловке, маленькой реке с широкой долиной. Пробирался там однажды и Володя, за ним шла уже порядочно уставшая Зина Вакулова, студентка Ленинградского горного.

— Опять прижим! — сообщила Зина.

— Тоже мне, прижим! — снисходительно отозвался Володя, мельком взглянув на камень, величиной в неполный человеческий рост.

Перелезая, Вакорин схватился за корни деревца и почувствовал укол, как будто в мякоть ладони вошел гвоздик. Успев перебросить тело на другую сторону, Вакорин заторопил Зину:

— Помоги раскрыть сумку! Только увидав под корнем змею, девушка поняла, что случилось. Ее спутник сбросил гадюку в воду палкой, и тогда девушка мигом перелетела через камень. Оказавшись рядом, она схватила Володю за руку и впилась зубами в укушенное место, стараясь высосать яд.

Вакорин знал, как это опасно для нее. Он попробовал вырвать руку, но не мог. Тогда он несильно, но резко ударил девушку в подбородок и тут же приказал:

— Раскрой сумку! Бритву! Теперь режь кожу! Режь, кому говорю? Здесь, где укус, несколько разрезов!

Зина схватила лезвие, но тут же отпрянула.

— Не могу! — сказала девушка, и на глазах у нее выступили слезы.

Чертыхнувшись, Володя стал кропать укушенную руку сам. Потом врач качал головой: надрезы, мол, сделаны кое-как, надо было выдерживать направление вдоль, а не поперек.

5

Вакорин начал поправляться. Однажды утром, когда палатку обволакивал осенний —

с грибным запахом — туман, он решительно потянулся к геологическому молотку. До отъезда в Ленинград не мешало сделать еще несколько маршрутов.

Владимир натянул неуклюжую робу, по знакомым, как ступени в собственной парадной, выступам стал подниматься на прибрежную скалу. Визжала рулетка, покрывали бумагу подробные описания. А потом в толще зеленокаменных сланцев мелькнули яркие светлые жилки. Вакорин сам себе не поверил. Он отступил на несколько шагов, перевел дух, стараясь не смотреть на заветное место. Казалось — взглянешь туда еще раз и светлые жилки исчезнут. Но они не исчезали. Это было то, что давно искали, — пачка вкраплений одной породы в другую!

Рассеченные швом белые жилки давали ответ на самый главный вопрос — когда здесь произошел последний сдвиг. Об этом судят по возрасту пород, поднявшихся по шву из глубины. Белые жилки свидетельствовали, что толчок, произошел давным-давно, триста миллионов лет назад, и с тех пор здесь спокойно.

Белая пачка лишней раз подтвердила правоту ленинградских изыскателей. Район Карлова — цельная горная плита. Фундамент, будто специально подготовленный природой для плотины!

Поздней осенью экспедиция уезжала домой. Вакорин и Юра стояли у борта катера, смотрели, как уходит в вечерний туман ставший родным берег, и не узнавали его. Слово жуки, ползали у воды бульдозеры, поднимались черные остовы буровых установок, стучал движок электростанции.

— Да будет в Карлове ГЭС! — сказал Юра.

— Будет! — подтвердил Вакорин.

Г. Балувев, Б. Вахрамеев

ДЕЛА

Семейные

ПОВЕСТЬ

Евг. Мин

Рисунки И. Харкевича

1

Бабушка вышла замуж.

Гене Возницыну никак не понять, зачем ей это понадобилось. Зачем ей нужен тонкошей Альберт Михайлович. Зубы у него желтые, на голове три волоса, будто фотоклеем прилеплены, и вообще он скучный старик, а бабушка совсем молодая и, когда они с мамой идут по улице, все думают, что это родные сестры.

Юрка, дружок Гени, тоже считает, что бабушка промахнулась. Могла бы выбрать себе кого-нибудь получше.

Вечер. В узком ущелье коридора тускло горит лампочка. Ребята сидят в углу на старинном кованом сундуке и обсуждают событие, которое занимает всю квартиру.

— Я думаю, — вздыхает Геня, — это у нее на почве гриппа, помнишь, она зимой болела?

Постучав подковкой ботинка о железную полосу сундука, Юрка цедит сквозь зубы:

— Чудак!.. Грипп... От гриппа замуж не бегают.

В коридор в пальто и кепке выходит Владик Королев, задумчивый, маленький человек. Половину лица у него закрывают толстые, выпуклые очки.

— Гуд бай, Король! — приветствует его Юрка. — На прогулку топаешь?

— Собираюсь, — очень серьезно отвечает Владик, — идемте, ребята.

— Он не может, — придав своему лицу унылое выражение, кивает Юрка на Геню. — У него несчастье, бабушка сбежала.

Геня злится, соскакивает с сундука, сжимает кулаки и готов броситься на Юрку. Вот

вот мальчишки сцепятся, но Владик становится между ними.

— Не нужно, Юра, — заикается он. — Ты должен понять Геню.

— Чего там понимать, — презрительно кривит рот Юрка, — все они, бабы, одинаковы.

Гене не нравится, что Юрка называет его бабушку бабой, но спорить с Юркой трудно. Он на два года старше, ему уже четырнадцатый, и он такой длинный, что его пускают на все сеансы в кино. Геня молчит, а Юрка, поняв, что обидел приятеля, идет на попятную.

— Ладно, я же не про твою бабушку... Я так, вообще. Вот, возьми мою мать, она твердит, что для нее никого нет дороже меня... Понял?.. Отца последними словами ругает, он пьяница, бил ее... Три раза от нас тикал и три раза назад. Все равно принимала.

— Ну, это совсем другое, — возражает Владик. — Это отец твой, а для Анастасии Васильевны Альберт Михайлович посторонний человек.

— Он не посторонний, — решительно перебивает Геня. — Они с бабушкой в одной школе учились, только он на два класса старше. Он ей по физике задачки помогал решать. Потом они лет тридцать пять не виделись, а в этом году случайно встретились. Бабушка говорит, он хороший человек.

Юрка прищуривает глаз, опять хочет подкузьмить Геню, но вмешивается Владик:

— Идем на улицу, одевайся скорей!

— И так не замерзну...

И, подталкивая Владика в спину, Юрка уходит, а Геня медленно направляется домой.

Папы и мамы еще нет, и Геня может делать что ему вздумается, но делать

совершенно нечего. Раньше он мог бы поговорить с бабушкой, а теперь...

Вот здесь они все жили: мама, папа, бабушка и Геня, на Фонтанке, в доме, на котором прибита доска с золотыми буквами: «Здание построено в конце XVIII века, находится под охраной государства». Комната у них большая, разгороженная пополам. В одной половине столовая, и там помещаются папа с мамой, а в другой — Геня с бабушкой. Бабушка только вчера уехала к своему Альберту Михайловичу.

Мама с папой у Гени обыкновенные, ничего в них особенного нет. Мама — адвокат. Дел у нее много: ходить в юридическую консультацию, в суде выступать, по магазинам бегать, обеды готовить и еще о Гене заботиться, следить, чтобы у него уши были чистые и ругать за грязь под ногтями, и уроки проверять. Папа очень занят. Утром он на завод уходит, а оттуда к себе в вечерний институт. Домой возвращается, когда Геня спит. С ним и по воскресеньям не поговоришь. Весь день сидит за учебниками, как маленький.

А с бабушкой интересно было. На что уж Юрка женщин не признает, и то бабушку человеком считает.

Бабушка и на войне была, сначала сандружинницей на Ленинградском фронте, потом пленных допрашивала. Она до самого Берлина дошла. В альбоме много ее военных фотографий. Там бабушка в гимнастерке, пилотке, с пистолетом, и в маскировочном халате тоже она.

Бабушка и на лошади умеет скакать, и на лыжах ходить, и в тире стреляет так, что все фигуры сшибает без промаха.

Да, с бабушкой можно иметь дело. Она все понимает. Вот когда весной Геня решил собаку завести, она его сразу поддержала. Они вместе и на собачью выставку ходили. Ух, как там интересно! Собак много, все породистые: и доги, и овчарки, и сен-бернары, и колли. Но больше всех понравился Гене боксер, по имени Барс, тигровый с белыми отметинами на шее и на груди, с глубоким шрамом на выпуклом лбу. Оказывается, этот Барс пострадал в бою, защищая свою хозяйку. Двое грабителей напали на нее вечером в Удельнинском парке. Они стреляли в Барса, ранили его ножом, и все-таки он задержал бандитов.

После выставки Геня только и мечтал, как бы завести боксера. Мама сказала, что это баловство и выдумки и лучше бы он думал об уроках, опять у него тройка по языку, и еще жалуется учитель пения, и если так будет продолжаться дальше, ее вызовут в школу, и это позор, когда сын интеллигентных родителей не умеет себя вести.

Нет, они с бабушкой не поддались. Бабушка объяснила, что собака вовсе не баловство, надо приучать ребят любить животных, заботиться о них, тогда из ребят вырастут добрые люди. Геня пообещал маме учиться на пятерки и делать все, как она хочет. Она сказала, что посмотрит, сумеет ли Геня выполнить свое обещание, а папа предложил дать ему месяц испытательного срока.

Не легко было Гене. Он отчаянно зубрил разные там немецкие глаголы, старательно пел гаммы, не дергал ни одну девчонку за косы, мыл дома чайную посуду, натирал пол, не смотрел по телевизору самые интересные фильмы, которые детям почему-то смотреть запрещено.

Все терпел Геня, а к концу чуть не сорвался. Было это так. Сидели они втроем: Геня, Владик и Юрка, в саду на Фонтанке. Сад был еще закрыт на просушку, но они перелезли через забор и устроились на спортивной площадке.

Весна. Солнце пригревает. Хорошо, тепло. И никого нет, ни ворчливых старух, ни мамаш с детьми.

Владик держал в руках книжку, экзаменуя Геню.

— С какой стороны от хозяина должна ходить собака?

— С левой.

— Правильно. А что нужно делать, если чужой человек даст собаке колбасу или другую пищу?

— Сказать «фу» строгим голосом.

— Как велеть ей принести палку?

— Кинуть подальше и крикнуть: «Апорт!»

— Аэропорт, — передразнил Юрка и плюнул в черную, как нефть, лужу.

Владик снял запотевшие очки, протер их и, часто моргая, сказал Юрке:

— Не мешай, пожалуйста.

— А ну его, — махнул рукой Геня, — пусть ломается. Давай дальше!

Но нет, от Юрки легко не отделаешься. Недаром его мать — тетя Люся — называет баным листом.

— Эх вы, чурки еловые! — презрительно цыкнул он. — По книжкам дуется!.. Что такое ваши книженции?.. Слова одни!.. Тьфу!.. Испытайте на живом кобеле вашу науку, посмотрим, как он ее обгавкает.

— И попробуем! — вызывающе отозвался Геня. — Но где его взять?

— Слови за хвост и упражняйся. Только теперь бесхозных не сыщешь. Ладно, можно и так, по-нарочному.

— Как это по-нарочному? — не понял Геня.

— Очень даже обыкновенно. Пускай один из вас собаку представляет, другой — хозяйина, а третий — чужого.

— Мне собакой быть? — покорно вздохнул Владик, которому во всех играх доставались самые неинтересные роли.

— Тебе? — усмехнулся Юрка. — Нет, у тебя не получится. Собаки в очках не бывают. Еще старика ты можешь изобразить, а собаку нет. Ладно, я сам.

Он широко расставил ноги, выпучил глаза и надул щеки.

Ребята захохотали.

— Похоже. Чистый боксер, — сказал Владик.

— Артист! — восхитился Геня.

— То-то же, — звонко щелкнул пальцами Юрка. — Мне бы еще хвост — совсем не отличили бы. В общем, так, я — собака, Геня — мой хозяин, а ты, Владька, старичок-пенсионер, за кефиром топаешь. Начали!..

Ребята встали со скамейки. Владик ушел куда-то, так что его и не видно, а Юрка с Геней стали прогуливаться по спортивной площадке. Юрка то терся головой о Генино плечо, то убегал вперед, то возвращался, надув щеки, выпучив глаза, по-собачьи загребая ногами.

Вскоре появился Владик. Он медленно шел, опираясь на сухую, корявую палку, шаркал подошвами о песок и, если бы не ранец за спиной, его можно было бы принять за настоящего маленького старика или за гнома из спектакля о Белоснежке, который Геня видел с бабушкой в прошлом году.

— Ко мне, Рекс! — скомандовал Геня, увидев, что Юрка устремился навстречу Владиду.

Юрка засеменил и побежал справа от Гени, но тот перетащил его за рукав на левую сторону.

— Скажите, пожалуйста, это ваша собачка? — старчески прошамкал Владик.

— Моя, — важно ответил Геня.

— Хороший песик, славный песик, — похвалил Владик Юрку и протянул руку, чтобы погладить его по голове.

— Р-р, — грозно оскалился Юрка.

— Место! — приказал Геня.

— Простите, не расслышал, как ее зовут, вашу собачку, молодой человек? — заинтересовался Владик.

— Р... Ррекс! — прорычал Юрка.

Геня обиделся и неодобрительно посмотрел на него.

— Так не играют. Ты — собака, и не умеешь говорить.

Юрка ткнулся головой Гене под мышку и виновато завилял воображаемым хвостом. Обида у Гени сразу же прошла, он весело засмеялся, а Владик невозмутимо продолжал:

— Чувствует пес, что напроказил. Скажите, он не кусается?

— Нет, он добрый.

— Дрессированный?

— От чужого ничего не возьмет.

— Посмотрим, посмотрим, — усомнился Владик.

Он долго рылся в карманах куртки и наконец вытащил оттуда горсть леденцов.

— Возьми, Рекс, — сказал Владик, протягивая Юрке на открытой ладони слипшиеся комком леденцы.

Юрка раздул ноздри и зашевелил ушами. Ловко! Один он во всей школе так умеет.

— Фу, Рекс! — хриплым голосом выговорил Геня. — Фу!

Юрка немного отступил назад и вдруг неожиданно прыгнул, слизнул с руки Владика леденцы и начал носиться вокруг скамейки как дикий.

— Тю!.. Тю!.. Влипли!.. Попались, дурачье!.. Я знал, что у Владьки леденцы... Провели лопухов!

Ну и Юрка!.. Не ждал от него Геня. Он даже покраснел весь, а Владик, заикаясь, произнес:

— Это нечестно... Так поступают только жулики.

Глаза у Юрки стали белыми:

— Чего? — яростно заскрипел он зубами и, наступая на Владика, выпятил грудь и засунул руки в карманы. — Чего лопочешь, а ну, повтори!

Но Владик не струсил. Он прямо смотрел снизу вверх через толстые стекла очков в бешеные глаза Юрки.

— Так поступают только жулики и нечестные люди, — сказал он твердо.

— Ты это кому?! — взревел Юрка. — Мне?.. Очкарик!.. Сморчок поганый!.. А ну, получай!

Не вынимая рук из карманов, он двинул Владика худым острым плечом в грудь так, что Владик полетел в лужу.

Этого Геня стерпеть не мог. Он кинулся на Юрку, сбил его с ног и, сцепившись, они покатались клубком по земле. Сначала Геня был наверху, Юрка внизу, потом Юрка наверху, Геня внизу, а Владик тянул их обоих за штаны, умоляя:

— Не надо, ребята!.. Хватит!.. Зачем вы!

— Не лезь! — скрипел зубами Юрка, пытаясь лягнуть Владика ногой.

— Уйди! — бормотал Геня, выплевывая землю, набившуюся в рот.

И опять они катились клубком, пока перед ними не вырос огромный дядька, в резиновых сапогах, ватнике и ушанке.

— Это кто такие, сякие, этакие! — оглушительно загредел он, — откуда взялись, как сюда попали?

Юрка и Геня сразу расцепились, а огромный дядька продолжал сердито допрашивать их:

— Выкладываете, как сюда заявились, если сад закрыт?

— Мы через забор, — признался Геня, — он невысокий, и дырки в нем есть.

— Дырки? Для вас прикажете каменные стены ложить, чтобы не лазали? Явились тут, драку затеяли...

— Они не дрались, они просто играли, — вмешался Владик, и Юрка тут же его поддержал:

— Честное слово, дяденька, мы ничего плохого не делали. А вы кем будете здесь, сторожем? — спросил он, чтобы перевести разговор на другую тему.

— Именно, сторожем. Иваном Демьяновичем меня зовут. Стащу вот вас в отделение, пускай там с вами, гавриками, разбираются.

У Гени под ложечкой засосало. Приведет их дядька в милицию, оттуда позвонят по телефону домой, вызовут папу с мамой, и все... Все лопнет!.. А завтра как раз кончается испытательный срок.

— Не нужно, товарищ сторож, не нужно, Иван Демьяныч, — жалобно попросил он.

Иван Демьяныч с минуту подумал, поглядел внимательно на ребят и сказал:

— Ладно, если у вас силенка лишняя завелась, выходу себе не находит, дадим ей загрузку. Видите, вон там домишко под зеленой крышей торчит? Это контора наша, штаб повоенному. А подле нее цельную свалку устроили. Привезли утром урны для культуры, чтобы гуляющие папиросы и бумажки бросали по принадлежности. Привезли, значит, эти культурные предметы, а ставить их некому. Сам я с ними до вечера провожусь, а меня еще другие дела ждут. Так что уж давайте вместе. Кончите урок, отпущу с миром.

— И только-то! — у Гени отлегло от сердца, а Юрка прихвастнул.

— Это нам раз плюнуть!

— Не бренчи! — оборвал его Иван Демьяныч. — На словах все прыткие, а потом — кишка тонка. Поглядим, как справитесь.

И справились. Урны, хоть и деревянные, а тяжелые. Но ничего, втроем не трудно. Юрка впереди шел, Геня сзади, а Владик — посерединке. Иван Демьяныч, тот сразу положит одну урну на правое плечо, другую на левое и шагает себе спокойненько.

Кончили работу, он сказал: «Молодцы, солдатики», — и позвал ребят к себе домой.

Жил он в домике, где контора. Комната маленькая, чистая, потолок низенький, стол без скатерти добела ножом выскоблен и печка железная с трубой. Геня знает, такие печки в войну временками назывались и весь Ленинград отапливали.

Пришли, умылись, почистились. Иван Демьяныч чаю вскипятил, не как у всех людей в чайнике, а в солдатском котелке. Налил каждому по кружке и еще дал хлеба с колбасой, и сахару. Пьешь из жестяной кружки, губы жжет, сил нет, колбасу держишь в руке, сахар хрупаешь громко, — никто тебе замечаний не делает.

Пока пили чай, вели разные разговоры. Между прочим, Иван Демьяныч в собаках толк понимал и сказал, что сам давно мечтает завести собаку, потому что это лучший друг человека.

Попили чаю, Иван Демьяныч проводил ребят, выпустил их через главный ход, попрощался за руку с каждым:

— Ну, так, хлопцы!.. Откроется сад, милости прошу к нашему шалашу. Мы теперь знакомцы с вами. Только уговор, правил не переступать. Поняли? А покедова дуйте!

Вот и обошлось все, а на другой день кончился у Гени испытательный срок, но тут мама

сказала, что живут они в коммунальной квартире, и для того, чтобы завести собаку, нужно согласие всех жильцов.

Тетю Люсю, Юркину маму, долго уговаривать не пришлось. Она сразу согласилась:

— Ладно, заводите!.. Собаки, они получше других людей бывают.

А Владиков отец, Петр Викентьевич, уперся:

— Не могу! Я не против собак вообще, но не могу. Собака будет лаять, а у моей жены

нервное заболевание. Ей всякий шум вреден. Не могу.

Как потом его ни упрашивали и Владик, и Генин папа, и мама, он все твердил:

— Не могу!

Геня ужасно расстроился. Потерял аппетит. Все ему неинтересно стало. В школе сразу двойку схватил по пению (будешь тут петь, когда такое делается!). Мама сердилась, а папа утешал:

— Будь мужчиной, Геннадий, терпи!.. Скоро нам дадут отдельную квартиру. Там сами хозяйевать станем. Хоть целую псарню заводи.

Скоро!.. Не мог Геня больше ждать. Не мог

он жить без собаки. Хоть бы бабушка помогла. Она любого уговорить может.

А бабушке не до этого. Как встретила она со своим Альбертом, все ей некогда стало, то в театр, то в кино, то еще куда-то...

2

Минуло время. Второй месяц живет Геня с папой и мамой в отдельной квартире. Лето. Жарища страшная. Владик со своей мамой уехал на Украину, бабушка и Альберт Михайлович снимают домик в дачном поселке Ельники. Там же работает и Юркина мать, в буфете. Юрка при ней находится. Он уже три письма прислал Гене, зовет: «Мотай сюда, дело есть!»

Геня бы поехал, да мама не пускает. Вот, говорит, кончу возню с квартирой, отправимся в Крым, на Черное море. Тоже неплохо, можно подводной охотой заняться. Ласты у Гени имеются, и маска, и ружье специальное. Но скоро ли кончится мамина квартирная возня — неизвестно. И все еще нет у Гени собаки.

Мама сказала:

— Устроимся, тогда куплю.

Потеряла покой Генина мама. Новая квартира, новые хлопоты. Вот уже и новые вещи появились: сервант и кровати орехового дерева, низенький широченный диван и этажерка на тонких ножках.

— Геня, будь осторожен, не поцарапай полировку.

Противно слушать. Но мама еще придумала — полы лакировать, чтобы они как в музее были. Нужно сначала все дырки зашпаклевать, потом паркет выстругать, и только уж тогда лаком крыть. Геня мешать будет, болтаться под ногами. Вот мама и решила отправить его на неделю к бабушке — пусть там поживет. Папы тоже нет — он в командировку в Сибирь уехал.

Прежде чем отпустила, целый час наставления читала. «На солнце не перегревайся, купаться пойдешь — глубоко не заплывай, сырой воды не пей, ягодами не объедайся». Геня слушал, кивал головой, а сам думал: «Ладно, знаю, что мне делать».

В Ельники он приехал рано утром. Дом, где жила бабушка с Альбертом, нашел сразу. Мама говорила, не заблудись. А чего там искать? Пройдешь мимо почты и пионерлагеря, тут он и есть, этот дом. Маленький, белый, крыша круглая, красная, на мухомор похож. Дом принадлежит какому-то профессору по ухо-горло-носу. Бабушку и Альберта он пустил на лето. У них комната и веранда застек-

ленная. Во дворе дома большая клумба с розами. Розы Альберт Михайлович сам высадил и очень ими хвалится. Пока пили чай, завтракали, Альберт Михайлович только о розах и говорил. Бабушка ему поддакивала. Надоело даже. Хорошо, Юрка появился. Как это он разведает, что Геня приехал? Бабушка не стала их удерживать, позволила Гене с Юркой уйти, только чтобы Геня к обеду вернулся вовремя.

И вот они идут по поселку Ельники. Прошли мимо почты и пионерлагеря, миновали дом с красным флагом, потом магазин «Гастроном». Идут и оба молчат. Геня чувствует, что Юрка чем-то озабочен, а спрашивать нельзя. Если у Юрки плохое настроение, лучше не приставать — обругает.

Шли, шли и остановились у буфета, где Юркина мама работает. Тут только Юрка первые слова сказал:

— Обожди, я сейчас.

И ушел, но не с главного хода, а с черного, где кухня. Когда вернулся, в руках у него был большой сверток.

— Чего это ты взял? — спросил Геня.

— Не суйся, узнаешь.

И снова они вместе шагают. Позади осталась железнодорожная станция, парикмахерская, дом с колоннами, где артисты отдыхают. Вот уже и лес. Повернули на узенькую тропинку. Идешь по ней, елки тебя колючими ветками хлещут. В конце тропинки оказалась не то сторожка, не то шалаш какой-то. На дверях замок здоровенный. Юрка вынул из кармана ключ, повернул два раза в замке, отворил дверь, и вдруг из шалаша выскочила собака, рыжая, лохматая, лапы черные, морда длинная, лисья, хвост колечком, а уши большие, как лопухи.

Выскочила и залилась лаем.

— Тише, тише ты, Звонок! — успокаивает собаку Юрка, а сам улыбается, глаза сверкают.

Но этого Звонка не утихомиришь. Он все гавкал и гавкал, а потом кинулся к Юрке, положил ему на плечи тяжелые черные лапы и ну лизать Юркин нос, и глаза, и губы, и уши.

Юрка всю отбивался:

— Хватит тебе, дурень!.. Видишь, посторонний здесь. Цыц, говорят!

Как только он крикнул «цыц», Звонок перестал лизаться, опустил на все четыре лапы и посмотрел на Геню коричневыми умными глазами. Смотрит внимательно, будто хочет понять, что за человек Геня.

— Это свой, Звонок, понял, свой!.. Товарищ мой, друг, — сказал Юрка. — Он вроде меня самого, ему доверять можно, иди познакомься.

Звонок еще раз поглядел на Геню, подошел к нему и протянул лапу.

— Привет, — сказал Геня, пожимая лапу Звонку, а тот мотнул своей ушастой головой, словно поклонился.

— Ну, ладно, познакомились и хватит!.. Теперь пора завтракать, — сказал Юрка и, развернув сверток, вывалил на траву куски колбасы, отрезки сыра, вареную картошку и хлебные корки.

— Ешь, бродяга, — велел он, и Звонок принялся уплетать принесенную Юркой еду.

— Это мне тетя Нюша, повариха, дала, — объяснил Юрка. — Она добрая, и у них в буфете много объедков остается.

— Дворняга, — сказал Геня, с сожалением посмотрев на собаку.

— Это еще вопрос, — возразил Юрка. — Уши у него охотничьи, и стойку он ловко делает. Сам увидишь. Хорош пес, а?

— Годится, — неуверенно сказал Геня. Ему не хотелось огорчать Юрку. Сам бы он никогда не завел простую, непородистую собаку. Такую и на выставку не возьмут, и по городу с ней не пойдешь — засмеют.

— Где же ты его подобрал? — спросил он Юрку.

— Где?.. Сразу и не расскажешь. Слушай, как было. Значит, все произошло месяц назад. Я на станцию направился за газетами. Меня мамин заведующий послал. Пойди, говорит, купи, сегодня лотерейная таблица должна быть отпечатана. Он, Степан Аркадьевич, уже третий год рассчитывает «Москвич» или мотоцикл «Яву» выиграть. Ну, являюсь я на вокзал. Газеты в киоск еще не привезли. Хожу, прогуливаюсь по платформе, а там, вижу, целый табор раскинулся. Дядька солидный такой, в шляпе, жена и двое ребят, вроде нас с тобой. На дачников не похожи, наверно, местные жители. Разложили они свои чемоданы, корзины, тюки разные. Должно быть, куда-то переезжать собрались. А рядом с ихними тюками сидит этот лопухий сторож. Прибыла электричка, которая в город идет. Дядька побросал на площадку тюки и чемоданы, жена с ребятами в поезд вошла. За ними и рыжий

скакнул. Электричка загудела, тронулась, и вдруг этот дядька взял рыжего, выставил на платформу и перед самым носом дверь захлопнул. Я обалдел даже. Рыжий растерялся, заскулил, а потом как бросится за электричкой. Мчится, лает из всех сил, дурачина.

— Как же это? — удивленно спросил Геня.

— Чего как?

— Как же он собаку бросил?

— Бросил, и все.

— Это же его пес был?

— Ясно, его.

— Почему же он?..

— Почему, почему... Потому что он сволочь. Вот кто он, хоть и в шляпе.

Ребята умолкли. Звонок прикончил кухонные объедки, вкусно облизнулся, подошел к Юрке и доверчиво положил ему на колени свою большую, лопухую голову.

— Ну, что, позавтракал? — спросил Юрка, ласково почесывая его за ухом. — погоди, еще и обедать будешь, и ужинать. И, вообще, не тоскуй... Живы будем, не помрем. Держи нос выше. Понял?

— Ну, а что дальше было? — спросил Геня.

— Гнался, гнался он за электричкой, я уж из виду его потерял. Прошло минут десять, вижу, плетется назад, хвост повис, голову опустил. Пришел на старое место, где он ихние тюки сторожил, уселся и слезы из глаз у него потекли...

Так, значит, сидит он на платформе и плачет, как ребенок малый. У меня сердце захолонуло, жалко стало пса. Я его погладил по голове и говорю: «Эх, Рыжий, Рыжий!.. Что же теперь делать будем?!» А он оскалил зубы, зарычал. Я его за ухо взял, потрепал, мол, не огорчайся, всякое бывает, а он как тяпнет меня за руку. Гляди, до сих пор метка осталась... Ну, я, конечно, разозлился, пнул его ногой в бок и ушел. Тут как раз газеты в киоск привезли, купил я для Степана Аркадьевича одну штуку и ушел.

Юрка умолк. Тихо было в лесу. Пахло горячей хвоей. Где-то далеко стучал дятел, мерно и ровно, как будто кто-то колот дрова.

— Значит, и ты его оставил? — спросил Геня.

— А чего же мне с ним делать, если он зверь несознательный? К нему, как к человеку, а он... Пришел домой, перевязал руку, маме Люсе сказал, что на камень напоролся, когда плавал. В общем, дел у меня днем много было, я и забыл про животное. Вечером у артистов в доме отдыха картину интересную показывали — «Тайный знак». Про шпионов. Ты не видел, между прочим?

— Нет, — вздохнул Геня, — меня еще не пускают.

— Ясно, детям до шестнадцати нельзя, — сказал Юрка и пообещал: — Ничего, со мной пройдешь. Ну, так вот, кончился сеанс, выхожу — дождь всюду хлещет. Я бегом припустил. От кино до нашей хаты полкилометра, не больше, наверно. И надо железную дорогу пересекать. Добежал я до вокзала — и что же ты думаешь? Он, Рыжий, на том же месте сидит, где и раньше, хоть бы под навес забрался, чудак. Вымок весь, уши, как мокрые тряпки, висят. Я к нему: «Послушай, лопухий, дуй со мной!» — а он рычит, не подпускает... Я решил: спятил, должно быть.

— А слюна у него была?

— Какая еще слюна??

— Обыкновенная. У бешеной собаки всегда слюна на губах висит.

— Бешеный это другое дело, — наставительно сказал Юрка. — Он же не взбесился, он расстроился, оттого что с ним так поступили. Его собачьим мозгам не понять этой подлости. Бился, бился я с ним, уговаривал. Так и ушел ни с чем. Только, знаешь, в эту ночь спать спокойно не мог. Лежу, ворочаюсь на постели и все вижу, как он там, под дождем. Утром пошел в буфет, набрал ведерко объедков и понес на вокзал. Прихожу...

— А он все там сидит?

— Точно. Поставил я перед ним ведерко, сам спрятался за колонну, вижу, он на мое ведерко не смотрит, отвернулся, а потом, как заметил, что никого на платформе нет, подошел, понюхал и принялся есть. Так вот три дня его кормил, а на четвертый он пошел со мной. Понял, верно, что нечего больше ждать своего бывшего хозяина. Привел я его в буфет, там он и поселился, под кухонным крыльцом. Тепло, сухо. Мама ворчала на меня. Но заведующий ее, Степан Аркадьевич, сказал: «Пусть живет, сторожем будет».

— И привык он там у вас, на кухне?

— Привык. Сперва скучный был, а потом ожил. Лаять начал. Тут я его и прозвал Звонком. Знаешь, характер у него оказался добрый, ласковый, только пьяных не терпит. Его бы дружинники с руками и ногами оторвали. Он лучше любого милиционера пьяниц урегулировать может. И в буфете он на месте был, никто при нем безобразничать не смел. И вот такую бесценную собаку выгнали. Ты подумай только! А во всем врачиха санитарная виновата. Ух, и вредная же личность. Как только пришла к нам, увидела Звонка, сразу у заведующего спрашивает:

— Скажите, что это такое?

Он смеется:

— Собака особой буфетной породы, по кличке Звонок.

Санитарная тетка разозлилась и целую лекцию прочла Степану Аркадьевичу о том, что собак нельзя держать при общественном питании, что они, мол, разводят бактерии и прочих микробов. Степан Аркадьевич отбрыкивался, объяснял, что это пес чистый, культурный и ничего от него, кроме пользы, нет, он даже крыс умеет ловить. Но разве ей вдобышь. Уперлась — или, говорит, уберите собаку, или составлю на вас акт. После этого разговора Степан Аркадьевич сказал мне: «Забирай, Юрка, своего пса. Нет у меня сил с медициной бороться». Забирай, а куда?

— Ты бы его к себе домой, — посоветовал Геня.

— «Домой», больно ты быстрый. Какой у нас здесь дом! Мы у хозяйки живем. А она — старая карга, котов до смерти обожает, целых три штуки держит. Я только заикнулся о Звонке, она глаза выпучила: «Я тебе покажу собаку!.. Ноги вашей в моем доме не будет, если приведешь. Я тебя с мамашей твоей мигом выброшу, и гроши, которые вы мне платите, не нужны».

Понял? В общем, что хочешь, то и делай. Хорошо, мне один студент помог. Он ходил к нам в буфет питаться, а жил здесь, в этом шалаше. Он тут практику свою проходил, собирал какие-то лечебные травы. Практика его уже заканчивалась, вот он и отдал нам со Звонком свою избушку на курьих ножках, а сам уехал в город. Только ты, смотри, молчок, никому не говори, где мы обитаем.

— Ты и ночуешь с ним здесь? — спросил Геня, кивнув головой на Звонка.

— Ну да, не каждый день, конечно. Как удастся. То скажу маме, что с ребятами на рыбалку уехал, то другое что навру.

— А почему он у тебя под замком и прячешь ты его от всех?

— Потому что он секретный.

— Секретный?

Геня не выдержал и засмеялся. Никогда он не слышал, чтобы собаки были секретными, а Юрка стрельнул глазами:

— Скалишься?.. Будь ты на его месте, завыл бы. Да узнай, что он здесь, его бы собачники давно прихлопнули. Это ваши боксеры и овчарки могут спокойно жить. На каждого документ составлен. А он вроде как беспаспортный. Вот они, собачники, ловят таких и увозят в институты резать, говорят, будто для науки. Уж сколько собак здесь, в Ельниках, поймали. Ездят они на машине, на грузовое такси похожая, только без шашечек. Я ихнюю машину знаю, и номер запомнил, и собачника

главного. Длинный, тощий, морда вся в оспинах. Он у нас в буфете пиво пил. «Я, говорит, по собачьей ловле первый чемпион, от меня ни одна не уйдет». У, гадина, ему бы петлю на шею и в воду! — ожесточенно сплюнул Юрка и, махнув рукой, неожиданно весело сказал:

— Ну и черт с ним, с конопатым... Все равно ему не видать моего пса. Айда купаться, Звонок!

Звонок завертелся колесом, запрыгал и снова начал лизать Юрке губы и щеки.

Купались все втроем на озере. Плавал Звонок хорошо, а нырять не умел, и когда Юрка скрывался под водой, беспокойно лаял.

— Не бойся, не утону, — утешал его Юрка, — не брошу тебя, беспризорника.

Потом ребята жарились на солнце, а Звонок лежал в тени. Потом играли в футбол.

Звонок стоял в воротах между двумя сосенками и, как настоящий вратарь, лапами и головой отбивал мяч, который старались забить Юрка с Геней.

— Не повезло ему, — сетовал Юрка, — родился дворнягой. Будь он боксером или пинчером, представляешь, какие бы ему условия создали?

Время шло незаметно, и к обеду Геня опоздал.

Во дворе профессорского домика, в кресла-качалке спал Альберт Михайлович. На земле валялась пачка газет. На высоком голом лбу у него примостилась муха. Альберт Михайлович

довольно улыбался, должно быть, видел какой-то приятный сон.

«Пришлепнуть бы ее газетиной, вот бы здорово получилось», — подумал Геня.

Альберт Михайлович открыл глаза. Муха улетела.

— Привет, ваше высочество, — сказал Альберт Михайлович, потягиваясь так, что захрустели все косточки. — С благополучным возвращением. Проголодались, наверно?

— Нет, ничего, — бодро ответил Геня, хотя в животе у него изрядно бурлило.

— Меня не обманешь, — пригладил свои три волоса на лысине Альберт Михайлович. — Знаю, что такое аппетит в вашем возрасте. Кстати, когда мне было столько, сколько вам сейчас, я был толстым прожорливым парнем и все называли меня пончиком. И кудри у меня были, да, да, кудри русые, до плеч. А нынче, видите... Все это называется по-латыни «метаморфоза», а по-русски — «превращение». Идемте, я накормлю вас. Моя августейшая супруга оставила подробные инструкции.

Обедал Геня на веранде. На первое был суп из протертых овощей, на второе творожники и на третье — кисель из ревеня.

— Невкусно, милорд? — посочувствовал Геня Альберт Михайлович.

— Соли не хватает.

— Соли?... О мой юный друг, соль в этом доме объявлена врагом номер один. Соль, перец, горчица и прочие зловредные специи сняты с вооружения.

— Почему это? — спросил Геня.

— Всему виной я, — сокрушенно покачал головой Альберт Михайлович. — Ваша уважаемая бабушка решила, что эти продукты вредны для моей особы. А спорить с женщинами бесполезно. Но вы не огорчайтесь, как-нибудь мы ускользнем от бдительного взгляда нашей могущественной покровительницы, от-

правимся в местную харчевню и закатим королевский пир.

— Не называйте меня, пожалуйста, на «вы», — сказал Геня, — я еще не старый.

— Слушаюсь, — согласился Альберт Михайлович, — но сбежать мы с тобой все-таки сбежим. Не правда ли?

— Куда это вы собрались бежать? — раздался голос бабушки, которая незаметно вошла на веранду из сада.

Альберт Михайлович подмигнул Гене:

— Сие — тайна, Тасенька, великая тайна, — очень серьезно сказал он и поцеловал у бабушки руку.

— Я достала тебе лекарство, Алик, — сказала бабушка, вынимая из сумочки пузырек с зелеными пилюлями, — пришлось съездить в Академгородок, больше нигде не было. Прими сейчас.

Длинное лицо Альберта Михайловича вытянулось еще больше. Жалким-прежалким голосом он сказал:

— Может быть, потом?

— Прими сейчас.

— Но, милая, я же чувствую себя отлично.

— Не спорь, — сказала бабушка и заставила Альберта Михайловича проглотить одну из зеленых пилюль.

Вечером бабушка, Альберт Михайлович и Геня ходили гулять в лес, играли в лото. Спать легли рано, потому что Альберту Михайловичу завтра нужно было ехать в город на работу.

Лежа в постели, Геня долго размышлял о бабушке. Что с ней случилось? Будто чужая. Им, Геней, совсем не интересуется. Только и занята своим Альбертом. «Алик, не сиди на сквозняке», «Алик, надень шляпу, тебе напечет голову», «Алик, не ешь черного хлеба, у тебя будет изжога».

Замучила человека. Так он действительно убежит от нее.

3

Солнце жжет нестерпимо. Вязнут в асфальте тонкие каблучки женских туфель, длинная очередь скопилась у белых пузатых цистерн, на которых крупными буквами написано «Квас», жарко даже на озере, а в Юркином шалаше темно и прохладно.

Тихо урчит во сне Звонок, растянувшись на охалке свежескошенного сена, не спеша беседуют Геня с Юркой.

— Дождь сегодня определенно будет, а то и гроза ударит, — говорит Геня.

— Откуда такие известия? По радио, что ли, передавали?

— У меня своя примета, коленка ноет.

— Ишь ты, будто у старикашки столетнего.

— Это с тех пор, как я зимой на катке ногу повредил. Помнишь?

— Угу, — подтверждает Юрка. — Дождя бы хорошо. Накопаем червяков и на рыбалку.

— А здесь что водится?

— Так, больше мелочь всякая, но можно расстараться подцепить и покрупнее. В общем, для нашего лопухого наловим. Он у меня рыбу обожает.

— Белый Клык тоже любил.

— Чего?

— Белый Клык. Это у Джека Лондона.

— Опять ты со своими сказками.

— И несколько не сказки. Если хочешь знать, твой Звонок тоже, наверно, северного происхождения.

— Думаешь?

— Морда у него заправской лайки. Жаль, Владика нет. Он бы по науке определил.

— Я вчера от него письмо получил, — сообщает Юрка. — Пишет, двадцатого вернутся. Климат там неподходящий для матери.

— Двадцатого? Значит, послезавтра, сегодня уже восемнадцатое.

Юрка неожиданно мрачнеет и начинает медленно загибать пальцы один за другим на обеих руках. Считает он долго, лицо у него становится угрюмо-сосредоточенным.

— Так, — наконец выдыхает он, — сорок четыре дня нам осталось. Тринадцать в июле да в августе тридцать один. И амба!

Только теперь Геня догадывается, о чем думал Юрка и, показав на спящего Звонка, спрашивает:

— А как же с ним?

— Не знаю, — бурчит Юрка.

— Если в цирк отдать?..

— В цирк?

— Ну да, он же умный, может фокусы разные показывать.

— Сбагрить, значит, собаку?

Геня выдерживает колючий, пристальный взгляд Юрки и спокойно продолжает:

— В цирке они хорошо живут. Их кормят, уход за ними приличный. Вот, знаешь, у клоуна Вяткина Манюня? Он ее на улице подобрал, простой дворняжкой была, а сейчас настоящая артистка.

— Сам ты артист. Своего боксеришку на руках бы таскал, а чужого пса только сбить куда, чтобы с глаз долой. Правильно мать толкует: «Сытый голодного не разумеет».

Нет, с Юркой невозможно разговаривать. Что поделаться-то? Была бы у Юрки с мамой отдельная квартира, они могли бы взять собаку к себе.

Геня долго думает, чем помочь Юрке, но в голову не приходит ни одной путной мысли.

Солнце поднялось высоко. Палящие лучи его проникают в шалаш. Сухо становится во рту.

— Слушай, Геня, пойдем в буфет квас пить, — предлагает Юрка, — им всегда в это время привозят.

— Пойдем, — охотно откликается Геня, — а Звонка возьмем?

Услышав свое имя, Звонок открывает глаза, шумно отряхивается и просительно лает.

— Ах ты, бродяга, — смеется Юрка, — притворялся, будто спишь. Нельзя тебе с нами, Рыжий. Нельзя!

Услышав отказ, Звонок усаживается на задние лапы и, сложив вместе передние, совсем как человек руки, умоляюще протягивает их к хозяину и подскуливает.

— Хватит тебе, фокусник! — притворно строго кричит на него Юрка. — Разжалобить хочешь?.. Не выйдет. Не могу я взять тебя с собой. Там мигом застукают. Да ты не печалься, мы скоро. Одна нога здесь, другая там. Через двадцать минут назад будем.

Двадцать минут обернулись часом. В буфете был обеденный перерыв. Тетя Люся, увидев Геню, обрадовалась и стала расспрашивать про новую квартиру, какая там кухня и ванная, и с цветочками ли обои в спальне, а узнав, что Генина мама купила диван и сервант, вздохнула:

— Живут же люди!

Лицо у нее при этом сделалось скучным-прескучным.

Кваса ребята напились досыта. Особенно Юрка. Живот у него стал круглым, тугим, как футбольный мяч.

Назад возвращались самой короткой дорогой. Юрка все подгонял Геню:

— А ну, шевелись... Звонок, наверно, заждался. Он время точно чувствует, будто у него в голове часы вделаны.

Когда повернули на лесную тропинку, Юрка вдруг замер на месте:

— Слышишь? — спросил он. — Лает. Наверно, случилось что. Если он один, никогда голосу не подаст. Слышишь?

Геня не успел ответить, а Юрка уже мчался так, что за ним не угонишься. Чем дальше они бежали, тем громче становился злобный надсадный лай.

Минут через пять Геня и Юрка были подле шалаша.

«Он самый, собачник», — подумал Геня, увидев тощего длинного дядьку, который отбивался от Звонка большой суковатой палкой.

— Ах ты, падло, мразь собачья! — хрипел мужчина. — Вот ты где кантуешься, рыжая тварь! Думаешь, улизнул от меня...

— Назад, Звонок, место! — повелительно крикнул Юрка и, закрыв собой собаку, вырос перед тощим дядькой, которому едва доходил до пояса.

В гостях у Сехата Вейсова

Это был исключительно шумный дом. По широким, как улицы, коридорам, топая, толкаясь и крича, бегали мальчишки и девчонки. Из огромной, похожей на вокзал кухни доносилось паровозное шипение чайников.

Даже запахи в этом доме кричали — острые пряные запахи кавказских блюд.

За порогом маленькой квартирки с низкими светлыми потолками как будто было потише. Но тишина обманывала, все тот же яростный беспорядочный шум царил и здесь. Здесь кричали краски. Пылали алые плащи матадоров, вздымались на дыбы черные, как ночь, кони, под пронзительно синим небом серебром и золотом вспыхивали рыцарские латы.

Все куда-то несло, с чем-то или кем-то боролось. И всюду звенело оружие. И хотелось отклониться от летящей в тебя стрелы, заслониться щитом от разящего меча. Шаг вдоль стены — битва, еще шаг — бой быков, еще шаг — погоня. И забывалось, что это всего лишь рисунки, забывалось, что весь этот грохочущий мир нарисован акварелью.

А в углу, у окна, возле тяжелого мольберта стоял хрупкий черноволосый парнишка, бакинский семиклассник Сехат Вейсов — автор выставленных работ.

Он начал рисовать в восемь лет. Ему повезло — с самого начала ему помогал, был строгим критиком и наставником старший брат Руслан, студент художественного училища. Он учил Сехата обращению с ка-

рандашом, с кисточкой и с палитрой. Первые баталии Сехата, где фантастические витязи сражались, еле держась на нарисованных ногах, разыгрывались на обороте эскизов старшего брата.

Но это было давно. Сейчас у Сехата сотни рисунков. И вот что любопытно: если еще два-три года тому назад ему требовался всего час-полтора на самый отчаянный, многофигурный акварельный бой, то теперь уже по три-четыре месяца стоит вполне, казалось бы, законченный холст на мольберте...

Тут Сехат перебивает меня.

— Я не рисую больше боев, — тихо говорит он и ведет меня в соседнюю комнату.

Да, тут уже не слышно звона стали. Краски сумрачны и задумчивы. Алый неуверенный огонек с трудом пробивается из-под переплетения мощных извилистых корней. И неожиданная, как этот огонек, табличка: «Нелепый цветочек заблудился».

— Данте, «Божественная комедия», — говорит Сехат и протягивает целую пачку фантастических, похожих на сон, рисунков: ад, чистилище, рай.

Достоевский, Гарсиа Лорка, Низами, — много, даже перечур много взрослых, серьезных книг прочел уже этот мальчик.

— Тебе не мешает это, Сехат? Смотри, все твои рисунки и картины — по мотивам книг: раньше — Вальтер Скотт, теперь — Сент-Экзюпери, — ведь ты о Маленьком Принце думаешь, когда рисовал свой «нелепый цветочек»? А «Одиноче-

ство» — это от Джека Лондона?

— Очень люблю читать, — тихо говорит Сехат.

Ну, что ж, это хорошо, это отлично! Но ведь для настоящего искусства одного чтения мало. Настоящий художник зорек и внимателен прежде всего ко всему, что видит вокруг. Давай выйдем из твоего шумного дома на улицу.

Видишь: на пустыре футболисты сбились в кучку, наземь брошены два портфеля, свист, хохот, — сейчас будет пробит одиннадцатиметровый.

А вон, смотри, около древней Девичьей башни остановились автобусы — чинно вылезают из них экскурсанты в пионерских галстуках.

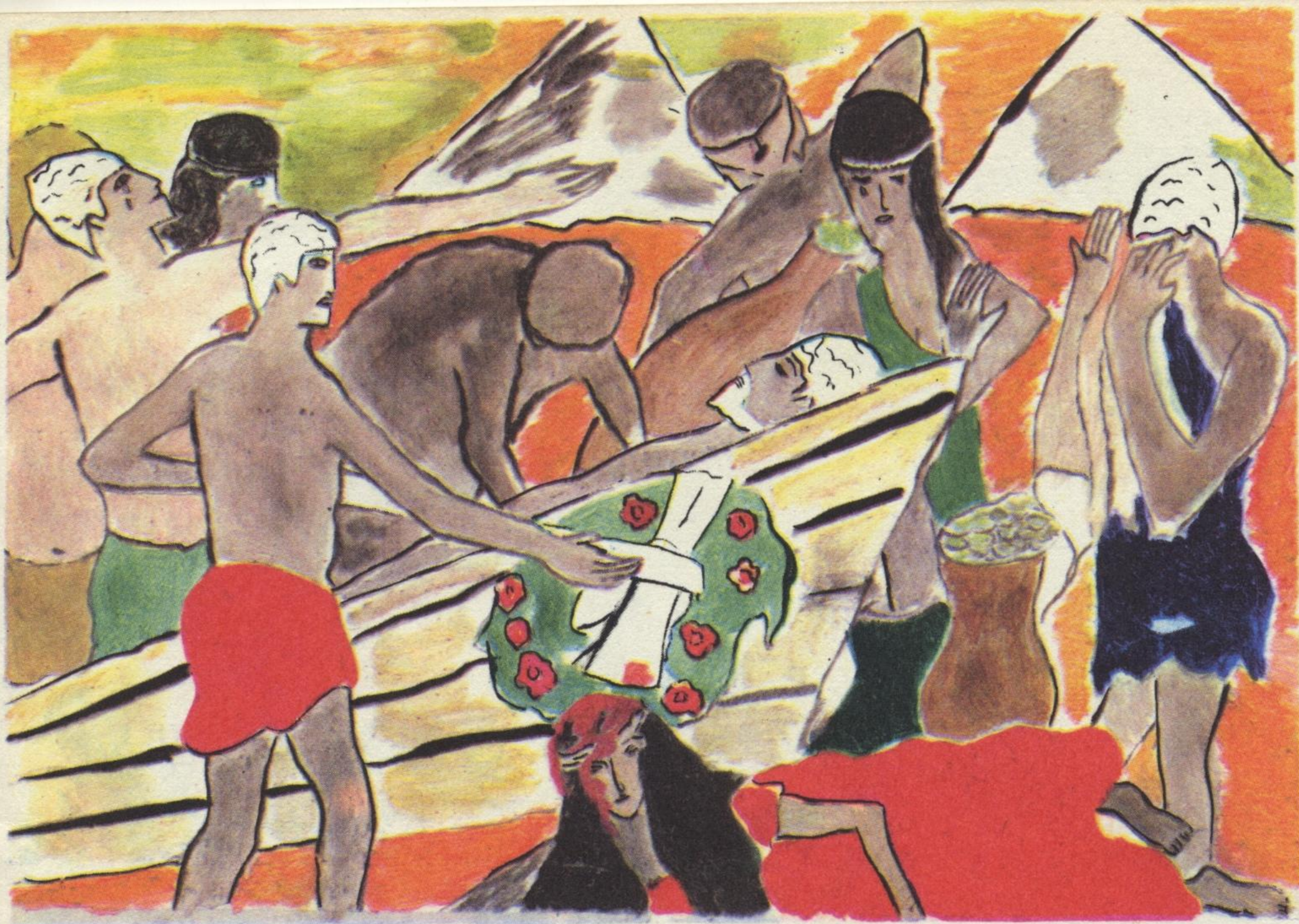
А на пляже что делается! Смуглые сорванцы затаскивают упирающегося приятеля в море, прямо в рубашке, в брюках...

Мне трудно давать рецепты. Но послушай, Сехат, — рядом на вклейке помещены твои работы «Битва» и «Прощание с героем». И у меня такое ощущение, что в этих акварелях ты сам прощаешься с отважным, но чуть-чуть ходульным и абсолютно книжным героем своего детства.

Отзвенели уже на твоих полотнах наивные рыцарские мечи, но не пришел еще и твой настоящий герой, твой современник, каждодневно живущий рядом, может быть, даже одноклассник.

Будь другом, Сехат, распахни навстречу ему окно, открой ему дверь!..

Л. Эфрос

ПРОЩАНИЕ С ГЕРОЕМ

БИТВА

ЛЕТАЮЩИЕ КОЧЕВНИКИ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ,
ГДЕ АВТОРЫ, СМЕНЯЯ ДРУГ ДРУГА,
ПРИДУМЫВАЮТ ГЛАВУ ЗА ГЛAVOЙ

Аркадий Стругацкий
и Борис Стругацкий

ГЛАВА I

Вдвоем фантастику писать можно, знаем по собственному опыту. А втроем?.. А вдесятером?.. Одна голова — хорошо, две — лучше, а десять, наверно, еще лучше? Правда, говорят, что у семи нянек дитя без глазу, но мы надеемся, что это не про нашу коллективную повесть.

Рисунки
А. Сколозубова

На попутной машине Марков добрался до поворота на Сельцы, дал шоферу полтинник и выпрыгнул из темной кабины. Мороз был градусов пятнадцать. Марков сразу понял это, когда почувствовал, что слипаются ноздри. Он знал эту примету: если ноздри слипаются, значит, ниже десяти. Грузовик заворчал, буксанул задними колесами в обледеневшей колеи и ушел за поворот, оставив горький на морозе, едкий запах бензинового перегара. Марков остался один. Он очень любил эту минуту: попутка скрывается за поворотом, остается только тихий, заваленный снегом лес, да сугробы вокруг, да серое низкое небо над головой, а он один, с рюкзаком и ружьем за спиной, мороз пощипывает щеки, воздух восхитительно свеж и вкусен, а впереди — две недели охоты, целых две недели молчаливого леса, и следов на снегу, и тягучих зимних вечеров в теплом домике лесника, когда ни о чем можно не думать, а только радоваться здоровью, снегу, спокойным добрым людям и размеренному течению дней, похожих друг на друга.

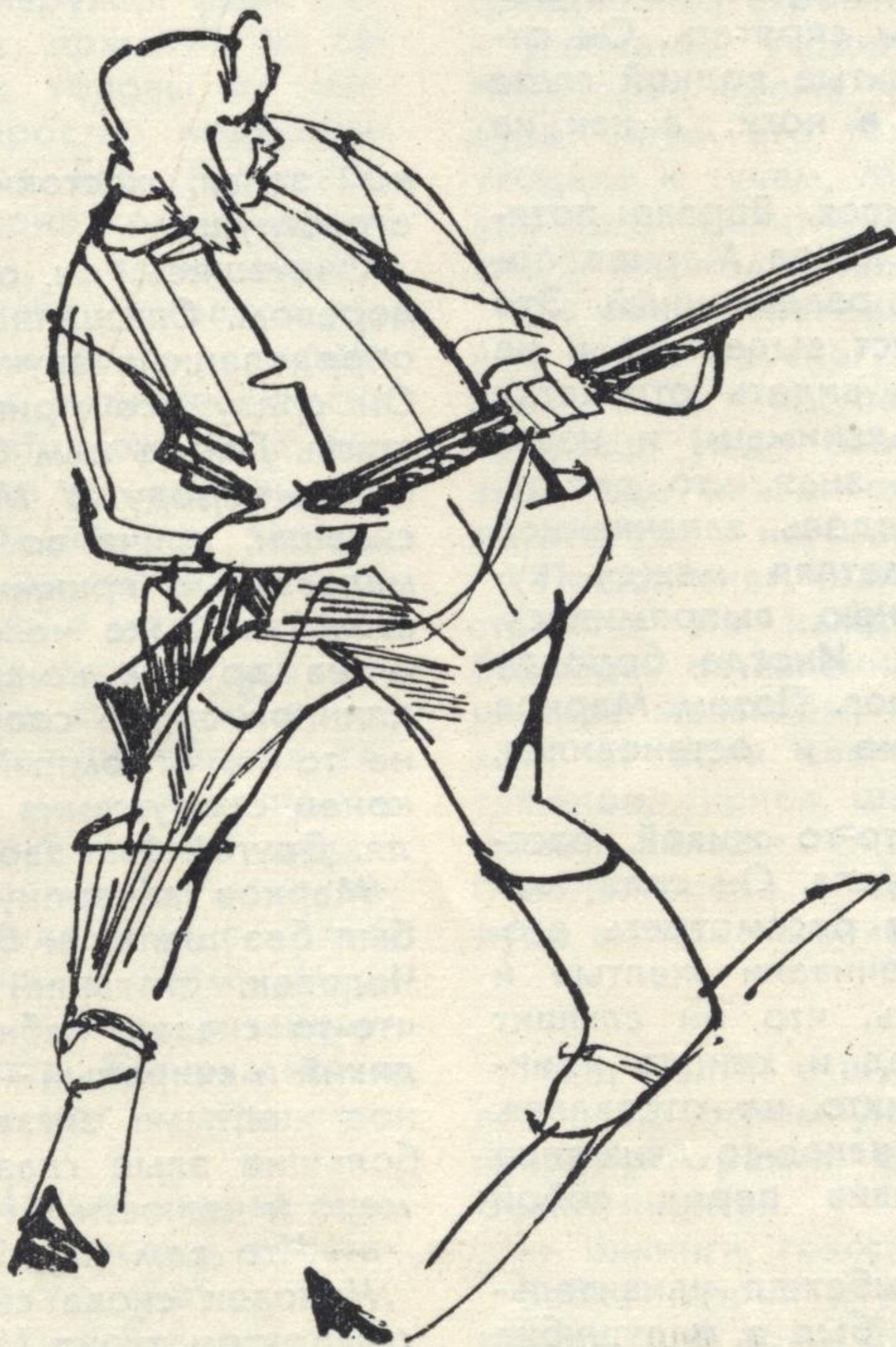
Марков встал на лыжи, поправил за плечами рюкзак и, перебравшись через кювет, вошел в лес по невидимой, но знакомой тропинке, ведущей к дому лесника Пал Палыча. Некоторое время он еще слышал гудение грузовика, а потом и оно стихло, только поскрипывал и шелестел под лыжами наст да где-то вдалеке каркали вороны.

До домика было километров восемь. Следов было

не много, но Марков знал, что Пал Палыч не оставит его милостями и все еще будет: и следы, и тетерева, с грохотом вылетающие из-под снега, и выстрелы, и то до боли острое, азартное ощущение, когда точно знаешь, что попал, и огромная птица тяжело ухает в сугроб, и кажется, что земля вздрагивает от удара.

Обычно дом Пал Палыча встречал Маркова приветливым шумом. Зычно гавкал, гремя на весь лес цепью, здоровенный Трезор. «Цыц, бешеный!» — грозно кричала на него бабка Марья, мать Пал Палыча; и вдруг ни с того ни с сего принимался орать петух. Но на этот раз все было тихо, и Марков даже подумал, что дал вправо, как вдруг открылась полянка и он увидел дом. Он сразу почувствовал, что случилась какая-то беда. Калитка была распахнута, двор пуст, и стояла тишина, странная и недобрая.

Он все еще не понимал, откуда это ощущение беды, а потом сразу понял: слишком много распахнутых дверей. Дверь в дом была раскрыта настежь, и дверца курятника была сорвана и валялась в стороне, и дверь хлева тоже, и почему-то была раскрыта дверь на чердак. Одно из окон в доме разбито, будка Трезора перевернута, по всему двору разбросаны рыжие перья, а истоптанный снег забрызган красными пятнами. Сдерживая дыхание, Марков торопливо снял лыжи и пошел в дом. В доме все двери тоже были распахнуты, в разбитое окно тянуло морозом, но было еще тепло. Марков позвал: «Эй, хо-

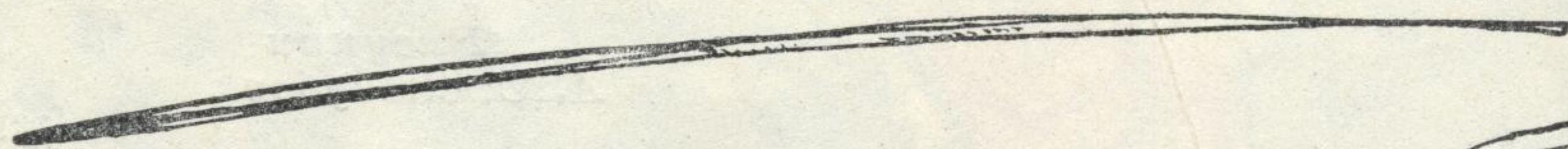

зьева!» — но никто не откликнулся, да он и не ждал, что откликнутся. В комнатах было как всегда чисто и прибрано, но в сенях валялся на полу большой тулуп.

Марков вышел во двор, покричал, приставив ладони ко рту, и побежал вокруг дома. Из-под ног у него выскочил полосатый старухин кот Муркот и, надувши хвост, опрометью взлетел на крышу курятника. Марков остановился и позвал его, но кот посмотрел косо и, прижав короткие уши, так злобно и яростно затащил «уа-уа», что сразу стало ясно: кот тут видел такое, что не скоро успокоится и поверит в чьи-нибудь добрые намерения.

Обойдя вокруг дома, Марков встал на лыжи, сбросил рюкзак и перезарядил ружье. Патроны с «двойкой» он выбросил прямо в снег, а в стволы загнал «нулевку», самое солидное, что у него было. Он не сомневался, что совершено преступление, и как ни дика была эта мысль, ничто другое не приходило ему в голову. Теперь он видел, что через калитку протащили по снегу что-то тяжелое, пачкающее кровью, и видел, что след этот тянется по поляне и исчезает за деревьями. Вокруг было множество следов, они показались

или в ватнике и держал бы в руках топор или ружье, Марков автоматически упал бы боком в снег, выбросив на лету перед собой двустволку, и хладнокровно расстрелял бы его. Но человек был гол, весь размалеван красным и желтым, а в руке у него была длинная заостренная палка. Марков, открыв рот, смотрел, как он бежит, с необыкновенной легкостью выдергивая ноги из снега. Затем человек замедлил бег, весь изогнулся и, дико крикнув, метнул в Маркова свое копье. Марков инстинктивно присел и, не удержавшись на скрещенных лыжах, опрокинулся на бок. Он был очень удивлен и испуган, и тем не менее странный полет копья даже тогда поразил его. Брошенное с силой, оно отделилось от руки размалеванного человека и медленно поплыло по воздуху. Оно отстало от бегущего, а потом, все набирая скорость, обогнало его и пронеслось над головой Маркова с вибрирующим свистом. Марков еще слышал, как оно с треском врезалось в чашу, словно по кустам дали очередь разрывными пулями, но тут на Маркова навалились со всех сторон. Крепкие маленькие руки схватили его за лицо, опрокинули на спину, он почувствовал резкий неприят-

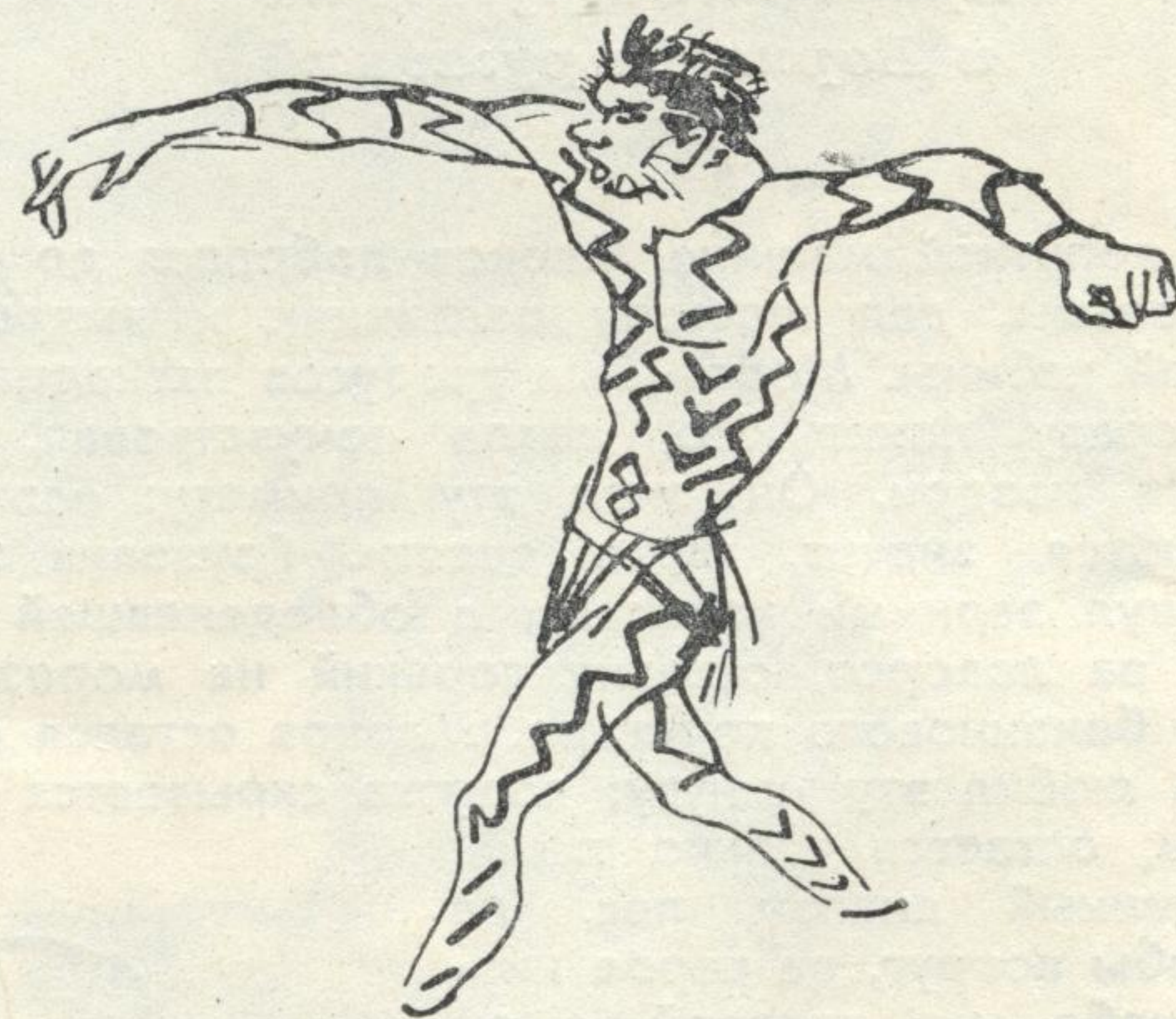

Маркову какими-то странными, но не было времени разбираться. Он взял ружье наизготовку и пошел рядом с жуткой бороздой, где в развороченном снегу расплывались красные пятна. «Сволочи, — думал он с холодной ненавистью, — зверье...» Все ему было совершенно ясно: в свое время Пал Палыч задержал злостного браконьера, и тот, вернувшись после отсидки, явился с пьяными друзьями отомстить, и они убили Пал Палыча и его мать, а потом, протрезвев, перепугались и уволокли трупы в лес, чтобы спрятать. Он отчетливо видел заросшие хари и налитые водкой глаза и думал, что стрелять будет не в ноги, а как на фронте.

У самых деревьев след разделился. Вправо потянулась цепочка странных следов, и когда Марков понял, что это такое, он остановился озадаченный. Это были следы босых ног. Там, где наст выдержал и не провалился, можно было отчетливо видеть отпечатки голых ступней. Это казалось необъяснимым, и некоторое время Марков колебался, не зная, что делать, но потом все-таки пошел дальше вдоль запачканной кровью борозды. Она тянулась, петляя между кустами, зеленые ветви елей над нею выпрямились, освобожденные от снежных шапок. Иногда борозду пересекала цепочка следов босых ног. Потом Марков заметил впереди какое-то движение и остановился, судорожно стиснув ружье.

Впереди в кустах кто-то был — кто-то живой, пестрый, яркий, словно раскрашенная кукла. Он сразу замер, и Марков не мог как следует рассмотреть его. Сквозь заснеженный лапник просвечивали желтые и красные пятна, и Маркову казалось, что он слышит тяжелое дыхание. Он шагнул вперед и хрипло крикнул: «Кто там? Стрелять буду». Никто не отозвался. Потом краем глаза Марков заметил какое-то движение слева и резко повернулся, выставив перед собой ружье.

Прямо на него из-за деревьев выбежал удивительный человек. Если бы этот человек был в полушубке

ный запах, жестокий удар в подбородок, рванулся, и его оглушили.

Очнувшись, он обнаружил, что лежит в снегу под деревом. Слышались незнакомые голоса, какие-то неопределенные звуки, скрип. Неприятно и остро пахло. Он сразу все припомнил и сел, опершись спиной о ствол. Перед ним была обширная поляна, и на ней — полно народу. У Маркова запестрело в глазах. Всюду сновали, крича во все горло, маленькие, голые, размалеванные яркими красками люди. Рядом с Марковым такой же человек кричал и размахивал копьем. А на другом конце поляны грузно лежало в снегу длинное серое сооружение, похожее не то на ковчег, не то на огромный, чуть расплывшийся огурец. Один конец сооружения был тупо срезан, как корма корабля. Другой был заострен и приподнят.

Марков зачерпнул снегу и потер лоб и щеки. Он был без шапки и без ватника, ружье куда-то пропало. Человек, стоявший рядом, повернулся к Маркову и что-то сказал, зябко шевеля губами. Вид у него был дикий и свирепый — широкое скуластое лицо, расписанное желтыми зигзагами, щетинистые жесткие волосы, большие злые глаза. Видно было, что он сильно замерз и челюсти у него сводит от холода.

— Что вам надо? — сказал Марков. — Кто вы такие? Человек снова сказал что-то злым гортанным голосом, затем ткнул Маркова копьем. Копье было тяже-

лое, тупое, без всякого наконечника. Марков с трудом встал на ноги. Его сразу затошнило, закружилась голова. Человек снова выкрикнул несколько слов и снова ткнул его копьем, не сильно, но очень решительно. Марков, стараясь выиграть время, пока перестанет мутить, послушно пошел вперед, а человек двинулся за ним по пятам, время от времени постукивая его копьем то справа, то слева, указывая направление. Он гнал Маркова, как вола, а Марков чувствовал себя совершенно разбитым и никак не мог собраться с мыслями. Отчаянно болела голова.

Возле галеры Марков остановился и, обернувшись, посмотрел на своего погонщика. Тот что-то проорал, погрозил копьем и отошел в сторону. Тут все на поляне разразились отчаянным воем, страшным визгом заверещала свинья, и Марков увидел, как ее волокут к борту галеры. Свинью подняли на руках и перевалили в узкую щель, которую Марков сначала не заметил. Люди на поляне перестали орать и размахивать копьями, сгрудились в толпу и тоже подошли к галере. Марков поймал себя на том, что пытается сосчитать их. Он насчитал три десятка маленьких размалеванных и еще четырех рослых людей с серой кожей. С рослыми обращались неуважительно: на них замахивались, кричали, то и дело подбегали к ним и толкали или пинали ногами, а те только, жмурясь, прикрывали лица и шли, куда их толкают. Это было тем более странно, что они как на подбор были здоровенные мужчины с огромными мускулами...

Гвалт стоял, как на вокзале во время эвакуации. Голова Маркова раскалывалась на части, так что он даже плохо видел. Он ощупал темя — там была огромная мягкая шишка, а волосы слиплись и смерзлись.

Серокожих рослых постепенно подогнали к галере и построили в ряд возле Маркова, и это ему очень не понравилось, тем более, что десяток маленьких копейщиков столпилось напротив них в нескольких шагах, крича друг на друга и тыча пальцами в Маркова и рослых. Марков поглядел на своих соседей. Вид у них был забитый и удрученный, так что надеяться на них не приходилось. Тут Марков обнаружил свой ватник. Он был на одном из маленьких, пожалуй, на самом маленьком и размалеванном с головы до ног. Этот малыш кричал больше всех, яростно подпрыгивал, замахивался на других и пихался. Его слушались, но не очень. В конце концов он ударил кого-то древком по голове, подбежал к рослым, схватил одного за руку и потащил за собой. Тот слабо упирался, тихонько скуля. Все завопили, но потом разом смолкли и устали на Маркова. Малыш в ватнике бросил рослого, подскочил к Маркову и схватил его за рукав. Марков рванулся и высвободился. Все заговорили, замахали руками и неожиданно полезли в галеру. У Маркова отлегло от сердца. Трое рослых забрались последними, с трудом протиснувшись в узкую щель.

Поляна опустела. Около галеры остались только малыш в ватнике, выбранный им верзила, стоявший понуро в тихом отчаянии, и Марков. Малыш обежал галеру кругом, посмотрел на небо, окинул взглядом поляну и верхушки деревьев и вдруг заорал диким голосом, уставив копье в грудь рослому. Тот стал пятиться, уперся спиной в борт, не сводя глаз с копья, а малыш все наступал на него, оттесняя к корме. Марков тоже попятился к корме. За кормой все остановились, и малыш снова принялся прыгать, бесноваться и орать во все горло. Марков никак не мог понять, чего он хочет.

— Чего ты орешь? — спросил он. Малыш заорал еще громче. Марков оглянулся на рослого. Рослый, расставив ноги, всем телом давил на широкую серую стену, нависавшую над ними. Видно, он пытался сдвинуть

с места всю галеру, и это показалось Маркову таким же бессмысленным, как если бы он пытался передвинуть двухэтажный дом. Но рослый не видел в этом ничего бессмысленного: он натужно кряхтел, упираясь в корму грудью и напряженными руками. Тогда Марков тоже уперся в корму.

Корма возвышалась над головами метра на три. На ощупь она была не деревянной, скорее, она была сделана из какого-то минерала, серого, пористого, покрытого темными потеками. Малыш уперся копьем и тоже навалился. Все трое пыхтели от напряжения, толкая и упираясь, словно вытаскивали из грязи буксующую машину, и Марков хотел уже бросить эту дурацкую затею, как вдруг почувствовал, что корма подается. Он не поверил себе. Но корма подавалась, она уходила от него, и ему пришлось переступить, чтобы не упасть. У него было такое ощущение, словно он сталкивал в воду тяжелый плот. Малыш принял копье и крикнул. Рослый остановился. Марков еще раз переступил и тоже остановился.

Это было необычайное зрелище: огромная неуклюжая галера медленно ползла на брюхе по снегу, воздух постепенно наполнялся скрипом. Рослый, косясь на малыша, стал медленно обходить корму. Малыш прикрикнул на него и ударил Маркова древком по плечу. Марков отскочил и развернулся. Малыш тоже отскочил и выставил перед собой копье. Движения у него были стремительные и хищные. А рослый вдруг перестал красться и со всех ног пустился бежать за уползающей галерой. Галера ползла все быстрее.

Тогда малыш прыгнул в сторону и, обогнув Маркова, тоже помчался за галерой. Марков все еще не понимал, что происходит. Галера увеличивала скорость. Малыш обогнал рослого, подпрыгнул и ухватился за края щели. Навстречу ему протянулись руки, его схватили за руки, под мышки и потянули внутрь. Рослый взвизгнул, рванулся и ухватился за его ноги. Малыш ужасно заорал и выронил копье. Галера уже не ползла, она скользила по воздуху, и скорость ее стремительно нарастала. С шумом рухнуло дерево, стоявшее на пути. Марков смотрел вслед. Это было жутко и грандиозно: огромное неуклюжее сооружение, грубое и угловатое, уходило в небо, все круче задирая нос. Некоторое время ноги рослого еще болтались в воздухе, затем его тоже втянули в щель. Галера свечой уходила к тучам. Марков услышал ревуший свист, словно летел реактивный самолет, и она скрылась. Рев затих, и Марков остался один.

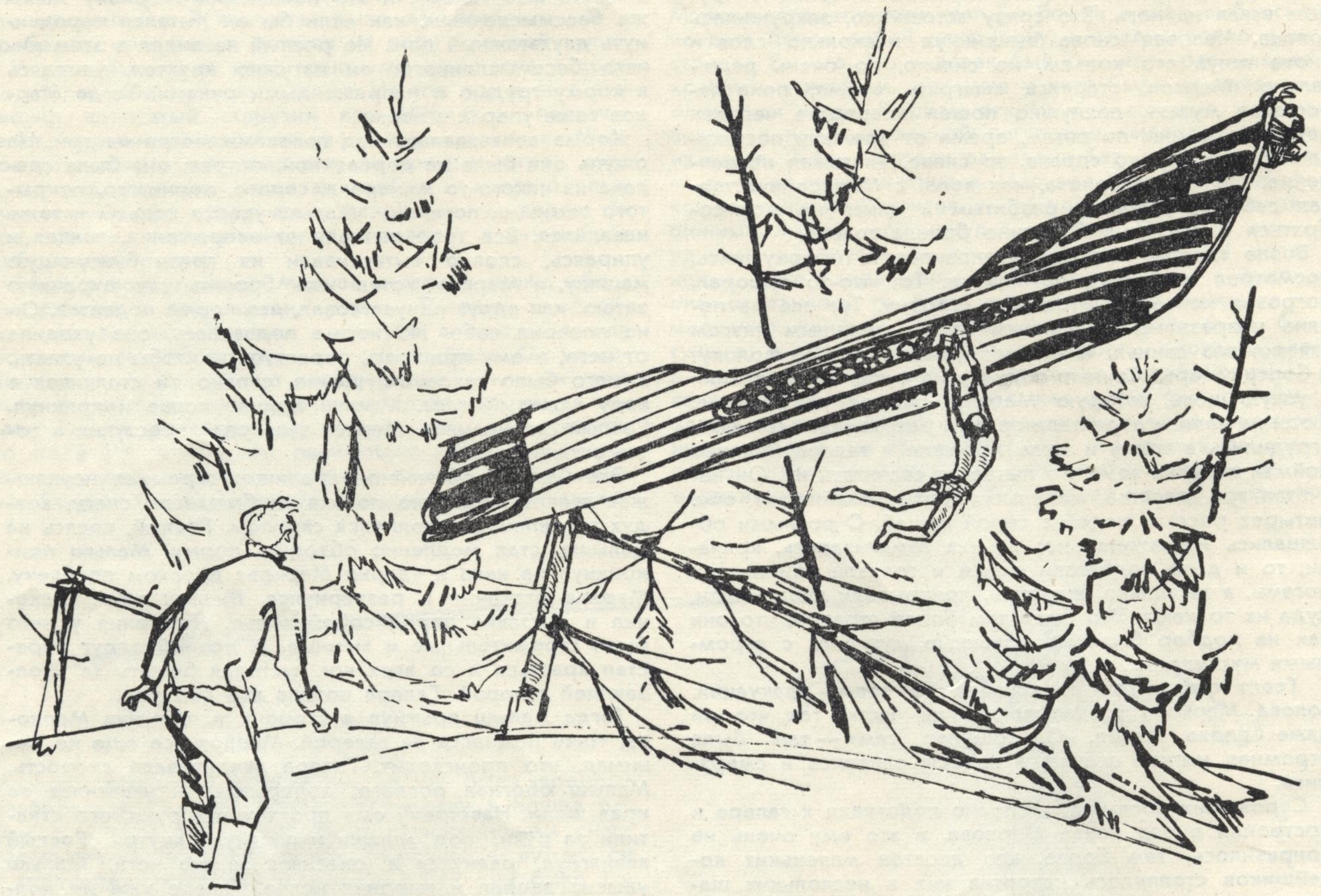
Он обвел глазами поляну. Растоптанный снег, красные пятна на снегу, широкий прямой овраг до самой земли... Он пощупал темя. Было очень больно, и он застонал. Надо было добираться до жилья, а он не знал, где находится и даже не пытался сориентироваться, так у него все перемешалось в голове.

Пошел снег, стало темнее. Держась за голову и постанывая на каждом шагу, Марков побрел вдоль борозды, оставленной галерой. Он увидел копье, брошенное малышом, и поднял его, пытаясь рассмотреть, хотя от боли слезами застигало глаза. Копье было тяжелое, черное, шершавое. Опираясь на него, Марков пошел дальше. Снег падал все гуще, и все сильнее болела голова, и скоро Марков перестал соображать, куда он идет и зачем.

Пал Палыч с шумом допил чай из блюдца, подставил свою огромную расписную чашку под самовар и, повернув краник, смотрел, как закрученной струйкой бежит кипяток.

— Викинги, говоришь... — сказал он негромко.

Бабка Марья стучала топором, колола лучину для растопки. В доме было тепло, разбитое окошко заткну-

ли тулупом. Марков сидел за столом, подперев рукой забинтованную голову.

— Плохо, брат, — сказал Пал Палыч. — Я как вернулся, увидел твой рюкзак, сразу подумал — плохо...

— Почему же плохо? — слабым голосом сказал Марков. — Наоборот! Открытие, Пал Палыч! Открытие!

— Н-да-а, — неопределенно прогудел Пал Палыч, отводя глаза и наливая в блюдце чай.

— Я думаю так, — продолжал Марков слабым голосом. — Прилетали они издалека, не знаю, откуда, но есть у них там, наверное, дерево или какой-нибудь минерал с особенными свойствами. И стали они строить летающие корабли. Смелые, черти!.. — он сморщился от тошноты.

Пал Палыч со стуком поставил блюдце на стол.

— Как это у тебя получается, Олег Петрович, — сказал он. — Не знаю, не знаю... Дикари голые, по воздуху летают и, значит, свиней воруют... Неувязочка! Брось ты про это думать, Олег Петрович. Выпей-ка ты еще чайку с малиной. Водки я тебе, пожалуй, больше не дам, пусть голова заживет, а чаек пей. Боюсь, не прохватило бы тебя...

Марков переждал, пока прошла тошнота.

— Надо немедленно сообщить в Москву, — сказал он. — Прямо в Академию наук. А что касается голых дикарей... Сто тысяч лет назад, Пал Палыч, наши предки, такие же вот дикари, сколотили первый плот и поплыли на нем вдоль берега. Они тоже не знали, почему плот плавает, почему дерево не тонет. Сто тысяч лет оставалось до Архимеда, да что там — многие не знают этого и сейчас. А предки плавали, строили плоты, потом лодки и — плавали. Ведь закон Архимеда понадобился только для тех, кто строил железные ко-

рабли, а деревянные прекрасно плавали и без закона. Так и эти... Им наплевать, почему этот материал летает по воздуху. Построили корабль, набились в него и пошли добычу искать.

— Н-да, — сказал Пал Палыч. — Ты, Олег, вот что... Не хотел я тебе говорить, да, видно, надо сказать. Бред это у тебя, померещилось тебе.

Марков непонимающе уставился на него.

— Как это — бред?

— Так вот. Лесиной тебя оглушило. В беспамятстве ты все с себя посрывал, в одной тельняшке по лесу бродил. Ружье где-то бросил, так я его и не нашел...

— Постой, постой, Пал Палыч, — сказал Марков. — А дом пустой как же? А кровь на снегу? А следы?.. Окно выбито, все двери открыты... И кот Муркот...

Пал Палыч крикнул и почесал в затылке.

— Надо же, — сказал он, глядя веселыми глазами. — Как это у тебя все переделалось!.. Свинью я колол, Олег, свинью!.. А она у меня вырвалась и — с ножом — через двор да в лес! Я за ней, поскользнулся — в стекло въехал локтем... Понял? Трезора с цепи спустил, мать выскочила, тоже за свиньей побежала... Ведь верно, мать?

— Что это ты? — сказала бабка Марья.

— Свинью, говорю, колол! — заревел Пал Палыч.

— А?

— Свинью, говорю!

— Нет уж ее, — сказала бабка, качая головой. — Нет уж свинки...

— Ничего не понимаю, — сказал Марков.

— А тут и понимать нечего, — сказал Пал Палыч. — Академии наук тут не нужно. Вернулся я со свиньей, гляжу — твой рюкзак. Я по следу. Нашел сначала

место, где тебя пришибло. Потом лыжи нашел. А потом уже к вечеру гляжу — сам идешь, за деревья держишься. Я было подумал, что обобрали тебя...

— Где это было? — спросил Марков.

— А километрах в пяти к северу, где мы с тобой в прошлом году зайца гоняли.

Марков помолчал, стараясь вспомнить.

— А копьё? — спросил он. — Было при мне копьё?

Пал Палыч посмотрел на него, словно раздумывая.

— Ничего при тебе не было, — сказал он решительно. — Ни копьё, ни ватника. Так что брось ты это, забудь...

Марков медленно закрыл глаза. Голова, успокоившаяся было, снова начала болеть. «А может, и правда — бред», — подумал он.

— Пал Палыч, — сказал он, — дай-ка ты мне еще водки. Боюсь, не засну теперь.

— Болит? — спросил Пал Палыч.

— Болит, — сказал Марков.

Летучий корабль... Летучие викинги... Не бывает такого и быть не может... Первые люди на первом плоту... Чепуха, поэзия...

Он кряхтя перебрался на лавку, где ему постелили.

Когда он заснул, Пал Палыч, накинув полушубок, прихватил инструмент и вышел во двор прилаживать дверцу курятника. За ночь снегопад кончился, солнце было яркое, снег во дворе сверкал девственной белиз-

ной. Пал Палыч работал со злостью и два раза стукнул себя молотком по большому пальцу, так что из-под ногтя выступила кровь. К нему подошла мать, пригорюнилась, подперла щеку рукой.

— Курей-то опять заводите будем, Пашенька? — сказала она.

— Заведем, — угрюмо ответил Пал Палыч. — И курей заведем, и свинью. Не впервой. У Москаленковых щенок хороший есть — надо взять... — он встал и принялся отряхивать снег с колен.

— Чисто немцы — энти-то, — сказала бабка, всхлипнув.

— При немцах ты б в погребе не отсиделась, — сказал Пал Палыч. — Да и мне бы не уйти... Ты вот что, мать... Ты об этом никому ни слова, и особенно про палку, что я принес, а ты сожгла.

— Да я же не знала, Пашенька!.. Палка и палка.

— Ладно — сожгла и сожгла. А рассказывать все равно не надо. До Олега Петровича дойдет — очень обидится, а я его обижать не хочу. А чтобы он на тебя сердился, тоже не хочу. Поняла?

— Да, поняла, — сказала бабка. — А палка-то, ох, и красиво же она горела, эта палка! И красным, и синеньким, и зеленым — ну чисто изумруд!.. А кто же это были, Пашенька? Неужели опять немцы?

— Викинги! — сказал Пал Палыч сердито. — Викинги это были, дикие, понятно?

ГЛАВА II

Какой должна быть фантастика? Познавательной, увлекательной и правдоподобной. Главное, правдоподобной.

Ольга Ларионова

Простуда брала свое, и Маркову было ясно, что последние шесть дней отпуска придется проваляться в постели. Полдня он тоскливо глядел в заиндевевшее окошко, под которым со звонким морозным лязгом и грохотом проносились по Среднему проспекту невидимые, но вполне слышимые трамваи. В четыре часа пополудни, устав натужно кашлять, Марков решил бороться.

Средство было верное: баня. Хорошо пропариться, затем сто граммов перцовки с таблеткой аспирина да чай с сухой малинкой, отсыпанной в холщовый узелок сердобольной бабкой Марьей. Бабкой... Марков поднялся, прогнал воспоминания. Не было ничего. Ни бабки, ни леса, ни чертей этих крашенных. А то еще чего доброго рехнешься. Не было ничего, и точка. Марков, постанывая от ломоты, собрал в чемоданчик мочалу, мыло да пару исподнего.

В бане он пристроился возле самой двери в парилку, откуда время от времени выплескивалась волна влажного духовитого жара. Переступая с ноги на ногу — в бане не было места, где бы не дуло по низу, — он старательно мылил голову и все пытался не думать о приключившемся. Тело постепенно нагревалось, наполняясь ленивой банной истомой, мысли текли медленнее, и ощущение первобытного блаженства уже начало переполнять Маркова, когда ему вдруг помешали.

Не то чтоб очень. Просто выискался шутник, не нашедший лучшего применения своему юмору, как пустить в шайку Маркова старую мочалку. Марков вы-

ругался и, не глядя, выловил мочалу и швырнул ее на пол, к стене. Но шутник не унимался. Видно, он стоял где-нибудь поблизости, потому что не успел Марков как следует продрать затылок, как мочала снова появилась в его шайке. Марков тряхнул чубом, наскоро окатившись, и открыл было рот, дабы выяснить отношения. Но глаза нестерпимо заело, и он, краем глаза успев заметить в шайке нахальную рыжую мочалу, торопливо затрусил под душ. В бане было что-то тихо, и он не увидел, а скорее почувствовал, как расступаются перед ним люди. Не особенно этим огорчаясь, он сунул голову под жиденькую струю, поднял руки и вдруг наткнулся на непривычно гладкую поверхность собственного черепа, обтянутого тонкой, до странности беззащитной кожицей.

Марков обернулся и сквозь струйки, сбегавшие по лицу, увидел притихшее население бани, с немым ужасом взиравшее на это чудо.

Марков виновато пожал плечами, попытался улыбнуться, но это ему не удалось, и он пошел прочь, цепко ставя ноги, чтобы не поскользнуться, даже не взглянув на шайку, в которой сиротливо золотилось то, что поначалу было принято им за мочало.

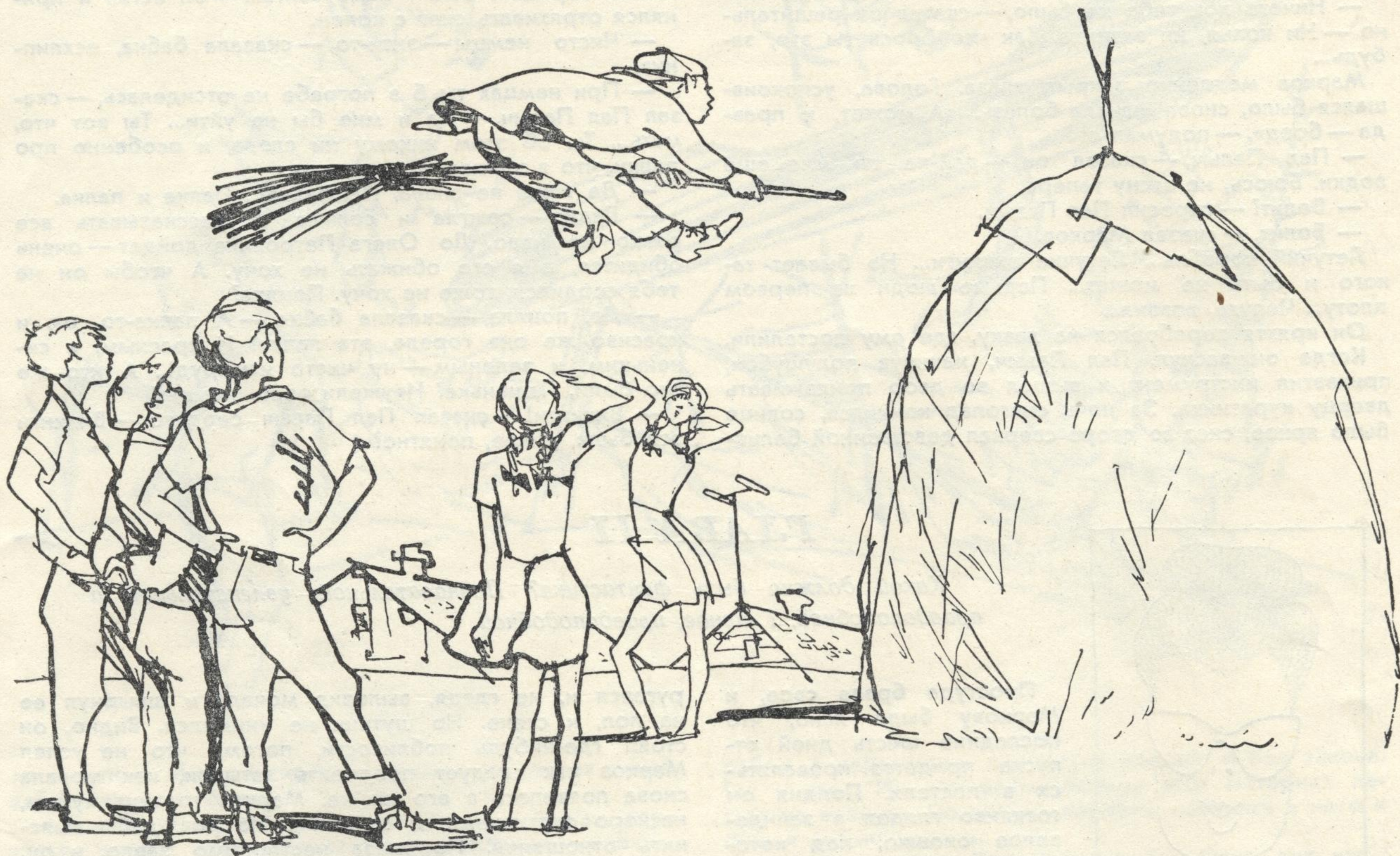
Ах, как хотелось ему все позабыть, пойти на работу, снова дожидаться отпуска, который теперь пришелся бы на лето, и двинуть на Селигер, за степенными лещами, за шкодливыми плескучими хариусами... И теперь все шло прахом. Придется куда-то и к кому-то идти, все рассказывать, выяснять, убеждать, а тебя будут принимать за дурака, в лучшем случае, а то так и за психа.

Малину бабкину он выбросил, едва придя домой, а перцовки с аспирином принял, и от этого, а может, просто по редкому везению — Марков и на фронте, и теперь вот выходил вроде бы сухонький из всяких возможных и невозможных ситуаций — но наутро голая бильярдная поверхность его черепа начала едва улови-

мо щетиниться. У Маркова отлегло от сердца. Кажется, все обошлось, можно никуда не ходить, никому ничего не рассказывать. Правда, оставалось смутное беспокойство за Пал Палыча и его старуху. Не случилось ли с ними беды? Новой, неожиданной?

Марков достал тетрадку в клеточку, вот уже несколько лет снабжавшую его почтовой бумагой. Прямо так рассказывать приключение в бане не хотелось, и

На место лесника желающих пока не нашлось: далеко от села, да и домишко плохонький. В пустую избу бегали ребята, и внучок Нефедова с ними, говорят: страшно там, — в печи холодной искры то и дело скачут. Хотя непонятно, откуда искрам взяться, когда печь который день нетоплена и даже, говорят, треснула до основания, и из нее вроде бы черное дерево проросло. Ребята дерево кое-как обломали, уж очень

Марков ходил вокруг да около, с кажущейся ему тактичностью выпрашивая, не случилось ли чего еще, и как там бабка Марья, и не надо ли ей гребней каких или шпилек, если соберется он к ним на будущую зиму.

Письмо он отправил без надежды на скорый ответ, так как знал неторопливость сельцовского почтаря, однорукого Нефедова, который, ясное дело, не поспет к леснику по морозу за десять километров, а будет терпеливо ждать, когда тот сам по какой-либо оказии завернет в Сельцо.

Между тем последние дни отпуска подходили к концу, щетина на голове неуклонно росла, а лесное происшествие столь же неуклонно забывалось. Там снова началась работа с вечными всепоглощающими хлопотами, и Марков был несколько обескуражен, когда на его имя пришел довольно объемистый пакет.

Вскрыв пакет, он нашел там свое нераспечатанное письмо, а также весьма обстоятельное послание от сельцовского почтаря.

Суть дела сводилась к тому, что спустя два дня после отъезда его, Маркова, обратно в Ленинград необъяснимо вдруг снялся с места и сам лесник. Он сбегал на лыжах в райцентр, где шумел, требовал, чтобы его рассчитали «сей же минут», а получив расчет, в тот же день собрал пожитки и отбыл в неизвестном направлении. Старуха его уезжала угрюмая, молчаливая и платок — до бровей.

Странным оно им показалось. Нефедов приспособил палку под метлу. И тут, как на грех, его вызвали в райцентр, а возвратясь, застал он в избе рев и розги. Ревел внук, а розги, судя по их измочаленному виду, были применены Нефедовой-дочерью не без знания дела. Старый почтарь долго доискивался правды. Выходило так, что вся ребятня деревушки под предводительством Нефедова-внука начала вдруг изображать чертей. Один из них летал верхом на метле, другие с визгом и хохотом его преследовали. Летал на метле... Старик призадумался. Внук не отрицает, но верить все-таки невозможно.

Внук, правда, полностью отказывался от обвинения в чертовщине. Катались по очереди, и все тут. Весело, вот и визжали. Ни в каких чертей играть им и в голову не приходило. Просто было здорово, что дедова метла сама собой по воздуху летает, и надо было очень хитро тормозить, нацелившись в стог и выставив вперед ноги. Катались до тех пор, пока очередь не дошла до Катьки Бирюковой, которая от страха забыла, как надо останавливаться, зажмурилась и разжала руки. Метла помчала по прямой, и никто не смог ее догнать, она оборвала телеграфный провод, снесла громоотвод на сельсовете, распугала баб, собравшихся у сельпо, и исчезла в направлении Беховского озера.

Вот как обстояли дела в Сельце. В заключение Нефедов прибавлял, что хоть лесника и нет больше, Маркову на селе будут рады и остановиться он может

в любой избе, так что пусть он всенепременнейше приезжает в любой час и с полным своим удовольствием.

Марков задумался. Может, пойти все-таки и рассказать? Он решил, что пойдет и расскажет, и ему сразу стало легко, как бывает после выполненного неприятного обязательства. Но он все откладывал свой поход со дня на день, пока не стало ясно, что никуда за давностью ходить не надо.

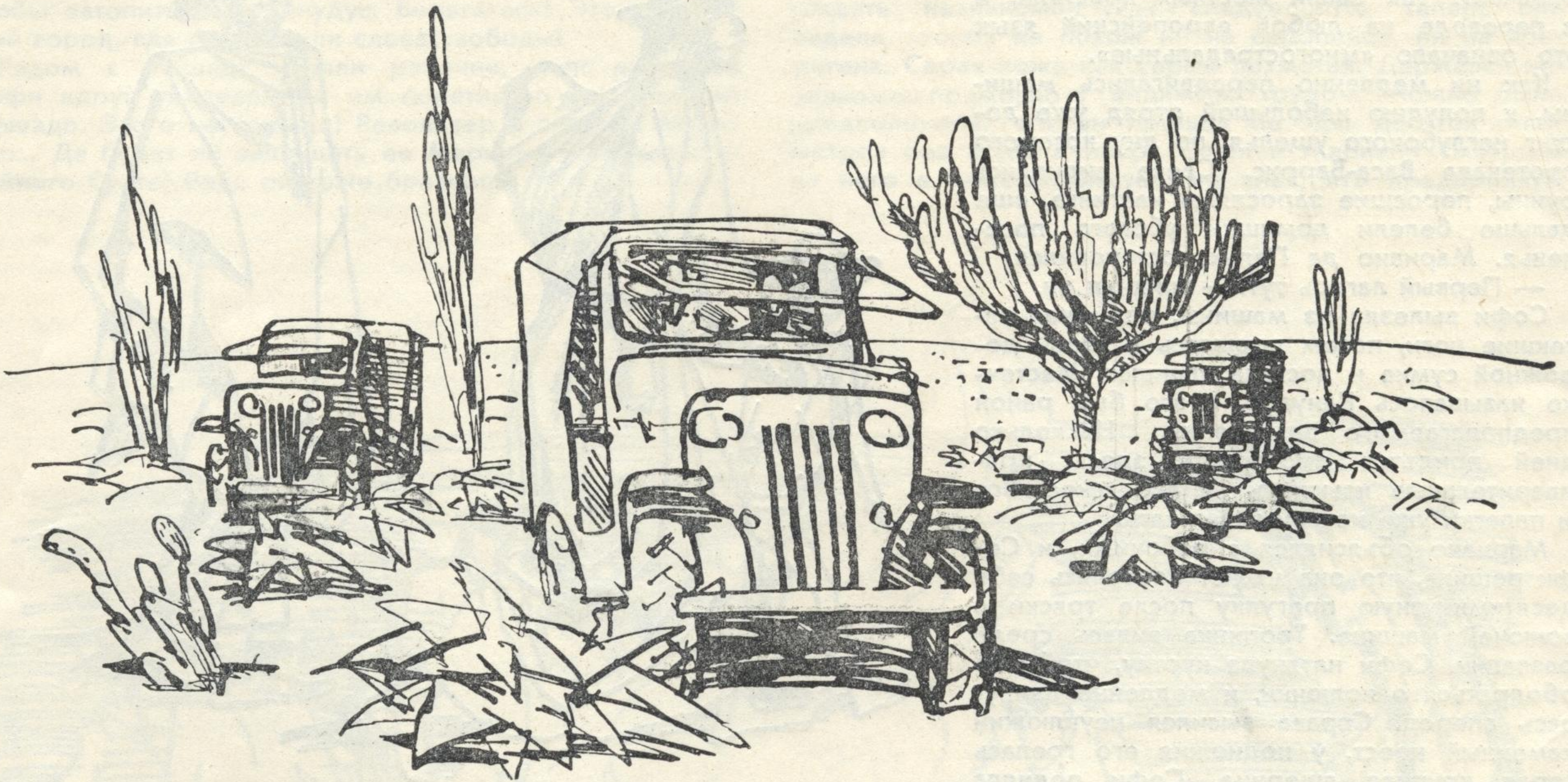
А в это же самое время, летом (ибо январь в южном полушарии — самая середина лета) небольшой отряд из трех тяжело груженных джипов медленно двигался по каменистому плоскогорью северо-восточной Бразилии, направляясь из Монте-Санту в штат Пернамбуку. Конечной точкой их путешествия должен был

очаровательного гидрогеолога из Марселя, с непременным парижским носиком и пленительной грацией движений, был ошеломлен, увидев спускающуюся с корабля костистую рослую девицу. Он сухо представился и был не менее сухо принят.

Мариано никогда не спрашивал Софи о том, что заставило ее подписать контракт с Этьеном Бретта; впрочем, он ее вообще ни о чем не спрашивал, и молодые люди молча делали каждый свое дело, не обнаруживая ни дружелюбия, ни антипатий.

Платили обоим хорошо.

За рулем последнего джипа сидел Машадо, мулат, прекрасно знавший все местные наречия и сопровождавший Мариано в каждой его экспедиции. Сзади него погромыхивали ящики с продовольствием и экспедиционным снаряжением.

стать Поко-да-Крус, где экспедицию ждал Этьен Бретта, талантливый и деятельный человек, не побоявшийся взвалить на себя все тяготы и ответственность правительственной компании по обводнению бразильских сертан — безжизненных, иссушенных зноем земель.

Головную машину вел негр. Он беззаботно поглядывал на дорогу, нередко совершенно теряющуюся среди уродливых нагромождений кактуса. Тогда он прибавлял скорость, и стебли кактуса ломались с упругим, хлюпающим звуком, так что светло-зеленый сок забрызгивал стекла. Человек, сидевший рядом с шофером, недовольно морщился.

Это был Мариано да Пальха, гидрогеолог, окончивший институт пять лет тому назад и уже имевший неплохой послужной список. Тонкие черты лица, смуглый цвет кожи и блестящие черные волосы выдавали в нем аборигена, а редкая и своенравная красота делала его похожим скорее на голливудского статиста, загримированного под настоящего бразильца.

Сзади разместились рабочие гидрологического отряда, нанятые еще в Монте-Санту.

Вторую машину вела женщина. Софи Берже, французка, подписавшая контракт на три года, была тоже молода, опытна и тоже могла похвастаться послужным списком, но ничем кроме него. Мариано, ожидавший

Внезапно из-за поворота вышли трое. Впереди шел ребенок лет шести, почти голый, если не считать двух тряпок — на плечах и на бедрах, бывших, по-видимому, когда-то рубашкой. За ним, понурясь, шла женщина, которой могло быть сколько угодно лет — от двадцати до пятидесяти. Замыкал шествие мужчина в ветхом пончо, болтавшемся на его плечах, словно на ветке сухого каатинга. Шедшие посторонились, пропуская пылящие машины.

Софи опустила боковое стекло и с любопытством разглядывала людей, нагруженных нехитрым деревенским скарбом. Она проехала еще несколько метров, затормозила и высунулась из машины.

— Машадо! — крикнула она, оборачиваясь к следовавшему за ней джипу. — Что это за мумии и куда они бредут? Они же помрут в дороге, не добравшись даже до Байи.

Мулат тоже затормозил, приоткрыл дверцу машины и посмотрел назад. Трое медленно выбирались на дорогу.

— Я тебя спрашиваю, — нетерпеливо крикнула Софи, — кто это такие? Почему они бродят по дорогам?

Она не в первый раз замечала, что Машадо неохотно отвечает ей, если вопрос не относится непосредственно к работе. Вот и сейчас Машадо посмотрел на

нее из-под полуопущенных век и коротко, тяжело бросил:

— Флагеладос.

Спрашивать еще раз было бессмысленно, и Софи резко откинулась на сиденье и рванула свой джип вперед. Машадо подождал, пока она отъедет на почтительное расстояние, и окликнул путников:

— Эй!

Обернулся только ребенок. Машадо быстро нащупал у себя за спиной мешочек бобов и жестянку с оливковым маслом. И швырнул их малышу. Мальчонка бросился к подарку и упал голым пузом на столь неожиданно обретенные сокровища. Машадо отъехал метров сто и обернулся — малыш не решился подняться, словно кто-то мог отобрать у него еду. Флагеладос. Откуда эта белая лошадь могла знать, что это означает? Так звали местных крестьян, и в переводе на любой европейский язык это означало «многострадальные».

Как ни медленно передвигались машины, к полудню небольшой отряд уже достиг неглубокого ущелья, по дну которого протекала Васа-Баррис. Слева виднелись руины, поросшие зарослями каатинга, еще дальше белели домишки убогого поселения. Мариано да Пальха остановился.

— Первый лагерь тут! — крикнул он.

Софи вылезла из машины, разминая затекшие ноги, потом порылась в своей дорожной сумке и достала планшет. Местечко называлось Канудус, и это был район предполагаемого затопления. Несколько дней придется проторчать здесь, предварительные изыскания и все такое. Вот и палатки уже начали натягивать.

Мариано объяснялся с рабочими, и Софи решила, что она может позволить себе десятиминутную прогулку после тряски в вонючей машине. Тропинка вилась среди развалин. Софи натянула куртку, чтобы не ободратиться о колючки, и медленно двинулась вперед. Справа высился неуклюжий каменный крест, у подножия его грелась серая крупная ящерица. Софи подняла камень и швырнула его в ящерицу, не столько из природной брезгливости, сколько от постоянного внутреннего раздражения, которое не покидало ее в этой проклятой стране. Ящерица метнулась в сторону, и Софи, приблизившись, смогла различить надпись. Первое слово было непонятным — во всяком случае, оно было написано не по-французски; затем следовала дата — 1893, и четыре буквы: А. М. М. К.

Крест был выщерблен круглыми дырочками, словно в него долго и упорно стреляли.

Софи пожала плечами и вернулась обратно.

Время до ужина пролетело быстро: дел было много, и когда тропическая темнота стремительно опустилась на лагерь, Мариано вспомнил, что надо готовиться к радиосводке. Пока Машадо менял аккумуляторы, да Пальха набрасывал в блокноте донесение в Национальный департамент по борьбе с засухой. Он был слишком занят, чтобы обратить внимание на какую-то особую угрюмость и без того мрачноватого Машадо.

Софи не сиделось в палатке, и она вышла к чадающему костру, в который рабочие непрерывно подкидывали сухие побеги кактуса и кривые, колючие ветки. Жара от такого костра было не много, но пряный дым разгонял насекомых. Софи велела принести себе складной стул и расположилась у огня.

Из палатки Мариано доносился писк морзянки, свист,

вой и всякая радиокутерьма. Машадо сидел у входа, подвернув под себя ногу, и Софи вдруг показалось, что он подслушивает. С одной стороны, Мариано не мог передавать ничего такого, чего нельзя было бы слышать даже простому носильщику, с другой стороны, между Мариано и меднокожим мулатом существовала какая-то давняя привязанность.

Тем не менее Софи резко окликнула его и подзвала к костру, сама не зная зачем.

— Машадо, — сказала она, когда он приблизился, — ты не знаешь человека, инициалы которого А. М. М. К.?

При свете костра было видно, как передернулось сухое лицо мулата.

— А зачем это знать вам? — ответил он вопросом на вопрос. — Зачем это знать вам? Каждый человек знает, как зовут его мать. Каждый бразилец знает имя Конселейро. Если вы не привыкли к этому имени с пеленок, зачем вам узнавать его сейчас?

Софи посмотрела на него снизу вверх, слегка приподняв брови. Запальчивость мулата позабавила ее, хотя тон его был явно недопустим.

— Ты забываешься, Машадо, — сказала она лениво. — Тебе задан вопрос. Отвечай коротко.

— На такие вопросы коротко не отвечают. Вы ехали сюда, чтобы попасть в райскую страну, в страну-сказку, где цветные рабы смотрят вам в рот: да, мадемуазель, слушаюсь, мадемуазель, будет исполнено, мадемуазель. Но Бразилия — не такая страна. Она не такая с тех пор, как на этом самом месте пролил свою кровь Антонио Мендес Масиэл Конселейро. Может быть, он умер именно там, где горит наш костер.

Спать еще не хотелось, и к тому же Софи разбирало любопытство.

— Послушай, Машадо, а нельзя ли твоего героя называть как-нибудь покороче? Мой бедный европейский язык не в силах выговорить ничего подобного.

— Народ называл его коротко: «пастырь». Здесь построил он город-крепость Канудус, здесь учил он

свой народ выше всего ценить свободу, и здесь он погиб вместе со всеми жителями Канудуса. Ни один человек, способный держать в руках винтовку или хотя бы камень, не сдался врагу. Их кости там, под зарослями каатинга.

— Ну, довольно, — сказала Софи. — Не понимаю только, почему ты мне все это рассказываешь. Насколько я помню, ни я, ни мои ближайшие предки не расстреливали этого твоего пастыря. Ступай спать.

— Я говорю это вам потому, что вы пришли на нашу землю.

— Мы пришли дать вам воду, осел. Можешь не возмущаться, твои дружки ни слова не понимают по-французски. Дети ваших детей поставят нам памятник. А теперь проваливай.

— В Минас-Жераис и Пернамбуку, в Пиауи и Сержипи десятки рек и сотни долин, — медленно произнес мулат. — Но вы, чужаки, нарочно выбрали именно эту, чтобы затопить наш Канудус. Берегитесь! Это священный город, где прозвучали слова свободы!

Рядом с Машадо стояли рабочие, и по их лицам Софи вдруг увидела, что им понятно, о чем говорит Машадо. Этого не хватало! Револьвер в палатке. Мариано... Да будет ли защищать ее Мариано в случае стихийного бунта? Ведь он тоже бразилец.

Внезапно из темноты выбежал человек и упал перед Софи на землю, касаясь пальцами ее ботинок.

В первую минуту она решила, что это житель поселка, расположенного выше по течению реки. Но лежавший поднял голову, и Софи услышала испуганные вскрики рабочих. Незнакомец приподнялся, и рабочие в одно мгновение исчезли в ночной темноте.

Последним был Машадо.

Неизвестный поднялся.

— Вы пришли из поселка? — начала Софи.

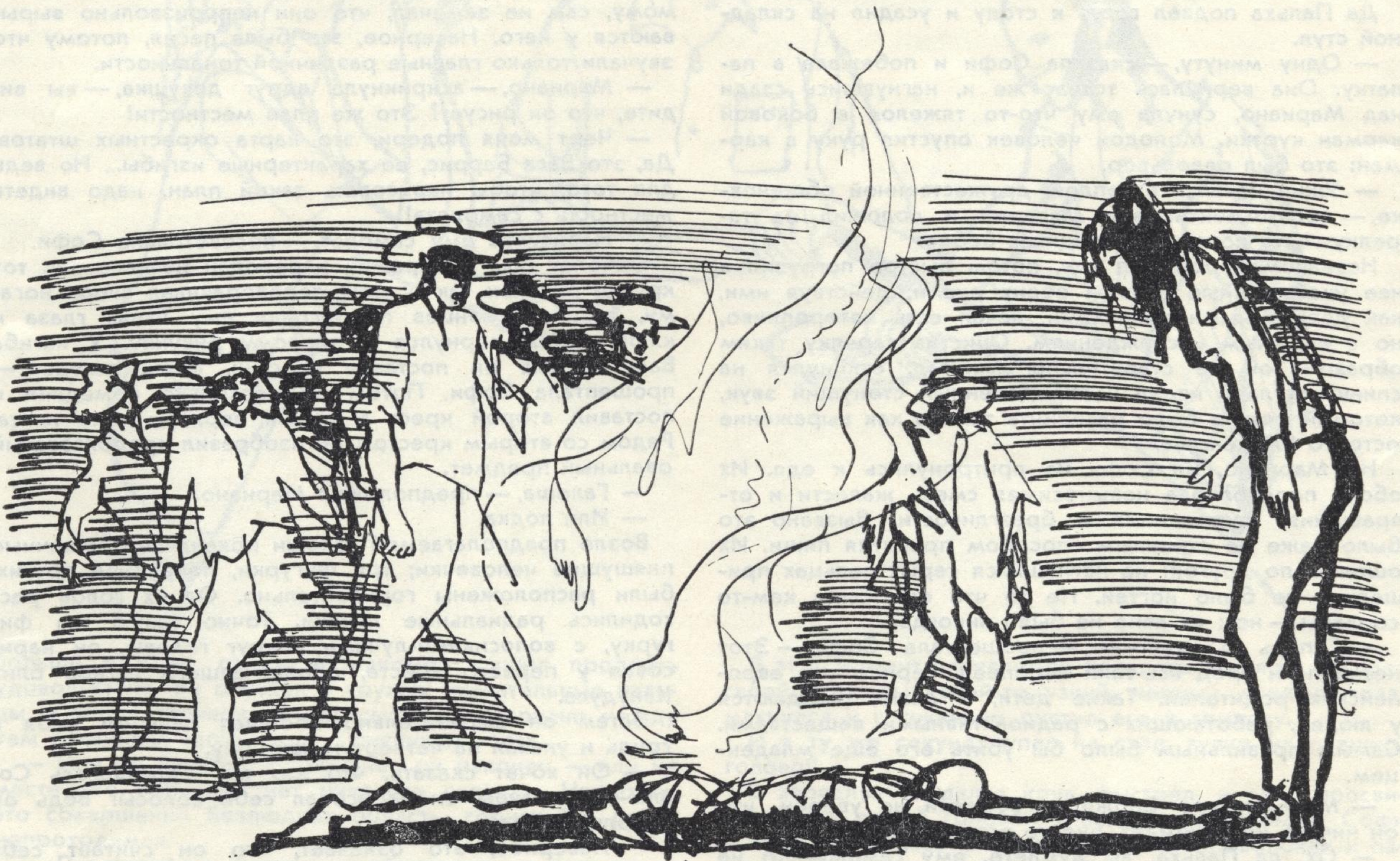
Тот не шевельнулся. Как жаль, что этот мерзавец Машадо сбежал. Было ясно, что необходим квалифицированный переводчик.

— Мсье да Пальха! — крикнула Софи через плечо.

Полог палатки зашелестел, и девушка услышала, что Мариано остановился за ее спиной.

— Где вы раздобыли этого серого, мадемуазель?

При мерцающем свете костра Софи не успела разглядеть незнакомца как следует. Но теперь она видела, что он не похож ни на европейца, ни на аборигена. Серая кожа как серые лохмотья. Держался незнакомец прямо, но с видимым трудом. Можно было предположить, что он прошел не один десяток километров без воды и пищи. Софи и Мариано смотрели на него в замешательстве, не зная, что предпринять.

— Красная пропаганда в сертанах, — произнесла Софи, подымаясь и потягиваясь. — Слова свободы... Дать им по ведру воды и два фунта маиса на нос, и они выдали бы своего пастыря с ручками и с ножками. На деле свобода легко заменяется жратвой и пойлом.

Машадо вскинул голову и неожиданно улыбнулся:

— Ты дочь рабов, — сказал он и плюнул ей под ноги.

Не думая о последствиях, она размахнулась и изо всех сил ударила мулата.

— Он вышел из темноты, — отвечая на вопрос молодого человека, проговорила Софи. — Выбежал как раз в ту минуту, когда ваши соотечественники собирались поступить со мной так же, как туземцы с капитаном Куком. Этот несчастный упал у костра, и ваши смельчаки разбежались, вопя что-то несусветное. Вид у них был такой, словно перед ними появился сам дьявол.

— Рабочие были с вами непочтительны? Я предупреждал вас, мадемуазель Берже, что первое время вы должны вести все переговоры только через меня и

Машадо. Но... замечаете, что он абсолютно не понимает нас?

— Вы знаете местные наречия. Попробуйте хотя бы приблизительно договориться с ним.

Мариано заговорил с пришедшим; он слушал внимательно и, как показалось молодым людям, чуточку снисходительно.

— Не понимает, — констатировал Мариано. — Это не бразилец, я вам гарантирую. И вообще не житель Латинской Америки. Взгляните на его римский профиль, тонкие губы. Или мне кажется, или у него совершенно отсутствуют брови и ресницы.

— Типичный монстр, — кивнула Софи. — Несмотря на римский профиль. Но что нам с ним делать?

— По-моему, прежде всего накормить, — предложил Мариано.

— Ввести его в нашу палатку?

— Ну, зачем же, вынесем столик сюда, к костру.

Никого из рабочих так и не было видно. «Трусливые мерзавцы, — шипела Софи, — завтра же рассчитаю половину». Незнакомец все так же неподвижно стоял у костра, словно все происходящее его не касалось. Мариано подошел к нему и тронул его за плечо. Незнакомец вздрогнул, взгляд его сразу стал осмысленным, и Мариано подумал, что тот, вероятно, спал стоя и с открытыми глазами.

Да Пальха подвел гостя к столу и усадил на складной стул.

— Одну минуту, — сказала Софи и побежала в палатку. Она вернулась тотчас же и, нагнувшись сзади над Мариано, сунула ему что-то тяжелое в боковой карман куртки. Молодой человек опустил руку в карман: это был револьвер.

— Ужин начался в теплой, дружественной обстановке, — прокомментировал Мариано и положил на тарелку гостя порцию дымящихся бобов.

Незнакомец обнюхал еду, потом быстро погрузил в нее указательные пальцы обеих рук и, действуя ими, как деревянными палочками, начал есть неторопливо, но с видимым наслаждением. Очистив тарелку таким образом, он ее старательно вылизал, откинулся на спинку стула и издал неопределенный стонущий звук, который можно было расценить только как выражение острого блаженства.

Ни Мариано, ни Софи не притронулись к еде. Их обоих переполняла невыносимая смесь жалости и отвращения, сострадания и брезгливости. Вызвано это было даже не странным способом принятия пищи. Их ошеломило другое: на негнущихся серых пальцах пришельца не было ногтей. Не то что они были кем-то сорваны — нет: их явно не было никогда.

— Теперь я понимаю, — прошептала Софи. — Этот несчастный урод все-таки европеец, вернее сын европейских родителей. Такие дети, я знаю, рождаются у людей, работающих с радиоактивными веществами. Самым правильным было бы убить его еще младенцем.

— Мадемуазель Берже, я все-таки не уверен, что он ничего не понимает. Будьте осторожнее.

— Ох, да Пальха, вы думаете, ему самому это не приходило в голову? Ручаюсь, что не раз. Дайте-ка ему лучше еще чего-нибудь.

Мариано достал коробку сардин и принялся ее открывать, искоса поглядывая на гостя.

— Боюсь, что вы неправы, — заметил он. — Этому человеку не меньше тридцати лет. Тогда еще не было никакой атомной бомбы, слава богу.

— Но исследования велись, и как раз без соблюдения техники безопасности.

— Может быть. Но он не понимает местных наречий, и потом его способ питаться...

— Наверное, и это можно как-то объяснить.

Мариано пожал плечами и протянул гостю открытую коробочку с сардинами. Но незнакомец вдруг шарахнулся в сторону, замахал руками, и его всего затрясло, словно от страха или отвращения. Он не успокоился, пока злополучная жестянка не была отнесена в палатку.

— Ну, ладно, — сказал Мариано, — пока закипает кофе, попробуем объясниться при помощи карандаша и бумаги. Боюсь, что бедняга просто глухонемой.

Карандаш и бумага появились на столе; придвинутые к незнакомцу, они не произвели на него никакого впечатления. Молодые люди разочарованно переглянулись.

— Начну-ка я сам, — предложил Мариано и, взяв карандаш, принялся кое-как изображать усатого ковбоя. Глаза незнакомца округлились, он выхватил карандаш, обнюхал его, поднес к уху, словно прислушиваясь, потом быстро придвинул бумагу к себе и начал наносить на нее непонятные волнистые линии, зигзаги и пятна. Это была радость дикаря, получившего ни с чем не сравнимую игрушку.

— Придется завтра заехать в Жеремуабу и сдать его местным властям. Бедняга заслуживает приюта умалишенных.

Между тем незнакомец начал издавать какие-то странные звуки; увлеченный рисунком, он, по-видимому, сам не замечал, что они произвольно вырываются у него. Наверное, это была песня, потому что звучали только гласные различной тональности.

— Мариано, — вскрикнула вдруг девушка, — вы видите, что он рисует? Это же план местности!

— Черт меня подери, это карта окрестных штатов. Да, это Васа Баррис, ее характерные изгибы... Но ведь для того, чтобы нарисовать такой план, надо видеть местность с самолета!

— Нарисуйте ему самолет, — посоветовала Софи.

Самолет был изображен и передан незнакомцу: тот крутил рисунок так и этак, переворачивал вверх ногами, в конце концов пририсовал ему лапы, глаза и клюв. Затем вернулся к первому рисунку. У изгиба Васа Баррис он поставил крестик. «Наш лагерь», — прошептала Софи. Потом он несколько помедлил и поставил второй крест в левом верхнем углу листа. Рядом со вторым крестом он изобразил продолговатый овальный предмет.

— Галоша, — предположил Мариано.

— Или лодка.

Возле предполагаемой галоши появились крошечные пляшущие человечки; три фигурки, покрупнее других, были расположены горизонтально. От их голов расходились радиальные лучики. Точно такую же фигурку, с волосиками-лучами вокруг головы, он нарисовал у первого креста, обозначавшего лагерь близ Канудуса.

Затем он выразительно постучал пальцем себя в грудь и указал на четвертую фигурку.

— Он хочет сказать, что это он, — догадалась Софи. — Но зачем он нарисовал себе волосы? Ведь он абсолютно лыс.

— Наверное, это означает, что он считает себя святым.

— Или мудрецом.

— Это нетрудно проверить, — сказал Мариано и начертил прямоугольный треугольник. На двух катетах он нарисовал квадраты и протянул незаконченный чертеж гостю.

Незнакомец, почти не глядя, отбросил чертеж с тем же безразличием, как и рисунок самолета. Было видно, что он торопится объяснить что-то свое, до смерти ему необходимое. Он ткнул пальцем в темноту, где должны были располагаться убогие домишки нового Канудуса, потом довольно точно изобразил вакейрос —

местного пастуха, и рядом с ним — собаку. Затем он показал на пастуха и потом — на себя, сделал это несколько раз и ткнул пальцем вверх, в черное тропическое небо. Затем точно так же он указал на тождество между «пляшущими человечками» и собакой.

— По всей вероятности, тут личные обиды на жителей какого-то поселка, — предположил Мариано. — Сейчас сбегая за планшетом и заодно сниму с огня кофе.

Он вернулся, неся планшет, походный кофейник и плоскую флягу.

— Этому парню надо выпить, — сказал он. — Тогда мы окончательно найдем общий язык.

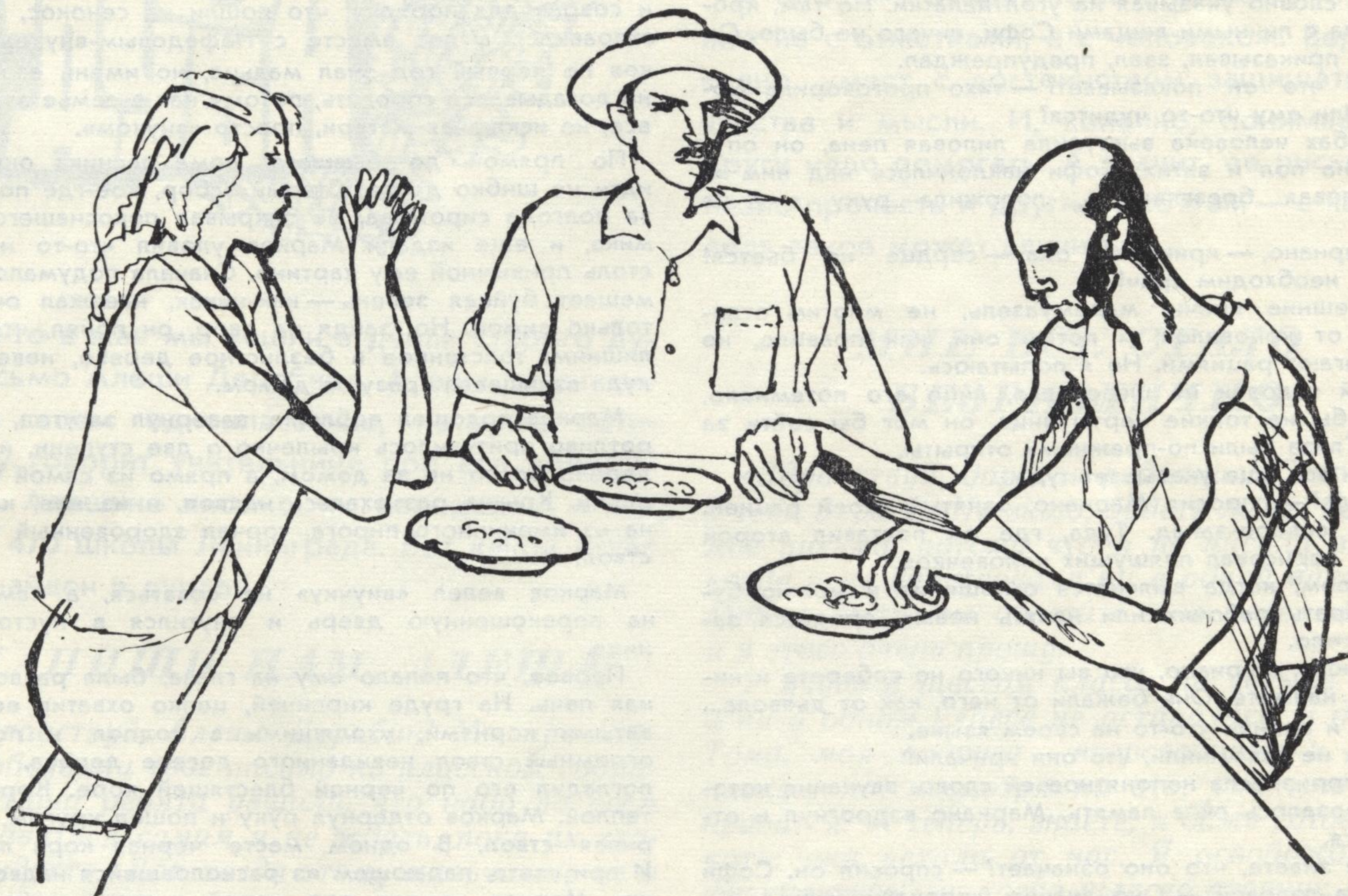
Незнакомец принял коньяк восторженно: высосал половину кружки и попросил знаком еще. Мариано с сомнением покрутил головой, но налил. Чувствуя, что

— Мне пришлось съездить вашему мулату по рожу, — сказала мадемуазель Берже. — Он хамил. Я вижу, что этот факт произвел на нашего гостя неизгладимое впечатление. Но не нужно было давать ему спиртного.

Мариано нахмурился. Было видно, что он собирается ответить Софи, но подыскивает наиболее вежливую форму. В этот момент незнакомец с диким воплем вскочил, указывая на заросли каатинга.

Луна еще только всходила, а костер догорал; заросли слились в сплошной черный массив. Но гость верещал, как заяц, указывая то на рисунок, изображающий Машадо, то на кусты.

— Мариано, — неуверенно проговорила девушка, — или этот пьяный дурак меня напугал, или там действительно кто-то есть. Я чувствую, что на меня смотрят.

больше ему не дадут, незнакомец решил продлить удовольствие, он опускал в кружку указательные пальцы, а потом поочередно обсасывал их. Мариано между тем сравнивал свою карту с рисунком гостя.

— Или он напутал, — произнес он наконец, — или на месте его «галoши» нет никакого селенья. Напротив, это совершенно безлюдная область, гористая и почти непроходимая.

— Послушай-ка, парень... — обратился он к гостю.

Но «парень» не расположен был слушать. С лихорадочной быстротой он набрасывал на бумаге то громадный баобаб с танцующими вокруг дикарями, то обыкновенную свинью вполне европейского вида, то какой-то нелепый саркофаг, то вполне приемлемое изображение Сатурна. В заключение этой фантастической галереи появился человек, своим характерным профилем напоминающий Машадо.

— А-а-а! — восторженно вопил незнакомец, указывая то на Машадо, то на Софи. — А! — он с силой бил ладонью по бумаге, потом кланялся Софи, а в заключение указывал на нее, на себя и на небо.

В этот момент незнакомец вдруг выхватил из складок своей хламиды какой-то узкий, черный предмет, размахнулся и с гиканьем пустил его в темноту.

И в ту же секунду упал на стол, гулко ударившись головой.

В зарослях раздался крик, выстрел, и пуля просвистела над самой головой упавшего незнакомца. Софи и Мариано подхватили его под руки и поволокли к палатке. Безжизненно повисшее серое тело было до неправдоподобия легким.

— Ящики с оборудованием — к двери! — крикнул Мариано, когда он вбежал в палатку. — У рабочих оружия нет, разве что пара старых ружей у жителей поселка. До утра продержимся, даже если они попытаются нас атаковать.

Пока Софи подтаскивала к выходу ящики, Мариано включил рацию и попытался связаться с департаментом полиции. Но для старенькой походной станции это было нелегкой задачей. Между тем незнакомец, которого оставили прямо на полу, пришел в себя и медленно приподнялся.

— Тихо, ты, — сказала ему Софи, словно он мог ее понять. — Влипнем из-за тебя...

Но он продолжал подыматься, глядя вверх широко раскрытыми немигающими глазами, и тонкие серые пальцы побежали по окружающим его предметам, словно он их не видел. Он ощупывал походную койку Мариано, потом дотронулся до руки Софи — и вдруг с отчаянным воплем упал на пол и забился не то в истерическом смехе, не то в эпилептическом припадке. Мариано бросился к нему и, оторвав его от пола, повернул к себе.

Лицо передергивалось чудовищными гримасами, но широко раскрытые глаза были неподвижны.

— Мне кажется, он ослеп, — прошептал Мариано.

Услышав его голос, незнакомец схватил его за руку и быстро, захлебываясь и переходя на плач, заговорил на своем непонятном языке. Он все время повторял одно и то же, всего две фразы, и выбрасывал руку вперед, словно указывая на угол палатки. Но там, кроме баула с личными вещами Софи, ничего не было. Он кричал, приказывал, звал, предупреждал.

— На что он показывает? — тихо проговорила Софи. — Или ему что-то чудится?

На губах человека выступила лиловая пена, он опустился на пол и затих. Софи наклонилась над ним и, преодолевая брезгливость, положила руку ему на грудь.

— Мариано, — крикнула она, — сердце не бьется! Срочно необходим врач!

— Здешние врачи, мадемуазель, не многим отличаются от коновалов, и потом они, как правило, не располагают рациями. Но я попытаюсь.

Серый человек не шевелился, лицо его потемнело, и если бы не тонкие черты лица, он мог бы сойти за негра. Глаза были по-прежнему открыты.

— Он все еще указывает туда...

— Куда? — спросил Мариано, занятый своей рацией.

— На северо-запад. Туда, где он поставил второй крест и нарисовал пляшущих человечков.

— Утром, когда выяснятся отношения и можно будет собрать рабочих или нанять новых, придется закопать тело.

— Боюсь, Мариано, что вы никого не соберете и никого не наймете. Они бежали от него, как от дьявола... бежали и вопили что-то на своем языке.

— Вы не запомнили, что они кричали?

Она произнесла непонятное ей слово, звучание которого врезалось ей в память. Мариано вздрогнул и отшатнулся.

— Вы знаете, что оно означает? — спросил он. Софи покачала головой. — Оно значит: «прокаженный».

Оба с ужасом смотрели на тело, растянувшееся на полу у их ног.

— Нет-нет, — проговорила, наконец, Софи. — Просто это человек не такой, как мы с вами.

Мариано пристально посмотрел на широко раскрытые слепые глаза, на серую руку и тихо произнес:

— С некоторых пор я начал сомневаться в том, что это вообще человек.

Съездить в Сельцо удалось в конце мая: в цеху меняли оборудование, и Маркову предложили неделю за свой счет.

Можно и позагорать, и порыбачить. Вот только на охоту срок не выходил, и Марков с сожалением оставил двустволку в ленинградской квартире.

Нефедов встретил Маркова так, словно тот всю жизнь останавливался только у него.

Наутро, запасясь двумя ломтями вчерашней драчены и соврав для порядку, что пошли на сенокос, Марков отправился в лес вместе с Нефедовым-внуком. Марков не первый год знал мальчика, но имени его как-то не догадывался спросить, потому как в семье звали его все, не исключая матери, просто «внуком».

По прямой до бывшего дома лесника оказалось идти не шибко долго. Старый забор, кое-где полегший за полгода сиротства, не закрывал покосившегося домика, и еще издали Марков уловил что-то новое в столь привычной ему картине. Сначала подумалось, что мешает буйная зелень — как-никак, наезжал он сюда только зимой. Но, зайдя на двор, он понял, что было лишним: толстенное и безлистное дерево, невесть откуда взявшееся сразу за домом.

Марков подошел поближе, завернул за угол, где сиротливо притулилось крылечко о две ступени, и ахнул: дерево росло не за домом, а прямо из самой его середки. Крыша разъехалась надвое, и из нее, как свеча из именинного пирога, торчал здоровенный черный ствол.

Марков велел «внучку» не соваться, а сам налег на перекошенную дверь и очутился в пустой горнице.

Первое, что попало ему на глаза, была развороченная печь. На груде кирпичей, цепко охватив ее узловатыми корнями, уходящими в подпол, и покоился огромный ствол невиданного доселе дерева. Марков погладил его по черной блестящей коре. Кора была теплой. Марков отдернул руку и пошел кругом, осматривая ствол. В одном месте черная кора лопнула. И при свете, падающем из расколовшейся надвое крыши, Марков увидел под корой серую, ноздреватую массу, похожую не на древесину, а на какой-то пористый минерал...

Продолжение следует

Как-то в мае мы нашли в дупле старого дуба письмо Алеши Дерябина. Алеша рассказывал о своем однокласснике, который потихоньку говорит учительнице про все проказы ребят. Алешино письмо мы передали в 4 «а» класс 470 школы Ленинграда. Вот какой ответ был найден в дупле:

НАПИШИ НАМ, АЛЕША

«Здравствуй, Алеша Дерябин! Мы прочитали и обсудили твое письмо на классном собрании. Наши ребята решили, что надо во всем признаваться самим и не ждать, пока их кто-то «выдаст». Вот тогда этому мальчишке не о чем будет доносить.

Обязательно скажите учительнице, что он живой. По-нашему, он трус, если лжет. Напиши нам, Алеша, исправился ли этот мальчик».

Сейчас вы прочтете письмо Веры С. Трудно помочь Вере. И она, как вы увидите, сама это понимает. Можно только посочувствовать ей: очень уж грустно расставаться с другом.

Ну, а если помочь-то особенно нечем, стоит ли печатать письмо?

Стоит, решили мы. И вот почему. Смотрите, что пишет Вера: «Может быть, вам этого не понять, двоечница и все такое, но я не могу без нее».

Вот это самое «может быть, вам этого не понять» — нас и зацепило. Мы не обиделись, нет. Мы хорошо понимаем Веру. Слишком уж часто ребятам говорят: «Ты с таким-то не дружи, он двоечник». Или: «Второгодница тебе не подруга!»

А Вера — молодец. Она понимает, что дружат не с отметками, а с человеком. Вера, как видно, умеет с достоинством защищать свои чувства и мысли. И, конечно, понимает, что другу надо помогать. А значит, ее письмо полезно прочесть и другим ребятам — с каждым ведь такое может случиться.

МНЕ ВСЕ СТАЛО БЕЗРАЗЛИЧНО

«Здравствуй, дорогая редакция! С приветом к тебе Вера С. Не знаю, будете ли вы печатать мое письмо, потому что я не писала вам никогда и не участвовала ни в одной викторине. Может быть, вы ответите мне через журнал, а я этого очень прошу.

Я учусь в шестом классе на четыре и пять и ни в одном классе не оставалась, а девочка Тома, моя подруга — второгодница и учится плохо... но, несмотря на это, она мне очень нравится. А теперь, знаете, я даже готова плакать: она уехала от нас. Я освобождена от физкультуры, и когда шла во вторник в школу (Тома тоже освобождена из-за ног, у нее ревматизм. А я из-за глаз), то думала, что увижу Тому, и мне становилось как-то свободно на душе, а теперь я стала скучная и в школу иду без охоты. Мне все стало безразлично и очень грустно. Теперь я иду и думаю: «Опять мне целых два урока сидеть одной». Хотя у нас в классе иногда остается несколько девочек, я считаю себя одинокой.

Может быть, вам этого не понять, двоечница и все такое, но я не могу без нее. Я хочу увидеть ее еще хоть разочек.

Вы подумаете: «А что же мы можем здесь сделать?» Конечно, вы не можете показать мне ее, но все-таки напишите что-нибудь успокоительное. Все-таки, когда поделишься горем, становится легче».

Трудно сказать, как зарождаются стихи, откуда они приходят. Ведь поэзия — дело непланируемое. Вдруг всплывет со дна души какая-то строчка — и к ней, как кристаллик к кристаллику, прирастают другие строчки. И в результате получается стихотворение. А иногда не получается. Иногда оно вроде бы и выкристаллизовалось, да нет в нем внутренней игры, нет жизни. Порой же в удавшемся стихотворении, в результате работы над ним, неудачной оказывается именно та первая строчка, из-за которой все и началось. И приходится ее вычеркивать и заменять другой. Но она сделала свое дело. Так зерно, брошенное в землю, умирает, но дает жизнь колосу.

Да, трудно объяснить, как зарождаются стихи. Но, наверняка, у каждого поэта есть и такие стихи, о которых он может рассказать более подробно. В 1941 году я был красноармейцем в батальоне аэродромного обслуживания, наша часть стояла возле Ленинграда, в блокаде. В 1942 году

я был переведен в армейскую газету Ленфронта «Знамя победы», стал часто бывать в Ленинграде. В городе в те дни много было разрушенных зданий, глаз уже привык к этому. Но около некоторых разбомбленных домов люди невольно замедляли шаг. Я помню здания, где бомба отвалила фасадную стенку, раскрыв внутренность комнат. Там висели картины, даже мебель стояла, — и только людей там не было, они или спаслись, или погибли.

В одном таком странном разрушенном доме на стене, на высоте пятого или шестого этажа, висело зеркало. Кажется, это было в доме, что стоит (он давно восстановлен) на углу Моховой и улицы Пестеля. В зеркале отражалось небо, облака. Было в этом что-то очень грустное — даже на фоне маловеселого 1942 года в блокированном Ленинграде.

Я тоже замедлил шаги возле этого здания. «Что видело это зеркало? — подумал я. — Чему еще суждено в нем отразиться?»

Об этом тогда я написал стихотворение.

Вадим Шефнер

ЗЕРКАЛО

Как бы ударом страшного тарана,
Здесь половина дома снесена,
И в облаках морозного тумана
Обугленная висится стена.

Еще обои порванные помнят
О прежней жизни, мирной и простой,
Но двери всех обрушившихся комнат,
Раскрытые, висят над пустотой.

И пусть я все забуду остальное —
Мне не забыть, как на ветру дрожа,
Висит над бездной зеркало стенное
На высоте шестого этажа.

Оно каким-то чудом не разбилось.
Убиты люди, стены сметены, —
Оно висит, судьбы слепая милость,
Над пропастью печали и войны.

Свидетель довоенного уюта,
На сыростью изъеденной стене
Тепло дыханья и улыбку чью-то
Оно хранит в стеклянной глубине.

Куда ж она, неведомая, делась,
Иль по дорогам странствует каким
Та девушка, что в глубь его гляделась
И косы заплетала перед ним?..

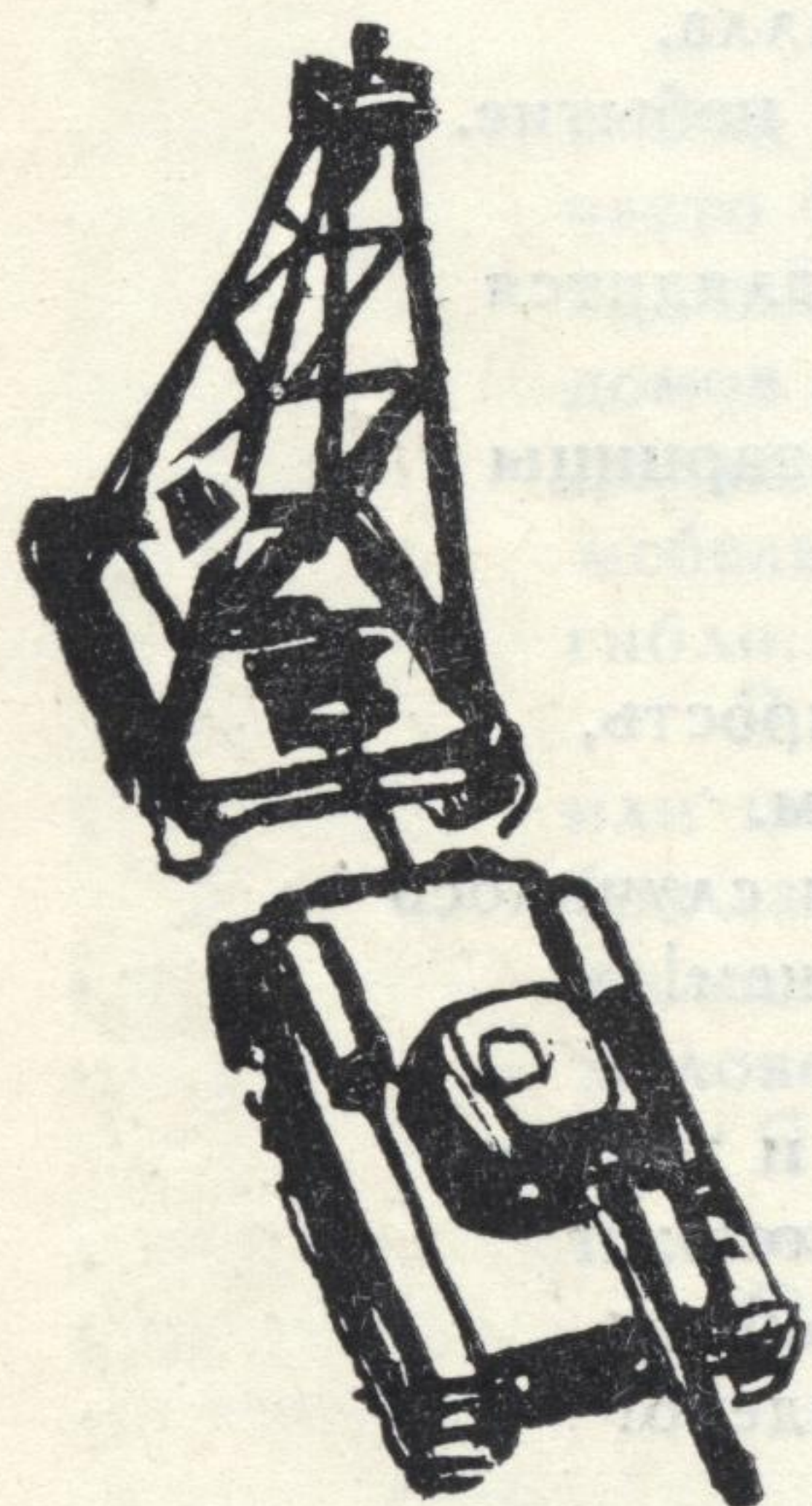
Быть может, это зеркало видало
Ее последний миг, когда ее
Хаос обломков камня и металла,
Обрушась вниз, швырнул в небытие.

Теперь в него и день и ночь глядится
Лицо ожесточенное войны.
В нем орудийных выстрелов зарницы
И зарева тревожные видны.

Его теперь ночная душит сырость,
Слепят пожары дымом и огнем.
Но все пройдет. И что бы ни случилось —
Враг никогда не отразится в нем!

Не зря в стекле тускнеющем и зыбком
Таится жизнь. Не зря висит оно:
Еще цветам и радостным улыбкам
Не раз в нем отразиться суждено!

**ЕСТЬ
СЛЮДА
НА
КОВДОРЕ!**

На географической карте нетрудно найти Кольский полуостров — между синими пятнами Белого и Баренцова морей на самом северо-западе нашей страны. Кольский полуостров с его невысокими горами Хибинами геологи называют «природной сокровищницей», а Ковдор — ее «жемчужиной».

Хотите познакомиться с человеком, который говорит: «Ковдор — лучшее место на земле?»

Это геолог, лауреат Ленинской премии Владимир Иванович Терновой, открывший на Ковдоре вместе со своими товарищами богатые залежи природной слюды — вермикулита и флагопита.

Знаете ли вы, что это за минералы?

Вермикулит и флагопит — редчайшие в природе минералы. Для изоляции горячих паропроводов, теплоцентралей, трубопроводов вермикулит просто необходим. Если его обжечь, он вспучится, станет во много раз больше в объеме. Флагопит — незаменимый электроизолятор. Без него нет электромотора. А сколько электромоторов одновременно работает в нашей стране! Гигантские электростанции и маленькие «движки», электровозы и троллейбусы, трамваи и станки. На изоляцию в электронных приборах, в теле- и радиоаппаратуре тоже идет слюда, но

не флагонит, а мусковит. А вот зато домашний электроутюг, электрочайник, плитка, стиральная машина безопасны только благодаря флагониту. Теперь вы и сами понимаете, насколько важно было открытие Ковдорского месторождения.

Редакция просила Владимира Ивановича рассказать вам, ребята, в своей работе геолога, о том, какой путь привел его к Ковдору...

Очень трудно сейчас вспомнить, когда и почему я решил стать геологом. Среди моих родных и знакомых не было путешественников и — тем более — геологов. Школу я кончал в станице Белая Глина на Кубани. В теплые летние вечера, в сумерках, мы, ребята, любили пристроиться где-нибудь поуютнее и послушать рассказы о путешествиях, о сражениях. Мне нравилось рассказывать о Арсеньеве, Пржевальском, о героях Майн-Рида и Жюль Верна. Еще в школе мы с моим другом Алешей Переверзевым твердо решили — станем геологами...

После окончания института мне хотелось попасть на Урал. Еще бы! Богатейший район СССР. Чего только здесь не находили! Со студенческих лет помню «хитрость»: спросят на экзамене, где, например, залежи хромита. Не помнишь? Не показывай вида, отвечай уверенно: «На Урале». Никогда не ошибешься: гораздо труднее сказать, чего на Урале нет.

Алеша Переверзев укатил на Сахалин, меня направили в Ленинград и назначили начальником поисковой партии, предложили составить проект работ. Казалось — простое дело. Проект я составил за неделю вместо положенных двух месяцев. В Управлении, понятно, удивились моей быстроте, но проект не утвердили. Выяснилось, что знаний у меня не так-то много, что я упустил важные поправки и дополнения к справочникам. Пришлось учиться писать проекты. Проект утвердили только с третьего захода. Но нас, вчерашних студентов, ждали теперь не только проекты, предстояло учиться понимать геологию, идти к решению задач кратчайшим путем.

Первая экспедиция — в Карелию, в район Медвежьегорска, запомнилась мне надолго. Где взять рабочих? Как погрузить и доставить к месту работы буровые станки и все оборудование? Хватит ли денег? Чем кормить рабочих? Много ли снега на карельских дорогах?

Готовых решений не было. Ответить должен был я сам, начальник партии, руководитель работ. Конечно, все со временем уладилось. Нашлись рабочие, все погружено в вагоны.

До Медвежьегорска ехали железной дорогой, и четырехтонный буровой станок не причинял хлопот. В Карелии снега оказалось выше головы. И вначале мы растерялись, как же довезем тяжелое оборудование на участок?

Наконец, и лошади нашлись. Но не проделали они и половины пути, увязли в снегу. Упали и лежат, словно и не желают вставать. Выручили наши техники. Их мощный трактор легко рванул с места неуклюжие сани со станком. Помог благополучно добраться до места.

...Год шел за годом. Нажит кое-какой опыт, умение работать. Открыты в Карелии месторождения известняков, гранитов, тальковых и талько-хлоритовых сланцев. Но не всегда были удачи: два года искали асбест, а нашли только два непромышленных месторождения. Наиболее плодотворными оказались поиски на Кольском полуострове за 62 параллелью, на Ковдоре.

Еще десять лет назад, когда я впервые приехал в те места, города и даже поселка еще не было. На сотни верст тайга и тундра, ни троп, ни жилья. Сейчас здесь красавец город Ковдор. Вырос он на основе нескольких месторождений, открытых за последние тридцать лет. Впервые нашел здесь железную руду геолог Кошиц, но освоить месторождение помешала война. Только в 1962 году начали добывать железные руды.

Несколько ранее с моим участием были открыты и разведаны крупнейшие залежи вермикулита. Но самое интересное ждало нас впереди. Уже давно пытались геологи найти здесь флагопит: как известно, вермикулит и флагопит — минералы-спутники. Но безуспешно. Геологическое строение местности изучено было недостаточно. Нам уже было легче; разведка вермикулита дала уверенность, что продолжать поиски нужно. Но в другом месте и другими способами. Эта мысль получила поддержку и в Министерстве геологии СССР.

Но только через три года было найдено «слепое», скрытое под наносами на большой глубине, месторождение флагопита, ценнейшей изоляционной слюды. Месторождение требовало особого подхода к себе. Решено было разведывать слюду скважинами глубиной 800 метров. Из скважин доставали длинные керны — скважинные образцы пород в виде круглых столбиков. По ним определяли свойства слюды, но... полностью изучить все свойства, определить величину кристаллов слюды можно только в шахте. Когда шахта была готова, к нам на Ковдор приехали гости из Москвы и Ленинграда. Приехал и академик Дмитрий Сергеевич Коржинский. Перед спуском в шахту он ворчал что-то вроде: «Воображаю, что за слюду вы откопали. Вот в Забайкалье слюда так слюда — кристаллы два метра в поперечнике!» Не обидно говорил, с доброй усмешкой.

Такое отношение было не ново. И раньше слышали от бывалых, но скептически настроенных людей: «Федот, да не тот».

Спустились в шахту. Разработка идет полным ходом. И вдруг слышим сквозь грохот возглас академика: «Никогда не представлял, что увижу такое!»

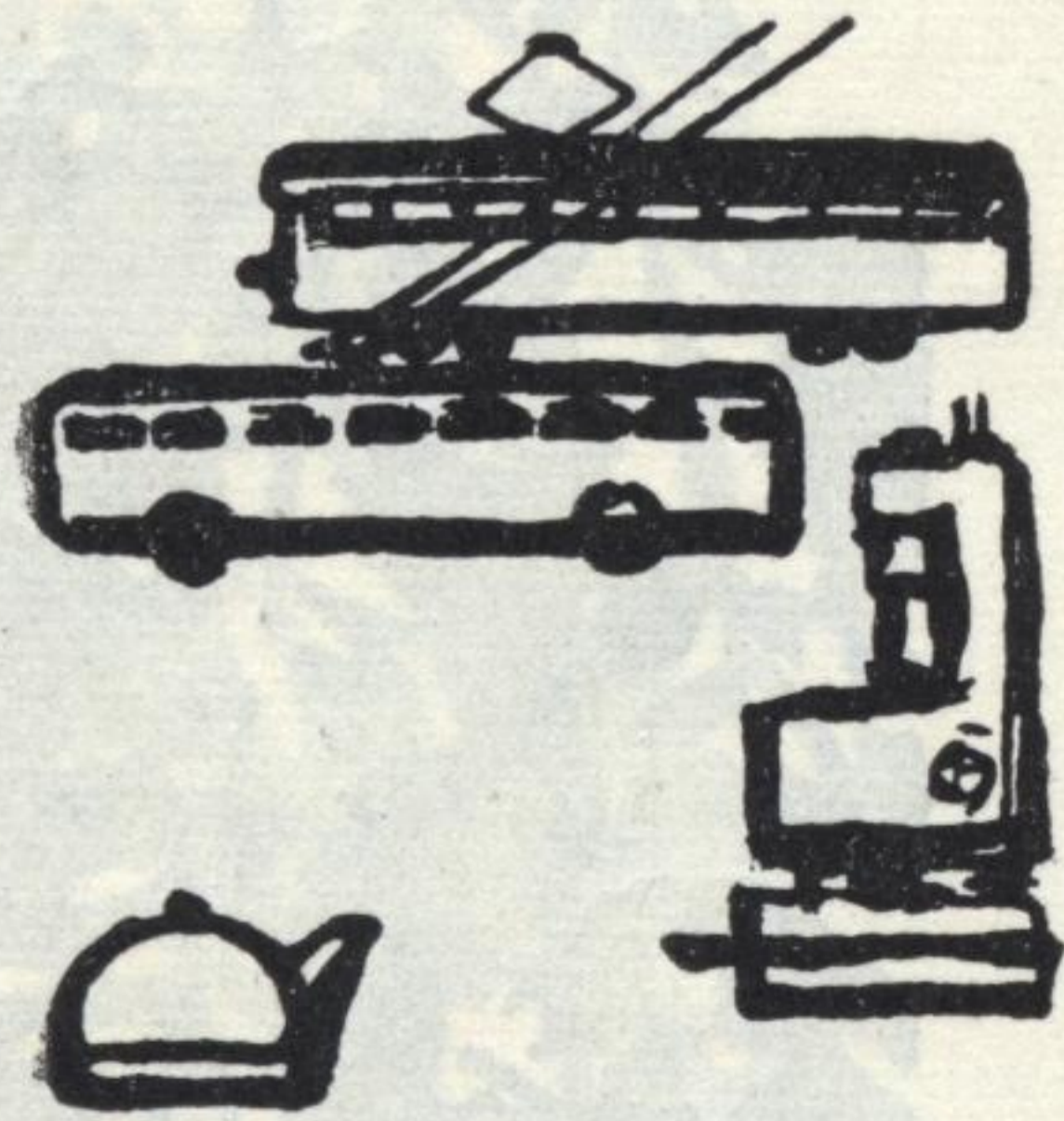
Представьте себе комнату в 100 кв. м — величина одного ковдорского кристалла. Такого еще не встречали. Но восторгаться нашим флагопитом, по правде сказать, не спешили. Очень уж необычное было это месторождение, да и слюда неизвестного качества. И у нас самих оставались сомнения. В долгие полярные ночи мрачные предположения были особенно навязчивы. А вдруг окажется: поставят ковдорскую слюду в электромотор, а она возьмет... и сгорит. Пусть не сразу, но через месяц — сгорит. Все равно плохо. Даже если через год. Значит, нужны заводские испытания, чтобы проверить свойства слюды-незнакомки. Надо было посмотреть и другие месторождения флагопита. Лететь на Алдан и Слюдянку, знакомиться с уже налаженным слюдяным производством. Но вот испытания позади. Слюда отличная. Пора защищать отчет в Государственной Комиссии в Москве. Она решит, строить ли здесь рудник, город, прокладывать ли дороги. Одобрение — путевка в жизнь нашему месторождению.

Слюда выдержала экзамен. Городу быть! И вот уже закипела работа. Растут новые дома и улицы. Работает рудник, все больше пользы приносит слюда стране. Город еще, правда, молод. Только-только возникли автобусные маршруты. И люди в этом городе совсем молодые. Бабушки здесь на вес золота: у молодых пап и мам много детей. Сейчас в школах Ковдора одних первых классов по семь: первый «а», первый «б», «в», «г», «д», «е», «ж»...

Но еще не все открыто на Ковдоре. Разведчики недр — мои друзья Серафим Сергеевич Осипов, Борис Иванович Сулимов, Борис Васильевич Афанасьев и многие, многие другие молодые энтузиасты, влюбленные в Заполярье и Ковдор, еще и сегодня бурят там скважины, ищут клады.

Нет сомнения, что новые открытия еще будут сделаны на Ковдоре. Возможно, они ждут вас, ребята!

Записала беседу Л. Гладкая
Фото Л. Полякова

Ойгену Гроссу было три месяца, когда гитлеровцы казнили его отца за участие в подпольной молодежной антифашистской организации «Белая роза». Прошло двадцать два года, и студент Гросс вступил в организацию того же названия, созданную в ФРГ. Недавно он сказал, выступая на митинге в Мюнхене: «Чтобы прошлое не повторилось, мы должны понять цену слова «нет!». Это цена человеческих жизней. Давайте же скажем «нет!» коричневой своре!»

Девятилетний Хуань Дюк из южновьетнамской деревни Винь-Линь служит связным у партизан. Он сменил старшего брата, погибшего в бою. Однажды, заметив, что американские солдаты подготовили посадочную площадку для вертолетов, Хуань Дюк притворился, что играет, и измерил расстояние от площадки до дороги. Через день площадка была уничтожена.

...А ТЕ,
КТО ПОГИБНЕТ В ПУТИ,
ОСТАНУТСЯ С НАМИ ДО КОНЦА.
ПОТОМУ ЧТО МЫ НЕ ШАГАЕМ
В ОДИНОЧКУ,
ПОТОМУ ЧТО ДАЖЕ МЕРТВЫЕ
ИДУТ В НАШЕМ
СТРОЮ.

Чилийская газета «Эль сигло» сообщает, что в Парагвае после каждой казни коммуниста десятки молодых людей в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет вступают в подпольные коммунистические ячейки.

В американском городе Филадельфия (штат Миссисипи) негритянская молодежная организация «Свободу теперь!» опубликовала «Синюю книгу» о связях местной полиции с куклуксклановцами. Организация была создана вскоре после того, как филадельфийские полицейские убили трех участников «рейсов свободы» — борцов за гражданские права негров.

Министерство внутренних дел Родезии объявило о том, что в стране действуют по крайней мере три партизанских отряда, носящих имя Уолтера Маркиша. Двадцатилетний Маркиш был недавно казнен родезийскими властями за участие в освободительной борьбе.

ФЕСТИВАЛЬНАЯ РОМАШКА — ЦВЕТОК НЕ ТОЛЬКО ВЕСЕЛЬЯ, НО И БОРЬБЫ. НЕМНОГОЕ УМЕСТИШЬ НА ПЯТИ ЛЕПЕСТКАХ, НО ЕСЛИ БЫ ИХ БЫЛО И В МИЛЛИОН РАЗ БОЛЬШЕ, МЕСТА БЫ ВСЕ РАВНО НЕ ХВАТИЛО. ПОТОМУ ЧТО ДАЖЕ ПРОСТОЕ ПЕРЕЧИСЛЕНИЕ ИМЕН ТЕХ, КТО В РАЗНЫХ СТРАНАХ ОТСТАИВАЕТ ДЕЛО МИРА И ДРУЖБЫ, ЗАНЯЛО БЫ, НАВЕРНО, НЕ ОДИН НОМЕР НАШЕГО ЖУРНАЛА. СЛОВА В ЦЕНТРЕ РОМАШКИ — СТРОКИ «ГИМНА ПОРТУГАЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ». ЭТОТ ГИМН НЕ РАЗ ПРОЗВУЧИТ НА УЛИЦАХ И ПЛОЩАДЯХ ФЕСТИВАЛЬНОЙ СОФИИ.

Лавочники

РАССКАЗ

Анна Мария Матуте

Рисунки Н. Петровой

Ветер, налетавший с моря, крутил столбы белой пыли на равнине, где стояли лачуги. Направо от лачуг поднималась скалистая гора. Налево начиналось предместье, с его первыми газовыми фонарями и глинобитными стенами тесных дворов. Дальше — темные улочки, мокрые скользкие мостовые, кабачки, закусовые, лотки с жареной рыбой. Это был район рыбаков и матросов, и тут, недалеко от берега, стояла часовня св. Михаила и св. Петра. А еще дальше — море. Иногда по утрам, в ясную погоду, из часовни до лачуг доносился колокольный звон.

Продуктовая лавка находилась в центре этого мирка. Как раз на середине пути от ла-

чуг до первых рыбацких домов. Лавка была небольшая, но всегда забитая товарами. Колбасы, банки консервов, свечи, мыло, пачки печенья, сыр, масло, мочалки, веники... Все это было расставлено в строгом порядке по полкам, уложено в пирамиды вокруг деревянного прилавка, до блеска отполированного рукавами покупателей. За прилавком открывалась дверь в комнаты, где жили Эзекиэль, его жена Мариана и их приемный сын.

Лавочники привезли мальчика из родной деревни Марианы, когда уже отчаялись иметь своих детей. Его звали Дионисьо, и он был сыном бедной вдовы, их родственницы, у которой оставалось еще четверо ребят поменьше.

Мать сразу же согласилась отдать сына, и теперь изредка присылала ему короткие письма, где своим крупным почерком, странно разрывая слова, писала об огороде, о братьях и сестрах и о том, как тяжело жить на свете. Дионисьо было шесть лет, когда он уехал из деревни, и еще шесть он прожил у Эзекиэля и Марианы. О матери у него сохранились воспоминания смутные и печальные; думая о деревне, он представлял себе дома с навесами над входом, площадь и весенние сады, горьковато и прекрасно пахнущие влажной землей. А теперь он привык к запаху лавки, запаху перца, мыла и специй; и к соленому ветру, что, прилетая издалека, из-за рыбачьих кварталов, гнал по равнине, к лачугам, жаркую белую пыль.

Жалованья Дионисьо не получал, но Эзекиэль часто повторял, что скоро вся лавка будет принадлежать ему, их приемному сыну, ему и только ему. Дионисьо ел за обе щеки, как Эзекиэль. Как у Эзекиэля, у него за едой блестел от масла подбородок и края губ. И как Эзекиэль, он в промежутках между завтраком и обедом и между обедом и ужином приготавливал себе большие бутерброды с ветчиной, колбасой, сыром или мармеладом. Дионисьо мог есть все, что хотел, в любое время. Кроме того, в семь часов он поднимался наверх и причесывался, щедро поливая себя одеколоном с сильным запахом фиалок. Потом он снимал халат и, хорошенько вымыв руки, отправлялся в Академию изучать счетоводство.

Словом, Дионисьо жил в достатке, и все было бы хорошо, если бы не Манолито и его банда. Манолито и его банда жили в лачугах.

Это была орава загорелых мальчишек, худых, жестоких, непослушных и веселых. Они притягивали Дионисьо неудержимо. Манолито и его банда собирались на пустырях, за лачугами; у них были свои секреты, они играли в дикие увлекательные игры. Глядя на Манолито и его банду, Дионисьо начал задумываться о друзьях. О друзьях, об играх, о приключениях. Обо всем, чего у него никогда еще не было.

Дионисьо много раз пытался добиться их дружбы. Но Манолито и его банда не подпускали его к себе. Для них он был «лавочником».

Обитатели лачуг смотрели на лавку с жадностью и ненавистью. Мало-помалу Дионисьо понял это. Лавке не доверяли, но без нее было не обойтись. В лавке было все, что нужно, но отпускали там только за наличные (требовали их, конечно, лишь с обитателей лачуг).

— Видишь ли, Дионисьо, — вполголоса по-

учал Эзекиэль приемного сына, — дону Марселино и донье Асуньон — им можно верить и отпускать в кредит, потому что они богатые. А тем, из лачуг — нельзя, потому что они бедные. Никогда не забывай этого.

В конце концов Дионисьо понял это наставление, хотя с первого взгляда оно казалось ему непонятым противоречием.

Понял он и то, что ребята из лачуг сторонятся его. Он помнил, как однажды к вечеру Манолито зашел в лавку, а он в это время приготавливал себе бутерброд с мягкой свиной колбасой. Он размазывал колбасу по хлебу, помогая себе большим пальцем. Палец был заклеен грязным пластырем, потому что он недавно порезался, отрезая сто граммов сыра. Вдруг он почувствовал на лбу какой-то странный зуд, словно его пощекотали. Он поднял голову и увидел круглые глаза Манолито, в упор смотревшие на него, на его большой палец, заклеенный грязным пластырем, на колбасу, размазанную по хлебу. И что-то заставило его повернуться спиной. А Эзекиэль между тем недовольно спросил у Манолито, что ему надо.

— Пачку соли... — ответил Манолито.

Эзекиэль спросил еще недовольнее:

— А деньги у тебя есть?

Да, ребята из лачуг не любили его. Его не любили, и, может быть, поэтому ему еще больше хотелось войти в их банду. Особенно летом, когда они с радостными воплями сбегали на берег, к морю. Но было ясно, что его не любят. А те немногие разы, когда его принимали в игру, он приходил домой, весь переполненный новыми знаниями, и потом долго не мог уснуть.

Однажды Эзекиэль дал ему двадцать дуру. Самые настоящие двадцать дуру. Дионисьо давно уже клянчил:

— Крестный, у меня в кармане пусто... Крестный, дайте мне хоть монетку, пускай я ее даже и трачу не стану. У всех мальчиков в Академии есть деньги...

Эзекиэль отрицательно качал головой:

— Деньги — нет, Диони. Ты же знаешь, что когда-нибудь вся лавка будет твоей. Ешь ты сколько влезет и от работы не умираешь. Чего тебе еще? Зачем тебе деньги?

Перед этими доводами Дионисьо замолкал, не зная, что сказать. Пожалуй, он мог бы ответить: «Для форса». Но, конечно, не решался. И вдруг, в одно прекрасное утро, когда он подметал лавку, Эзекиэль сказал ему:

— На вот, держи и больше не хнычь. Только смотри, истратишь — плохо будет. Спрячь деньги так, чтобы они тебе и на глаза не попадались.

Двадцать дуру. Чудесные двадцать дуру, одной бумажкой. Дионисьо не мог выговорить ни слова, он просто задышался от восторга.

— Спасибо, крестный! Вот здорово!

— Но, гляди, тратить не смей! Не смей!

Дионисьо действительно спрятал деньги по-дальше. Правду сказать, по-настоящему он хотел только стать членом банды Манолито. Больше ничего.

Он положил деньги в шкаф, среди рубашек, и, зная, что они там, был спокоен. Первые дни он иногда подходил к шкафу и смотрел на них. Тогда ему вспоминался рассказ из одной книжки, рассказ о скупом, который берег свое золото в укромном месте и ласкал его. Но он только довольно улыбался.

И вот дней через пятнадцать-двадцать случилось нечто неожиданное. Дело было в понедельник к вечеру. Дионисьо вышел из лавки и решил не ходить на занятия, а лучше погулять по равнине. Приближалось лето, солнце еще не ушло за горизонт, а низко висело над волнистой поверхностью моря. Подойдя к лачугам, он услышал крики и пустился бежать вслед за оравой, спешившей на голоса мальчишек.

В семье Манолито случилось несчастье. Его отец, каменщик, упал с лесов и сломал себе ногу и три ребра. Отца увезли в больницу, а мать, громко рыдая, стояла на пороге дома в окружении соседок. Вдали от всех, прямо на земле, сунув руки в карманы, сидел Манолито. Лицо его было бледно и сурово. Дионисьо почувствовал, как ему вдруг стало ужасно жалко мальчика. Он подбежал к Манолито и остановился, глядя на него. Ему хотелось сказать тому какие-нибудь хорошие слова, но он не мог их найти. Наконец Манолито поднял глаза (как в тот день, когда он увидел Дионисьо с бутербродом). Под взглядом его черных глаз Дионисьо оцепенел.

— Пошел отсюда, гад! — прошипел Манолито. — Проваливай!

Дионисьо медленно пошел прочь. Он чувствовал на спине, на затылке тяжесть чужого отчаяния.

В эту ночь он принял решение. Ему даже не казалось, что он приносит жертву. Он встал пораньше, не заходя в лавку, выбежал через заднюю дверь и помчался к лачугам. Одну руку он держал в кармане и крепко сжимал в ней бумажку в двадцать дуру.

Когда он добежал до лачуги Манолито, сердце у него колотилось, точно возле самого горла.

— Маноло! — позвал он дрожащим голосом. — Выйди, Маноло, у меня к тебе дело!

Маноло вышел полуголый и заспанный. В дверях показались головы его младшей сестры и еще двух ребят поменьше.

— Где твоя мать? — спросил Дионисьо.

Манолито пожал плечами и бросил, презрительно скривив губы:

— В больнице, где же еще!

Дионисьо почувствовал, как вся кровь бросилась ему в лицо:

— Слушай, Манолито... я хотел тебе сказать... знаешь: это мое, но если ты хочешь... я тебе одолжу, и, когда ты сможешь, мне ведь не к спеху... можешь даже вообще не отдавать...

Он протянул бумажку в двадцать дуро. Маноло стоял молча, приоткрыв рот, не сводя глаз с денег. Он медленно вытянул худую грязную руку. Дионисьо положил деньги ему на ладонь и бросился бежать.

Когда он вбегал в лавку, у него колело в груди. Эзекиэль дал ему подзатыльник:

— Где тебя носит, бродяга? Ну-ка подметай, живо.

Все утро Дионисьо двигался, точно во сне. Каждый раз, когда раздавалось звяканье колокольчика над дверью, ноги у него подкашивались.

Манолито все не шел. Только после полудня его темная фигурка, освещенная сзади яркими лучами солнца, появилась в сумрачных сенях. Сердце Дионисьо упало, и он только подумал: «Какие тонкие ноги у Манолито». Нет, Манолито не был похож на предводителя банды. Он был словно птица, черная птица, одинокая и печальная.

Эзекиэль подозрительно поглядел на него. Манолито своим чистым уверенным голосом попросил отпустить ему рису, сахару, оливкового масла, свечей... Как обычно, Эзекиэль оборвал его:

— Скажи-ка, а деньги у тебя есть?

И при слове «деньги» для ясности потер большой палец об указательный. Манолито спокойно подтвердил:

— Да, есть. Так вы добавьте еще...

В ушах Дионисьо что-то звенело, и дальше слушать он не мог. Странная теплая волна перехватила ему горло. Ему необходимо было спрятаться, чтобы Манолито не видел его. Колени у него дрожали, и он сел прямо там, за прилавком, на пустую коробку из-под бутылок с кока-колой. Теперь он видел только Эзекиэля, который все еще с недоверчивым видом выкладывал продукты на прилавок.

Манолито протянул двадцать дуро. Дионисьо видел руки Эзекиэля, красные, с полуманнскими ногтями. Одной рукой Эзекиэль взял деньги, его бумажку в двадцать дуро, пощупал ее, поднял и посмотрел на свет.

— А ну, вон отсюда, мошенник! — пронзительно закричал он. — Убирайся, пока цел!

Дионисьо перевел дыхание. Тоненькие лучики солнца просачивались сквозь щели в пирамидах товаров. Толстая черная крыса пробежала за горкой мыла.

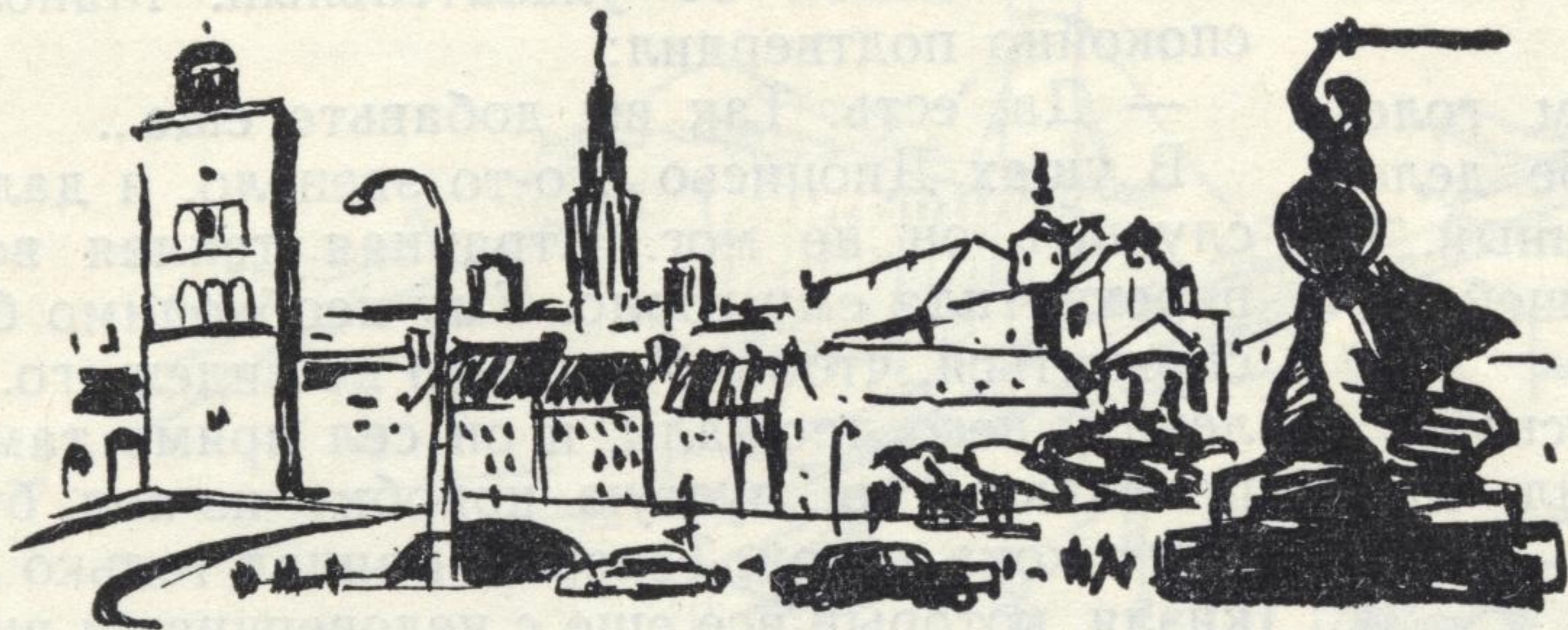
— Убирайся, слышишь! Думаешь, меня можно провести! Так я и знал! Так и чувствовал с самого начала! Суешь мне фальшивые деньги, фальшивые, как твоя душонка...

Эзекиэль многое еще наговорил. Дионисьо хотел встать, посмотреть через прилавок, но в лавке пахло чем-то едким — верно, перцем, мылом, специями, — от чего, как от дыма, туманилась голова, щипало в глазах, свербило в горле. Ноги у него опять сделались точно ватные.

Потом раздался звон колокольчика. Манолито наконец ушел.

Перевела с испанского В. Спасская

СЕРДЦЕ В РЮКЗАКЕ

Ф. Нафтульев

В городе Лодзи, в крошечном окраинном кинотеатрике нам показали фильм. Цветной, приключенческий, с отличными актерами, с трюковыми съемками, — думали нас порадовать, а, наоборот, огорчили.

Там речь шла о том, что над головами жителей некоей страны начинают сгущаться страшные тучи.

Тучи собираются постепенно, не торопятся, вполне можно успеть спастись. Но люди ленивы и беспечны, не замечают тревожных сигналов, не верят им, —

— Не может быть! — говорят люди. — Подумаешь, птицы раскричались! Подумаешь, убийство! Одно же, а не десять! Десять же, а не сто! Обойдется как-нибудь!

А когда они спохватываются, уже поздно. Беда затопила страну и мир.

Мы брели после сеанса хмурые, помалкивали, думали каждый о своем, — а вокруг, как назло, было весело, даже слишком весело и шумно.

Проехал трамвай, необычайно пестро раскрашенный, и с площадки его кто-то выпалил карнавальной хлопушкой, и даже слепой скрипач, прислонившись к газетной витрине, разудало наигрывал «краковяк».

Парни в спортивных куртках, девушки в джинсах шагали толпой, шумно переговариваясь. Я узнал всю компанию, они только что тоже, как мы, сидели в темном зале, —

— О чем они? — спросил я поэта Сашу Щербакова, единственного, кто в нашей туристской группе понимал по-польски. Было просто интересно, о чем после такого фильма можно кричать на всю улицу.

Саша вслушался:

— Говорят, что еще успеют в кафе на танцы.

Музыка, музыка, из транзисторов, из окон, из подворотен, из-за опущенных жалюзи магазинов, — она и в гостиничном номере, в отеле «Савой», не желала нас отпускать, не давала сосредоточиться, — по всей шкале дешевенького радиоприемника, со всех диапазонов, на всех волнах только самба, твист, ча-ча-ча!

— Ладно, — рессердились мы. — Раз так, будем веселиться тоже.

Собрались в комнате, которая побольше. Пошарили в чемоданах и накрыли стол.

— О ля-ля! — воскликнула, зайдя на огонек, наша переводчица, бесшабашная пани Беата, вынула из целлофана и поставила в стакан пучок червонных маков.

Явился и Богдан, лодзинец, наш здешний гид, и стал вполголоса уточнять программу: куда завтра идем? В театр? На студию? В музей? В музей хорошо, там весьма абстрактная живопись!

Киноартист Олег Белов уже тренькал на гитаре, склонив ухо к струне. Мы знали, что разговаривать теперь нельзя: Олег обидится на неуважение к искусству.

Зато можно выждать, поймать ритм, набрать воздуха в легкие — и грянуть:

«Пошел купаться Веверлей,
Оставив дома Доротею...» —

И так далее, тем же порядком, в том же духе. Когда наши девушки попробовали завести песню посерьезнее, об атлантах у стен Эрмитажа, на них зашикали все, и в первую очередь сам автор, Александр Городницкий. А когда кто-то попросил спеть «Карелию», другой Саша, композитор Колкер, первым протестующе замахал:

— Ну ее, «Карелию»! Лучше что-нибудь, как это? «Умный в гору не пойдет...»

— «Умный гору обойдет!» — подхватили мы.

Мы словно старались задавить, заглушить в себе тревожное чувство, которое осталось после кино и после прогулки по вечернему городу, — и это нам удавалось, ура, нам уже тоже весело, и гори оно всё ясным огнем!

Художник Витя Коровин достал расческу.

— Покрякаем! — провозгласил он. Дунул в зубья, зажмурился и за скрипел мелодию, знакомую нам еще со студенческих вечеринок.

Это была песенка о разбитном солдате, который положил в заплечный мешок и унес с собой девичье сердце. И тогда ему легче стало воевать, потому что у него оказалось два сердца, свое и дареное.

«Шел солдат своей дорогой

Через лес и через поле...» —

наяривал Витя с руладами и фиоритурами. И горластый Толя Силин, режиссер, азартно хлопал в ладоши:

— Ать-два! Ать-два!

Мы не сразу заметили, что случилось.

А случилось вот что: Беата и Богдан встали.

Они встали и запели, и голоса их, неверные вначале, тут же окрепли. Они пели по-своему, по-польски, но мы узнавали слова: «атака», «друге сердце».

— Варшавское восстание, — объяснил Богдан скороговоркой, чтобы не сбиться с такта.

— Что?! — удивились мы. И не сразу, не сию минуту, но поняли.

Есть песни — как бы знамена: «Интернационал», «Молодая гвардия», «Марсельеза». И есть как бы флажки рядом с главным знаменем: у санкюлотов Парижа — озорная, почти плясовая «А са ира, са ира, са ира», у чапаевцев — «Черный ворон» и «Яблочко», у комсомольцев-корчагинцев — «Сергей-поп, Сергей-поп»...

Но кто из нас подозревал, что вот таким песенным флажком, младшей сестрой «Варшавянки» была именно эта, немудреная, о солдате и сердце?

Ее, оказывается, насвистывали вместо пароля — в дни, когда Старое Место пылало и рушилось, и педагог Януш Корчак шел на казнь со своими детьми, и партизаны из гетто крались по подземным каналам.

А солдат, о котором пелось, уже пробивался с Востока, рядом с советскими братьями, может быть, на том самом танке, на «рыжем», вместе с тремя товарищами и верным псом, и было ему больно оттого, что до Вислы еще далеко, но он шутил и смеялся, потому что сердце любимой, сердце родины билось в его рюкзаке.

Сколько лет с той поры прошло? Варшава давно отстроена, и выросло новое поколение, которое знать не знает войны.

Но Беата с Богданом стояли и пели. Они были сегодня как раз в возрасте тех, кто с трофейным автоматом залегал в развалинах и в камерах жуткой тюрьмы «Павиак» писал на стенах: «Все равно победим!»

И они не забыли из песни отцов ни слова.

На следующее утро Богдан повел меня в магазин музыкальных товаров.

— Дзень добрый, кохана, — сказал он девушке за прилавком. И попросил найти «Песни солдат войска Польского».

Теперь, дома, в Ленинграде, выключив приемник после радиоизвестий, я иногда слушаю эту пластинку. «Ведь в своем походном ранце сердце он имел второе...» — поет мощный хор.

Да, жаль мне, что в тот далекий уже вечер я был раздосадован весельем города Лодзи. Если люди улыбаются и танцуют, — это еще не значит, что остальное их не касается.

И я вспоминаю другой город, древний Краков — каким он бывает в то мгновение, когда с высоченного Марианского костела раздается звук трубы.

Об этой трубе уже много написано. Но я все-таки расскажу еще раз: давным-давно, во времена вражеского нашествия, трубач на башне за сигнализировал тревогу — и не доиграл до конца, пронзенный стрелой. С тех пор каждую ночь звучит над Краковом этот сигнал, в память о трубаче, и каждый раз обрывается на том же самом месте. И разные люди на секунду забывают о своих разных делах. Поднимают голову, слушают. И лица их такие же, как у Беаты и Богдана в гостинице «Савой», когда пели они о солдате и сердце.

А у вечных огоньков, у памятных досок, которых так много на улицах польских городов, — «здесь нацисты расстреляли десять повстанцев», «здесь — пятнадцать» — стоят, вытянувшись в карауле, маленькие строгие харцеры.

Чье-то сердце о - бор - ва - лось, —
 Так лю-бить о - чо хо - те - ло;
 на - ли - лось о - но тос - ко - ю
 и за вой - ском до - ле - те - ло.
 Припев:
 Для те - бя, мо - я род - на - я, Э - та
 пе - сен - ка про - ста - я. Ты влюб - лен - но -
 - е быть мо - жет, по - те - ря - я серд - це та же,
 и те - перь от - бо - я к бо - ю я но -
 шу е - го с се - бо - ю, — для те - бя, мо -
 - я род - на - я, Э - та пе - сен - ка про - ста - я!

**Чье-то сердце оборвалось, —
 Так любить оно хотело;
 Налилось оно тоскою
 И за войском полетело.**

**Припев:
 Для тебя, моя родная,
 Эта песенка простая.
 Ты влюбленное, быть может,
 Потеряла сердце тоже,
 И теперь от боя к бою
 Я ношу его с собою, —
 Для тебя, моя родная,
 Эта песенка простая!**

**Шел солдат войне навстречу,
 Сердце бедное заметил,
 Взял его в заплечный ранец
 И пошел сквозь дождь и ветер.**

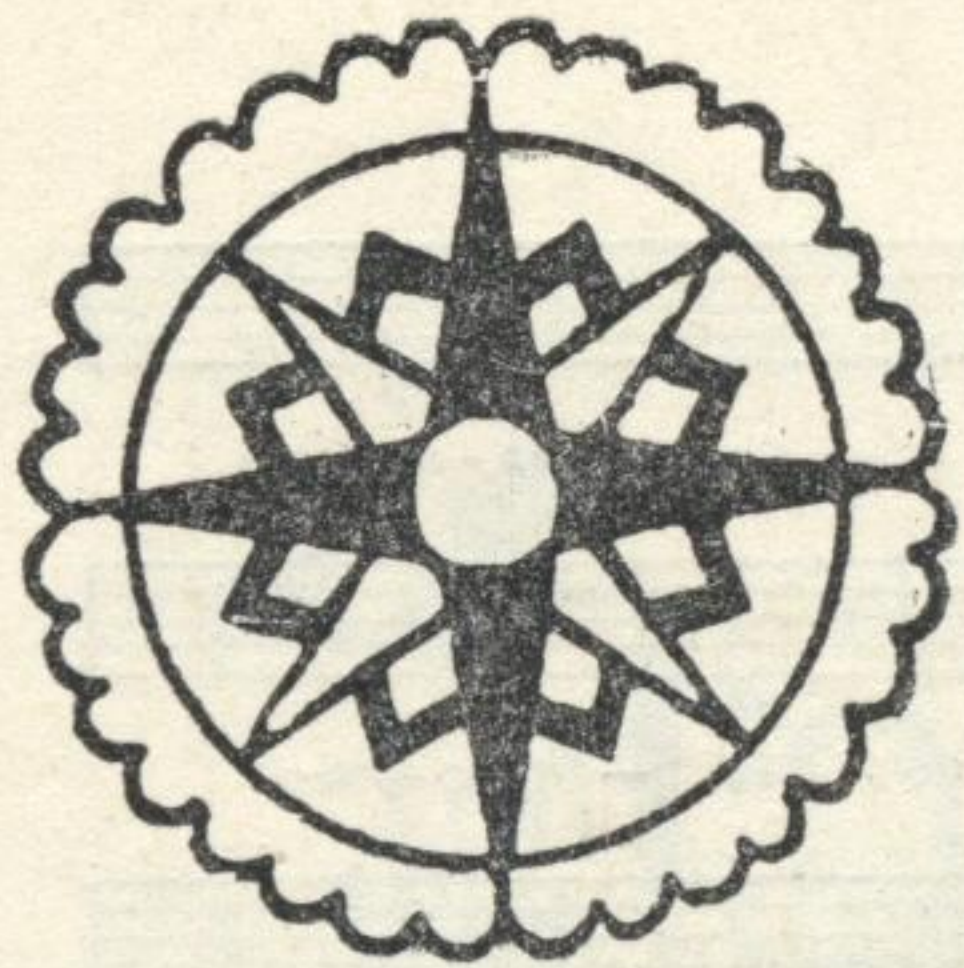
**Припев.
 Шел солдат своей дорогой
 Через лес и через поле.
 Часто был со смертью рядом,
 У солдат такая доля.**

**Припев.
 Но солдат всегда смеялся,
 Смело шел он в пламя боя, —
 Ведь в своем походном ранце
 Сердце он имел второе.**

Припев.

Слова и музыка
 Михаила Зелинского

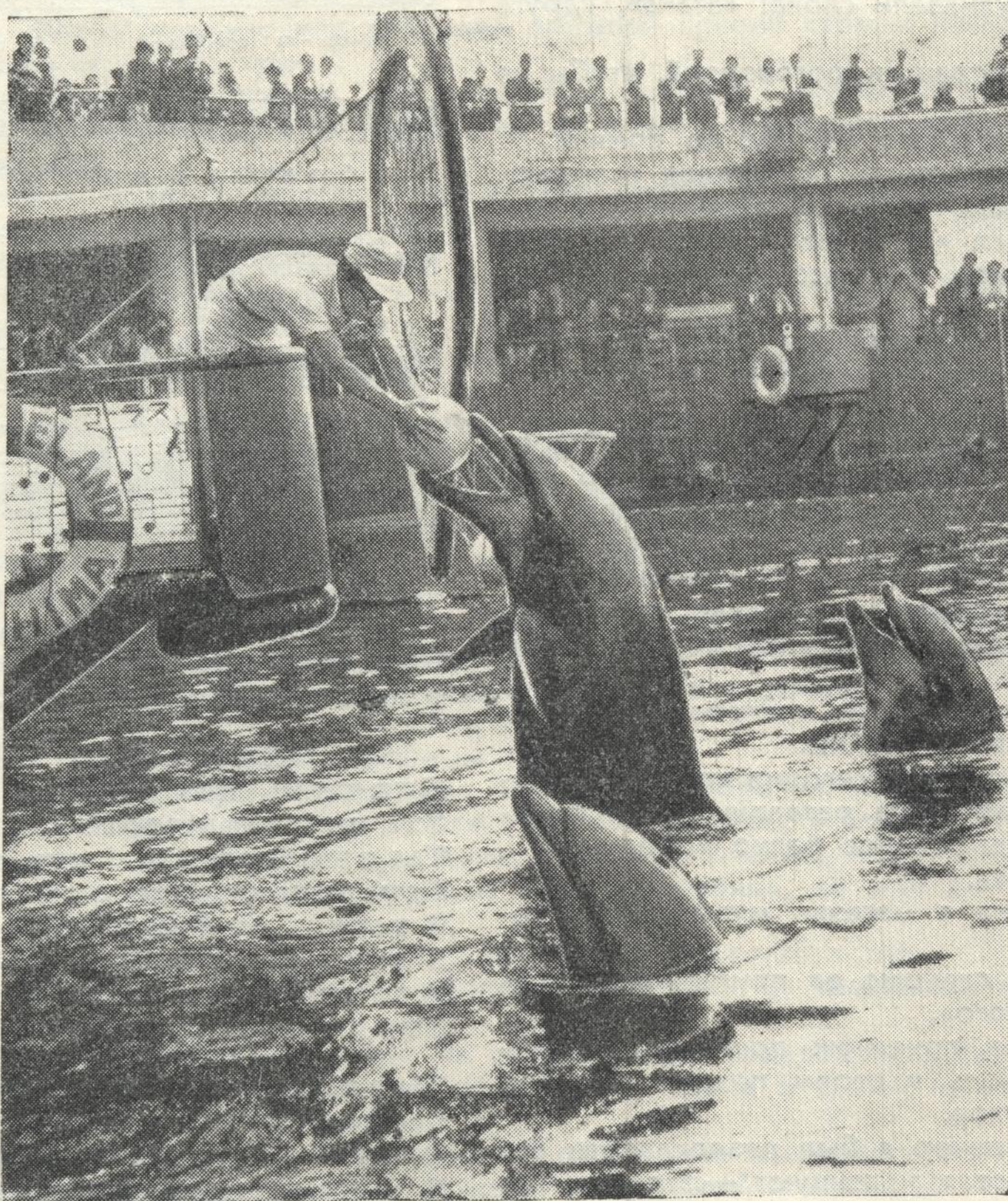
Перевод Евг. Долматовского

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Год издания двенадцатый

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарничи

К нам в редакцию приехал гость из Владивостока — фотокорреспондент Юрий Яковлевич Муравин.

— Юрий Яковлевич, вот вы живете на берегу моря, рядом с океаном. Вам часто приходится плавать на кораблях?

— Часто. Ведь я корреспондент ТАСС по всему Дальнему Востоку. А Дальний Во-

сток — это необозримое побережье, десятки портов, тысячи островов. Приходится много ездить, летать и, конечно, плавать. Бывает, только вернешься с Камчатки, посылают на Сахалин. Приедешь туда, а там телеграмма — собирайтесь в Японию...

— Трудно!

— Зато интересно. Ведь

Дальний Восток — край несметных богатств и разнообразной природы. Только здесь фотограф может снять действующий вулкан, кита в бухте, водолаза, который собирает на дне трепангов.

— Были в последнее время интересные поездки?

— Да, ездил в Южнокурильск к китобоям, на остров Тюлений, в Японию.

— Пойдите, почему Тюлений — много тюленей там, что ли?

— Не простых, а котиков. В мире сохранилось всего три стада котиков — очень ценных морских зверей. И вот одно из них обитает на острове Тюленьем. Оно охраняется государством. Попасть на остров может только человек, имеющий специальное разрешение. Остров пустынный, людям там неважно, зато котикам — раздолье.

— А этот снимок сделан в Японии?

— Да, я сделал его в дельфинарии — цирке, где выступают дрессированные дельфины. Они там и играют в баскетбол, и прыгают через горящий обруч, и берут из рук у человека рыбу...

— А у китобоев вы что делали?

— Ходил с ними за кашалотами, писал книжку. Для ребят. Мы писали ее вместе с дальневосточным писателем Демидовым. Она уже вышла. Называется «Океан, киты и Серега». В ней тоже много фотографий.

— А сейчас вы куда?

— Назад, на Тихий океан.

— Снимать?

— А как же!

— Удивительных вам кадров!

„Сашка сильнее Сережки; Сережка сильнее Володьки. Володька побил однажды Федьку. Но вообще-то Федька, хоть мал, да напорист, не боится и больших. А Лешка... О, Лешка может заложить правую руку за пояс и побить всех их одной левой!“

„Чарли сильнее Микки; Микки сильнее Джима; Джим здорово отделал однажды Билла. Но Билл — увалень, а если его разозлить...“

„Франсуа сильнее Жан-Поля; Жан-Поль сильнее...“

И так всюду, по всей пестрой Земле. Такие звучат деловые разговоры. Разве что найдется клочок Земли, на котором не живут мальчишки. Конечно, с годами мальчишки превращаются во что-то старшее, и к ним приходит умение улаживать свои дела другими способами. Но тот, кто был в детстве настоящим мальчиком, тот вырастет настоящим мужчиной и любовь к честному, мужественному, красивому кулачному бою сохранит навсегда.

„Паттерсон сильнее Юханссона; Листон побьет Паттерсона; Рокки Марчиано победил бы их всех...“

Но есть человек, способный победить любого противника, кто бы из силачей Земли ни вышел против него на боксерский ринг. Человек этот сложен и многолик, но зовут его чаще всего просто

КАССИУС

Кассиус-чемпион

Несколько лет тому назад, летним днем в Луисвиле (это город на юге США) к постовому полицейскому подошел крупного сложения темнокожий мальчик и громко пожаловался, что кто-то стащил его велосипед. Полицейский, усмехаясь, дал мальчугану добрый

совет — взять несколько уроков бокса на случай, если вор все же найдется. Неизвестно, нашел ли юный Кассиус Марцелиус Клей велосипед, известно лишь, что он феноменально выиграл 100 боев из 108 и в 1960 году в возрасте восемнадцати лет завоевал золотые перчатки олимпийского чемпиона.

После Римской победы журналисты объявили Клея сенсацией на тусклом фоне современного бокса. Они описывали его таким парнем «своим в доску», чемпионом, который сочувственно пожимает руки своим поверженным противникам и похлопывает их по плечу. «Если бы состоялись такие выборы, — писали тогда, — Клея непременно избрали бы мэром Олимпийской деревни».

Уже в конце лета 1960 года Клей стал профессионалом. Профессиональный бокс, с его многораундовыми боями, требует от спортсмена не только высшего мастерства, но и сверхчеловеческой выносливости.

Спустя три с половиной года Клей был уже абсолютным чемпионом в тяжелом весе среди профессионалов.

Вот один из его излюбленных приемов. Он предсказывает, в каком раунде падет его очередной противник. Его предсказания сбываются в девяти случаях из десяти. И в этом нет никакого чуда. Все дело в огромном запасе воли и мужества, дающем Кассиусу столь большое превосходство над многими выдающимися боксерами, что он может уверенно нокаутировать почти любого из них, когда захочет.

«Арчи Мур свалится в четвертом раунде», — говорил он. «Возможно, если я споткнусь о твое валяющееся тело», — ответил Мур. Он был нокаутирован Клеем в четвертом раунде. Чарли Пауэлл при тех же обстоятельствах выбыл в третьем раунде. Только Дуг Джонс, вопреки предсказаниям Клея, выстоял все десять раундов, хотя и проиграл по очкам. По этому поводу Клей спокойно сказал репортерам: «Пусть мои болельщики меня простят. Скажите, что я старался, как мог... А если они думают, что действительно могу все, что говорю, то они еще ненормальнее, чем я».

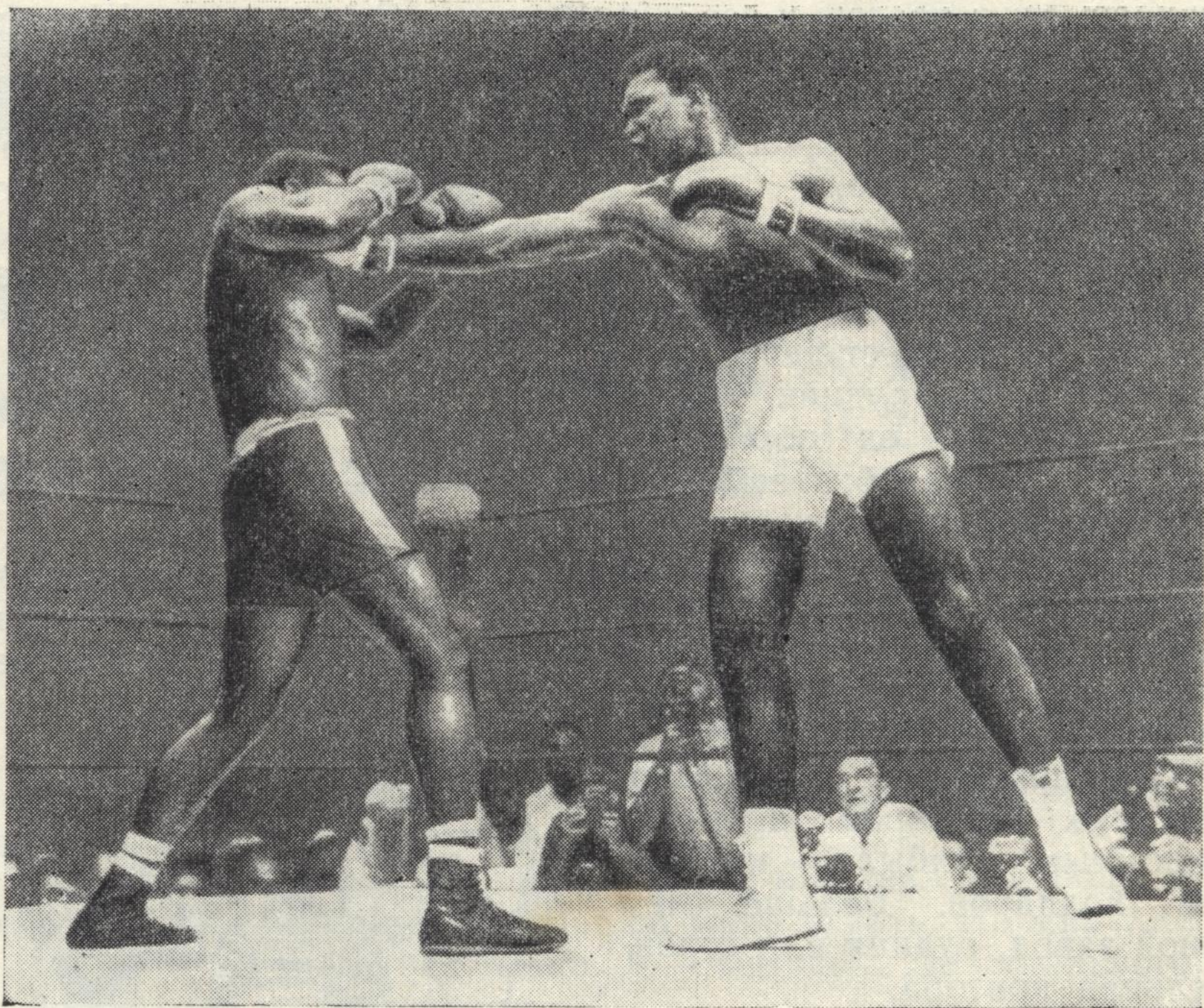
Чтобы поднять интерес у зрителей к боксу, Клей бесстрашно играет с противником на ринге: часто опускает руки, оставляет голову незащищенной.

Билеты на матчи профессиональных боксеров стоят дорого, это развлечение не для бедняков. Клей хорошо знает «свою» публику и относится к ней с холодным презрением. Он говорит: «Когда я один или со своими близкими, мне нет смысла кричать. Но если меня есть кому услышать, я стараюсь воевать. Кем бы я был, если бы не заставлял публику постоянно обращать на себя вни-

Мание? Был бы я бедняком где-нибудь в Луисвиле, мыл бы окна или работал бы на элеваторе, твердил бы «да, сэр — нет, сэр» и «знал бы свое место».

Кассиус-бахвал

Этот рассказ,
ни на что не похожий,
о человеке
с прекрасной кожей,
который не прочь
поболтать о своих
слепящих ударах
и скорости их.

Наш бокс умирал,
и молились дельцы
в слезах, чтоб он вовсе
не отдал концы,
чтоб справился бокс
с многолетним удушьем.
Чтоб страшен был
новый боксер предыдущим.

Был Паттерсон сучен,
хоть был мускулист он.
Не лучше его
коронованный Листон.
Но «Свергну его
и других королей!» —
промолвил
Марцелиус Кассиус Клей.

Пред ним устоять
не способен никто.
За боем следящему
кажется, что
с противником он
в кошки-мышки сучает.

А после вообще
всякий свет выключает.
Все зрители скоро узнают,
что он
и в весе, и в веке своем
чемпион!

(Перевод И. Бродского)

Эти стихи, восхваляющие Марцелиуса Кассиуса Клея, написал Марцелиус Кассиус Клей.

Есть такое понятие — «аутогенная тренировка». Все современные специалисты по спортивной психологии рекомендуют спортсменам перед ответственными поединками проводить своеобразную гимнастику воли. Например, лечь на диван, расслабиться и сто раз повторить про себя: «Я сильнее своего противника и обязательно должен его победить». Так тренирует свою спортивную волю к победе и Кассиус. Только делает он это во всеуслышание. Все саморекламные стихи, самоуверенные заявления, самоуверждающие ответы репорте-

рам — может быть, это единственный способ укрепить веру спортсмена в себя, когда толпы болельщиков только и ждут поражения «этого черномазого».

Кассиус-предприятие

В той стране, где он живет, для того, чтобы быть свободным и независимым, мало иметь крепкие кулаки и громкую славу.

Нужны еще деньги. Очень много.

Клей говорит о зрителях-толстосумах: «Я люблю, когда они меня не любят. Чем больше у меня врагов, тем больше людей ходят на мои матчи. Когда я выиграл у Дуга Джонса, зрители не знали, что делать. Они визжали и старались дотянуться до меня, пока я шел с ринга. И я заорал в ответ, чтобы они все заткнулись, а всю дорогу до раздевалки думал про себя: «Кассиус, ты молодец. Кассиус, ты

молодец. У тебя сегодня появилась куча врагов, и все они захотят увидеть, как тебя побьют, и обязательно придут в следующий раз. А тогда билеты будут дороже...»

Если золотоискатель в Америке открывает где-нибудь в горной глуши месторождение золота, но не имеет денег, чтобы построить рудник и нанять рабочих, он обращается к дельцам-бизнесменам. Эти миллионеры объединяются в общество-синдикат. Дают деньги на строительство и наем рабочих, зато потом почти все прибыли поступают к ним.

Выступления профессиональных боксеров приносят огромные прибыли — миллионы долларов. Больше, чем иной завод, рудник или строительная контора.

Но и на организацию выступлений нужны немалые деньги — нанять большой зал, организовать рекламу, оплачивать поездки, работу тренеров, массажистов, врачей.

Одиннадцать миллионеров организовали синдикат по эксплуатации спортивного дарования Кассиуса Клея. За это они получают значительную часть его трудных заработков.

Но по-настоящему львиную долю заработков Кассиуса за-

бирает в виде налогов правительство Соединенных Штатов. Денег, которые поступают в американскую казну в качестве доходов от выступлений Клея на ринге, хватает на постройку трех реактивных бомбардировщиков или на выплату жалованья двумстам тысячам солдат ежегодно.

Кассиус не Кассиус

Клей примкнул к негритянской организации «Черные мусульмане». Это организа-

ция людей, готовых, если понадобится, с оружием в руках добиться независимости и равноправия чернокожих американцев. Вступающие в братство черных мусульман в знак протеста против американских порядков отказываются от привычной для американцев христианской религии и даже от своего прежнего христианского имени. Так Марцелиус Кассиус Клей стал Мохаммедом Али.

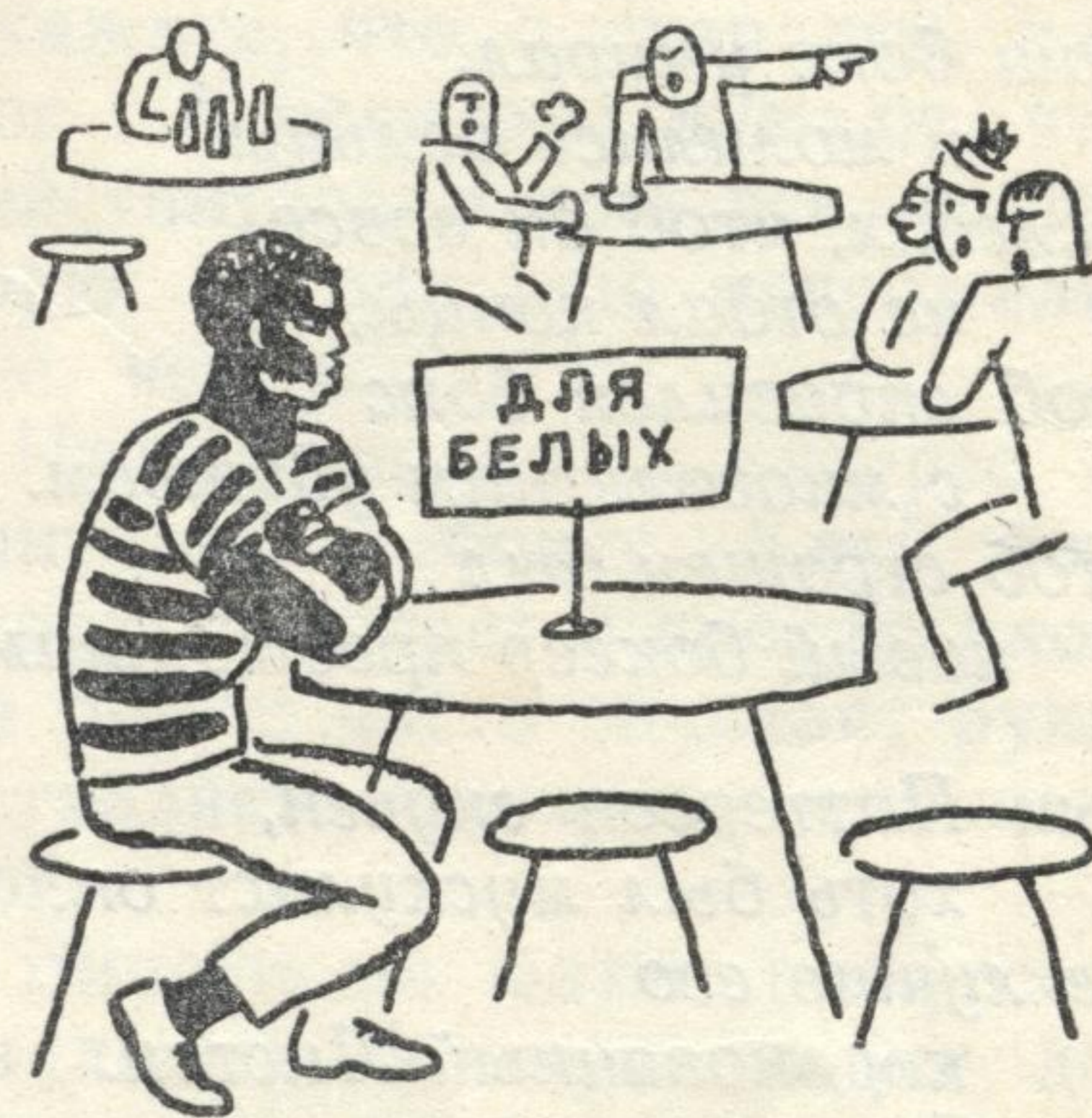
Кассиус за справедливость

Клей говорит: «Я хочу мира и не нахожу мира в этом смешанном обществе. Мне нравится быть черным, мне нравится быть со своим народом».

Отношение к Клею в «белой» Америке все ухудшается. Еще бы! Негр гордится цветом своей кожи, своими личными достижениями и достижениями своего народа! Он отказывается «знать свое место», как это делали другие черные чемпионы!

К тому же Клей отказывается воевать во Вьетнаме! Он говорит: «Я ничего не имею против Вьет-Конга». До сих пор американское правительство не очень-то старалось упечь Кассиуса в армию, хотя он по возрасту должен был бы отправиться во Вьетнам. Ведь Клей на ринге — это 200 тысяч солдат на фронте. Но выступления Клея против вьетнамской войны и бесправия негров стали в последнее время так остры и опасны, что правительство Соединенных Штатов отказалось от нескольких лишних миллионов, чтобы только избавиться от этого задиристого гиганта, к голосу которого все внимательнее прислушивается мир.

Американский суд уже отправил Кассиуса в тюрьму.

Запретили профессионального бокса уже лишили его чемпионского титула.

Борьба за свободу и достоинство сильнейшего в мире боксера продолжается.

Н. Мохова

Л. Сергеев

РАССКАЗ

Рисунок М. Беломлинского

Когда я был мальчишкой, я очень хорошо играл в шашки. В нашей семье я был чемпионом. Я играл в шашки с мамой, с папой, с бабушкой, с младшим братом Толькой и с соседкой тетей Викой.

Больше всего я любил играть с бабушкой. С бабушкой у нас был счет 97 : 1 в мою пользу. Шутка сказать! Я выиграл у бабушки 97 партий! И только одну проиграл. И то случайно.

Обычно бабушка не успевала сделать и десяти ходов, а я уже ставил дамку. И тут начиналось самое интересное! Моя дамка начинала щелкать бабушкины шашки, как орехи! Одну за другой! Бабушка то снимала, то надевала очки! После игры с бабушкой у меня всегда было прекрасное настроение. Весь день я ходил и насвистывал и всем давал разные советы. С бабушкой было очень приятно играть.

Вообще-то я любил играть со всеми, кроме папы. Папа у меня выигрывал. Папа никому не разрешал подсказывать мне и не давал ходы обратно. Поэтому я и не любил с ним играть. И ужасно злился, когда проигрывал. Однажды он выиграл у меня пять партий подряд, так я не разговаривал с ним целую неделю. Зато, когда потом вдруг я выиграл у папы, сразу сказал:

— Все! Больше не играю! Я чемпион!

— Это нечестно, — сказал папа. — У нас турнир из пяти партий. А ты две проиграл и одну выиграл. Давай играть еще.

— Ничего не знаю! — сказал я. — Последнюю партию я у тебя выиграл, значит, я чемпион. Последняя партия самая главная!

— Ничего подобного! — возмутился папа. —

Чепуха! Почему это последняя — самая главная?!

Папа стал горячиться и сказал, что больше вообще не будет со мной играть. Но мне уже было все равно. Я — чемпион. До остального мне дела нет.

Теперь я играл только с мамой, с бабушкой, с Толькой и с тетей Викой. Среди них я был абсолютным чемпионом.

Однажды мама принесла из библиотеки книжку «Игра в шашки» и сказала:

— Давайте прочитаем эту книжку и все научимся играть по-настоящему хорошо.

Я засмеялся:

— Научимся! Это ведь вам надо учиться. А мне-то зачем? Я и так чемпион! Учитесь, а потом я дам вам всем сеанс одновременной игры!

Мама, Толька и тетя Вика начали читать книгу. Изучали разные комбинации и ходы. А я ходил и посмеивался.

Но через две недели я заметил, что мне становится все труднее у них выигрывать. Все чаще ничьи. А потом вдруг и мама, и Толька, и тетя Вика стали у меня выигрывать. И мне стало с ними скучно играть. Я решил бросить играть вообще, чтобы не портить себе настроение. Я продолжал сражаться только с бабушкой. Бабушку-то я громил по-прежнему. Я разбивал бабушку в пух и прах.

Как-то я сказал Тольке:

— Я выиграл у бабушки уже больше ста партий! Я могу выиграть у нее с закрытыми глазами!

И Толька вдруг сказал:

— Бабушка играет лучше папы! Она нарочно тебе поддается! Она говорит, что ты такой обидчивый мальчик.

МОШКА ОСТАЕТСЯ В ЖИВЫХ

А. Батюев

...Даже те, кто искренне любит животных, часто оказываются в роли их врагов. Каждое лето сердобольные люди, найдя где-нибудь в парке или в лесу птенцов-слетков, пытаются им помочь. С их точки зрения, раз птенчик потерял своих родителей, его надо спасать любой ценой. И вот, не замечая тревожных голосов, следящих за «операцией» родителей, они ловят птенца и несут его домой. А дальше финал один — птенец погибает.

Вспоминается такой случай. Поздно вечером мне звонят мои друзья. Их соседи принесли птенца. Иду. Молодая девушка, инженер-химик, пожалела дрозденка, «потерявшего родителей», и привезла его домой. Передо мной в коробочке сидит слеток серой мухоловки. «Зачем вы его взяли?» — невольно вырывается у меня. Но девушка даже не подозревает своего невежества и с достоинством говорит: «Я отдаю его вам только потому, что завтра уезжаю в командировку, а то бы я сама его выкормила, я уже сварила ему манную кашу!» Завязывая коробочку с птенцом, я невольно подумал: мне бы эту неколебимую уверенность! Я-то знал, что значит выкормить мухоловку, но объяснить не стал, бесполезно.

Мой новый воспитанник сыграл со мной пренеприятную шутку. Попал он ко мне ночью. У меня нашлось немного мучных червей, и с великими труд-

ностями я его накормил. Мухолов был уже такой большой, что боялся человека, есть не просил и каждый раз приходилось открывать ему клюв насильно. С утра я стал обзванивать всех заготовителей муравьиных яиц, так как это — лучший корм для такой нежной насекомоядной птички, как мухоловка. Ни у кого не нашлось ценного корма. Оставалась надежда, что привезет один заготовитель, который поехал в лес.

За неимением муравьиного яйца я весь день кормил птенца вареным, куриным. Только в одиннадцать часов вечера мне привезли свежее муравьиное яйцо, но птенец уже спал. Я решил не будить его и покормить часа в два ночи, перед тем, как ложиться спать самому.

Мухолов Мошка сидел между окон. Это был маленький, серый с пестринками шарик. Во сне он слегка покачивался. Около двух часов ночи он вдруг проснулся и у него началась агония: он упал, неестественно сведя крылья и вытянув ноги.

Я попытался посадить его, но он не мог держаться на лапках, так как они были сжаты в кулачки. Глаза у него закатились, он перевернулся на спину и затих. Я знаю, что, умирая, птицы переворачиваются на спину: по-видимому, в этом положении они впадают в забытие скорее, и эта поза облегчает им страдания. Даже дня мухолов не смог выжить на таком грубом корме, как куриное яйцо, а его

собирались выкормить манной кашей!

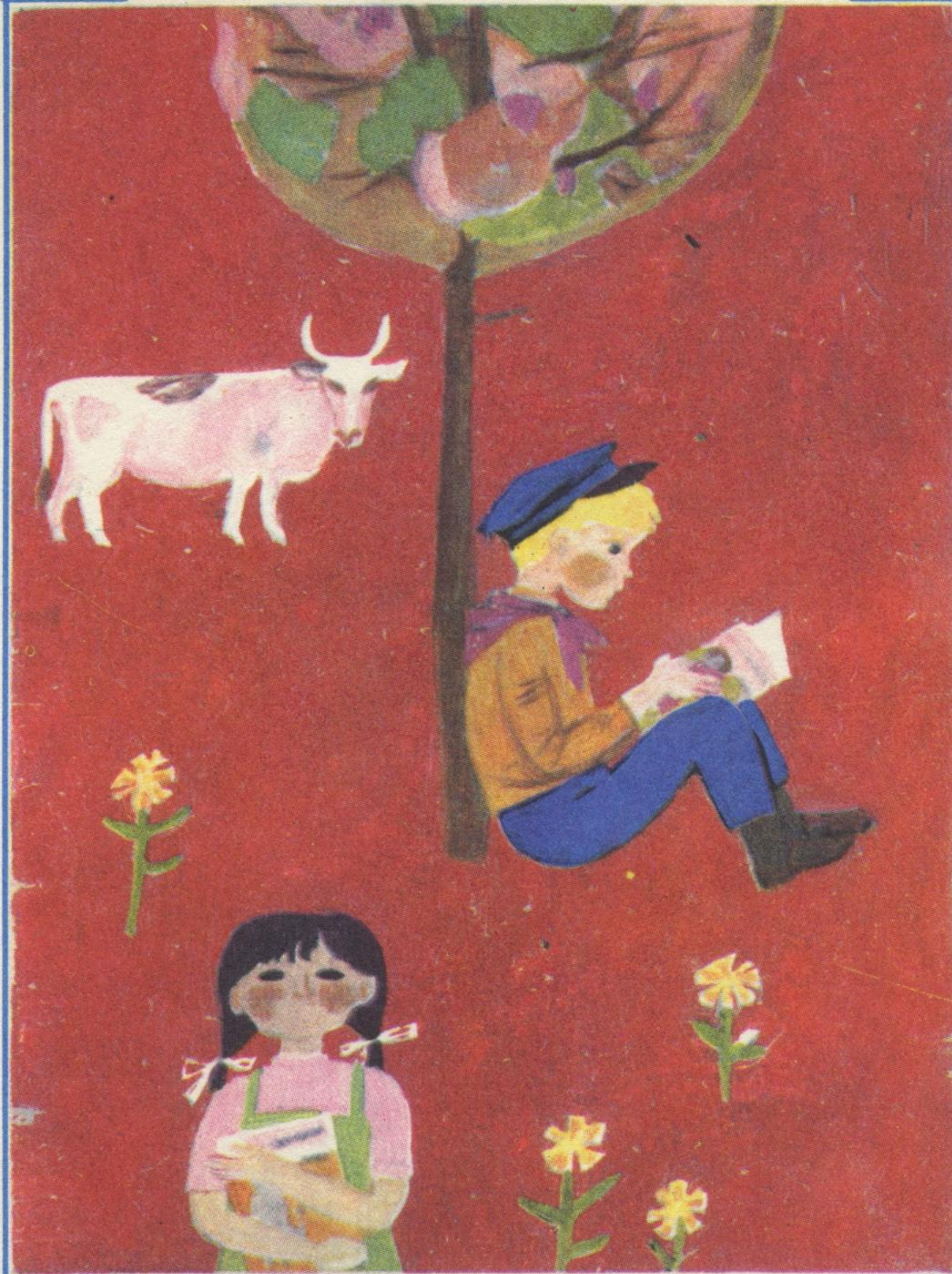
Я уже готов был смириться с его гибелью, как вдруг вспомнил, что у меня есть пенициллин. «Мы еще поборемся за Мошку!», — поспешно открываю клюв и вталкиваю глубоко в глотку порцию муравьиных яиц, впрыскиваю пипеткой пенициллин и вижу, что птенец проглотил. Это воодушевляет меня. Через каждые 10 минут я осторожно, на спичке всовывал в клюв все новые и новые порции муравьиных яиц, и Мошка их съедал.

Проходит час, второй, я снова впрыскиваю пенициллин и — о радость, — птенчик стоит на ногах. Но я еще не верю, что смерть отступила.

Мучительно хочется спать, невозможно сидеть. Я встаю и с Мошкой в руке вышагиваю по комнате. Через каждые 10 минут останавливаюсь и предлагаю подопечному очередную порцию муравьиного яйца.

Пять часов утра! Мошка нормально сидит. В шестом часу ложусь спать, а в 10 утра опять на ногах. Мошка пронзительно цвиркает, прося есть.

Через две недели, когда Мошка вырос и стал летать, я отвез его в лес и выпустил. Он опять вернулся в родную стихию, откуда его вырвало сердобольное невежество, и вы видите, что это чуть-чуть не стоило ему жизни.

Уголёк

1968
№№ 7—12

ДОЖДЬ

— Послушай, папа, что всю ночь
гремело за моим окном?
— Сынок, садовникам помочь
явились молния и гром.
Чтоб зрели груши и айва,
цвели цветы, росла трава,

всю ночь над спящею страной
трудился ливень проливной.
Поутру луг дождем залит,
воды в канавах через край.
Веселый дождик нам сулит
богатый урожай!

Борис Паунов

Это болгарские ребята
в народных костюмах

Учительница Райна,
героиня борьбы за свободу Болгарии

БУМАЖНЫЕ КОРАБЛИКИ

Как на пруду однажды,
Однажды летним днем
Погиб мой флот бумажный
Под проливным дождем.

Ужасное несчастье —
Все корабли на дне!
Но кончилось несчастье,
И солнце вновь в окне.

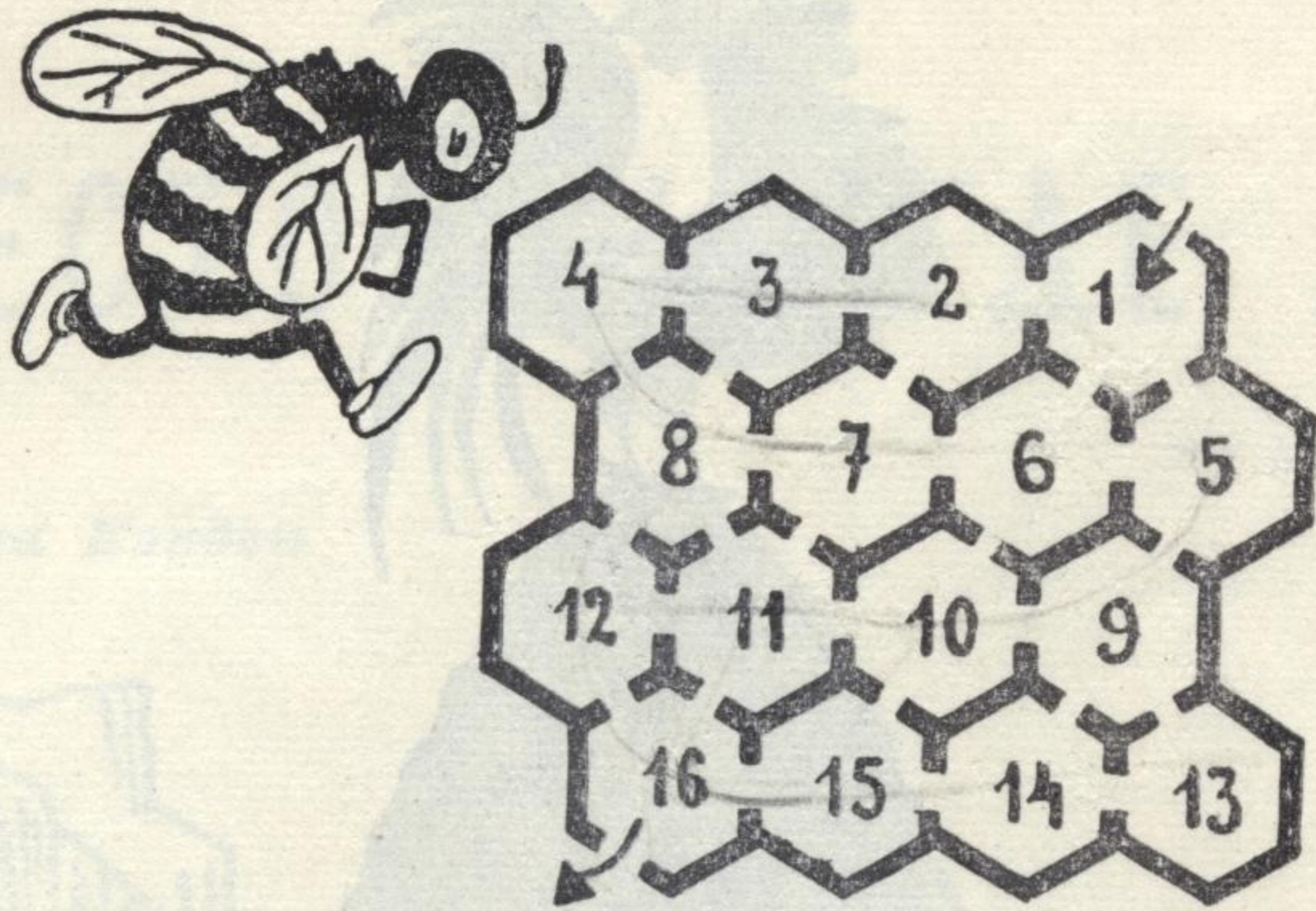
Под перезвонь капель
Скорей на пруд бегу.
Гляжу: лягушка в шляпе
Сидит на берегу!

На той лягушке важной
Не кепка, не берет —
Кораблик мой бумажный
Чуть набекрень надет.

Лиляна Даскалова

А это болгарские ребята
в пионерской форме

Как пчеле наполнить медом все соты, не заходя дважды в одну и ту же ячейку?

Все рисунки в этом выпуске «Уголька» нарисованы художниками из болгарского журнала «Дружинка».

Стихи перевел М. Еремин.

8

В гостях у „Уголька“ журнал болгарских ребят „Дружинка“.

1

Те лепят бабу, эти
из снега строят дом.
Те просто с горки катят
огромный снежный ком.

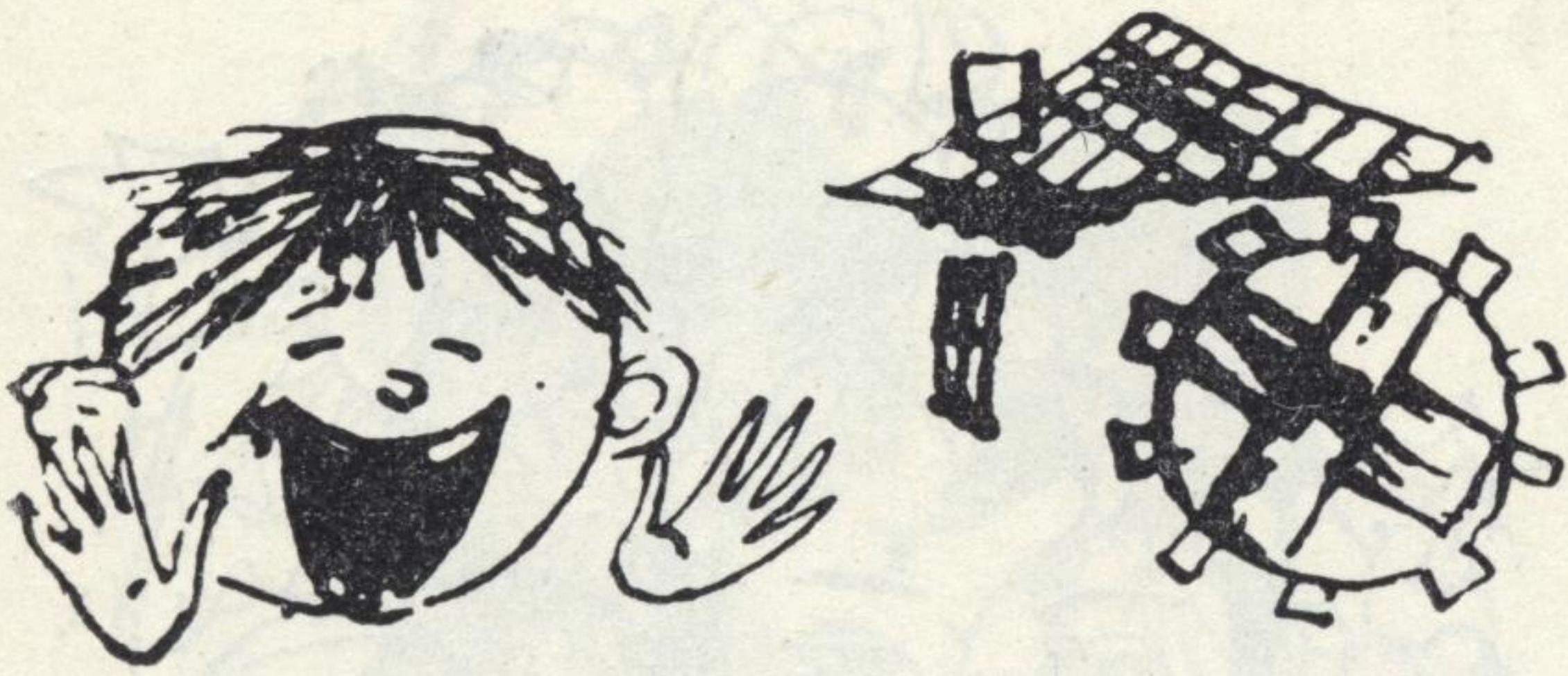
4

Связав саней десяток,
лétят с горы стрелой.
Не трусь!
Держись покрепче!
Эй, на пути не стой!
Соседский Шарик носится
с лаем по двору,
как будто Шарик просится,
чтоб приняли в игру.

Мария Георгиева

5

БОЛТУН

Ты поменьше бы болтал,
лучше мельницей бы стал!
Все зерно из ближних сел
языком бы ты смолол!

Цветан Ангелов

НАШ ПЕТУШОК

Ты идешь ко мне, хромая.
Снова дрался у сарая?
Не проходит дня без ссоры.
Ты без перьев будешь
скоро.

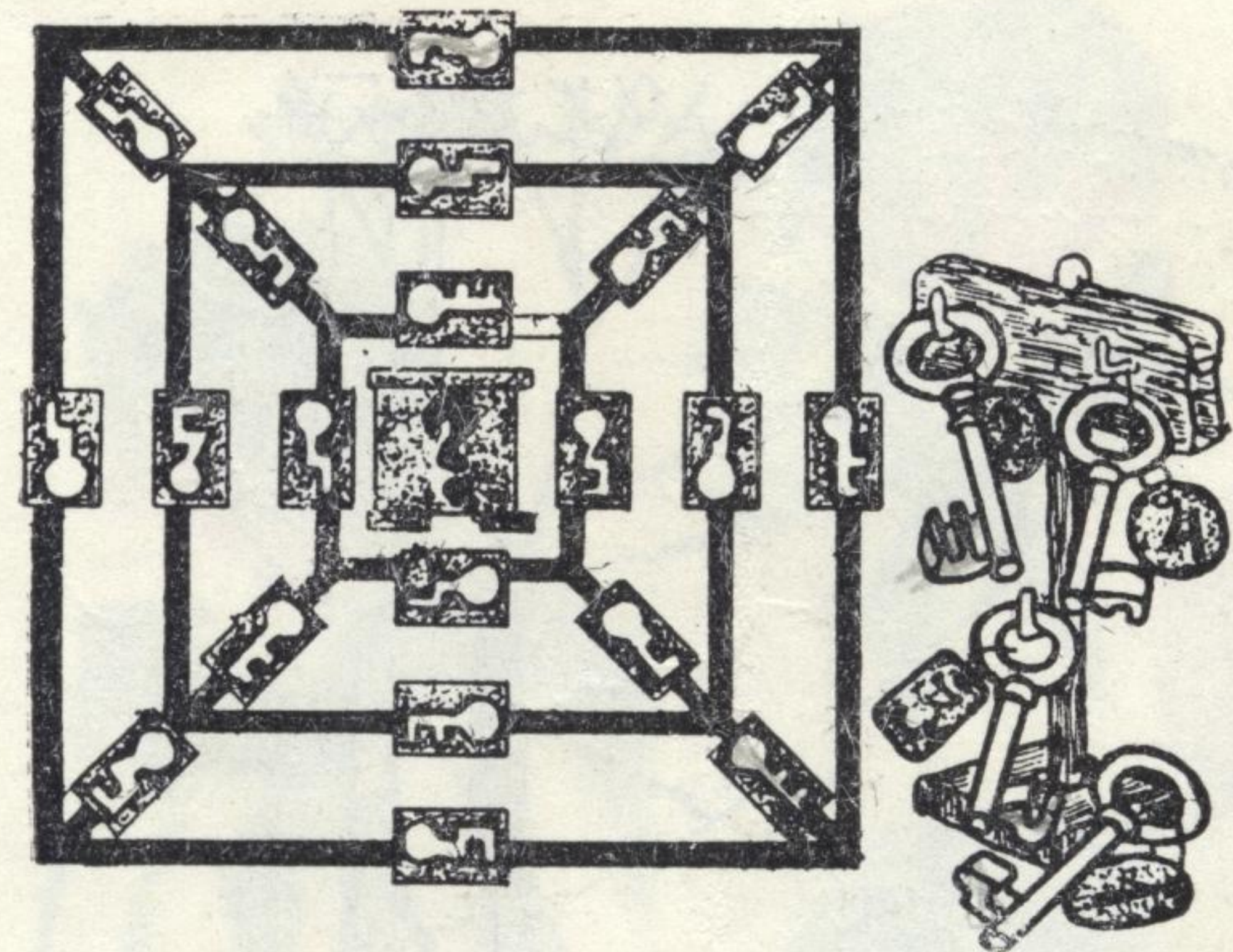
Ты исклеван и побит.
Крылья смяты. Хвост висит.
Образумься, петушок!
Пожалей свой гребешок,
Масляну головушку,
Шелкову бородушку.

Луко Захариев

Я встречаю бабушку
У дверей.
Дай свою кошелку мне,
Бабушка, скорей!
Понесу тяжелую
Всем на удивленье.
Ведь в кошелке... груши —
Просто объеденье!

Ненчо Савов

Подберите ключи к скважинам

НА ГОРКЕ

Засыпанные снегом
и заспанные ели
вполголоса судачат
про стужу и метели.
По воздуху снежинки
пушистые летят.
В погожий день на горке
полным-полно ребят.

РЕСТОРАН, ГДЕ МНОГО ЗАКАЗОВ

СКАЗКА

Миядзава Кэндзи

Рисунки К. Савкевич

Миядзава Кэндзи один из наиболее любимых писателей японской детворы. В Японии есть даже куклы «Кэндзи кокэси». Произведения Миядзава Кэндзи вошли в фонд японской классики. Особенно популярен сборник сказок «Тюмон-но-ои-рёритэн», то есть «Ресторан, где много заказов», так это звучит по-русски. Название сборнику дала сказка о двух глупых жадных господах. Автор смеется над ними, но ирония его ненавязчива, приглушена. В этой сказке, как и во всем творчестве Миядзава Кэндзи, очень своеобразно переплетение реального и волшебного. Спокойный будничный рассказ о заблудившихся охотниках незаметно переходит в фантастический план.

Однажды по горной тропе под шум листвы шагали два молодых джентльмена. Одетые на манер английских вояк, со сверкающими ружьями на плечах, они вели на поводке двух огромных собак, похожих на белых медведей.

— Странные эти горы, — заметил один. — Их ни зверь, ни птица, ни одна живая тварь не выносит. Правда, мне-то все равно, я мечтаю лишь об одном: поскорее пальнуть из ружья.

— Да, всадить пару пуль в желтое оленье брюхо — это приятно. Как закрутится, завертится, а потом — хлоп наземь и замрет.

Они уже довольно далеко зашли в горы, так далеко, что даже сопровождавший их егерь остановился в растерянности, не зная, куда идти. Таинственные горы обступали их со всех сторон. И собаки их, похожие на белых медведей, вдруг разом завали жутким низким воем и, давясь предсмертной пеной, замертво пали на землю.

Один из спутников приоткрыл веко своей собаки.

— По правде говоря, — сказал он, — она обошлась мне в две тысячи четыреста иен.

— А я заплатил две тысячи восемьсот иен, — повернувшись к нему, с досадой отозвался другой.

Первый слегка побледнел и пристально посмотрел на товарища.

— Я думаю вернуться.

— Да, я тоже замерз и есть хочу, надо вернуться.

— Ну что ж, давайте кончим на этом. Только на обратном пути неплохо бы зайти в ту вчерашнюю гостиницу: там продавали красных фазанов всего по десять иен за штуку.

— И зайцы там тоже были. Так что в любом случае домой придем с добычей. Ну, так вернемся?

Но трудность-то вся была в том, что они и понятия не имели, в какую сторону нужно идти.

Сильно подул ветер, зашуршала трава, зашелестели листья на ветвях, и заскрипели деревья.

— Ужасно есть хочется. Сосет под ложечкой — прямо сил нет.

— Я тоже еле терплю. Не хочу дальше идти!

— И я дальше не пойду. Черт знает что! Есть хочу!

— Хоть бы чего-нибудь поесть!

Так говорили между собой два джентльмена, стоя посреди высокой шелестящей травы сусуки.

Вдруг, случайно оглянувшись, они увидели позади себя великолепный дом европейского типа. Над входом красовалась вывеска на английском и японском языках:

«Ресторан с европейской кухней «Дикий Кот».

— Вы только взгляните! — воскликнул один из джентльменов. — Как это кстати. Да здесь, я смотрю, цивилизованное место. Войдем?

— Ах, как удивительно — в такой глуши! Но уж во всяком случае, я думаю, чем-нибудь нас здесь покормят.

— Конечно, покормят. Там же написано на вывеске!

— Ну, тогда войдем? А то я от голода еле на ногах держусь.

И они подошли к входной двери. Вход, выложенный белыми изразцами, был поистине великолепен. На стеклянных створках двери, открывающейся по-европейски, сверкала золотом надпись:

«Кто бы вы ни были, добро пожаловать! Чувствуйте себя как дома, не стесняйтесь».

— Ах, как здорово! — обрадовались джентльмены. — Все-таки мир хорошо устроен! Вот мы сегодня намучились за день, зато попали в такое отличное место. Да к тому же, хоть это и ресторан, а угощают, кажется, бесплатно!

— Да-да, очень может быть. Ведь там же написано: «Чувствуйте себя как дома, не стесняйтесь».

Толкнув дверь, джентльмены вошли внутрь. Сразу за порогом начинался коридор. С внутренней стороны стеклянной двери золотыми буквами было написано:

«Нам особенно нравятся молодые и полные господа».

Эти слова еще больше обрадовали джентльменов.

— Мы с вами несомненно понравимся.

— Безусловно. Ведь мы совмещаем в себе оба этих достоинства.

Они быстро прошли по коридору и увидели еще одну дверь, голубого цвета.

— Очень странный все-таки дом. Почему в нем так много дверей?

— В холодных местах и горах всегда так строят.

И только они собрались открыть эту дверь, как заметили наверху надпись желтыми буквами:

«Учтите, у нас всегда много заказов».

— Завалены работой! В такой-то глуши...

— Да-да, подумать только: в Токио даже на главных улицах рестораны всегда свободны.

И они вошли в дверь, на обратной стороне которой прочли:

«Заказов будет очень много, и выполнять их придется по одному, так что уж потерпите, пожалуйста».

— Что все это значит? — недовольно поморщился один из джентльменов.

— Ну, наверное, это значит, что у них слишком много заказов, и поэтому просят извинить их за задержку.

— Пожалуй, так и есть. Эх, поскорей бы добраться до своей комнаты!

— Да, и побыстрее бы сесть за стол.

Но — вот досада! — впереди была еще одна дверь. Возле нее висело зеркало и стояла щетка с длинной ручкой. На двери красными буквами было написано:

«Уважаемые гости, здесь приведите в порядок волосы и стряхните пыль с одежды».

— Вот это правильно, — одобрил один из джентльменов. — А я сначала подумал было, что в такой глуши вряд ли встретишь что-либо приличное.

— Да, в этом доме, я смотрю, соблюдают все правила. Наверное, сюда часто наезжают знатные гости.

Они аккуратно пригладили волосы и почистили ботинки. Но что это? Как только они положили щетку на место, она вдруг стала таять, словно в тумане, и исчезла, а в комнату с шумом ворвался ветер. Удивленно переглянувшись, джентльмены подошли к двери и, с треском распахнув створки, вошли в следующую комнату. И оба при этом подумали, что если они сейчас же не подкрепятся чем-нибудь горячим, с ними вот-вот что-нибудь случится.

Но изнутри на двери была странная надпись:

«Ружья и патроны положите, пожалуйста, сюда».

И тут же они увидели поперек комнаты черный стол.

— И правда, разве прилично есть, не снимая ружья?

— Нет, определенно здесь бывают очень знатные гости.

Они сняли ружья, отстегнули ремни и сложили все это на стол.

И снова перед ними была дверь черного цвета с надписью:

«Снимите, пожалуйста, головные уборы, пальто и обувь».

— Ну что, снимем?

— Ничего не поделаешь, придется. Да, это, конечно, дом для знатных людей.

Они повесили на гвоздь фуражки и плащи, сняли ботинки и торопливо прошли в дверь. На обратной стороне двери было написано:

«Галстучные булавки, запонки, очки, кошельки, а также прочие металлические и острые предметы сложите, пожалуйста, сюда».

Тут же стоял великолепный сейф, покрытый черным лаком, с аккуратно приоткрытой дверцей. И даже ключ торчал.

— А-а, понимаю, — сказал один из джентльменов. — Некоторые блюда здесь готовят с помощью электричества. Вот почему металлические, а тем более острые предметы опасны.

— Наверно, вы правы.

— Да-да, это безусловно так.

Они сняли очки, отстегнули запонки, положили все в сейф и со звоном защелкнули замок.

Впереди они увидели еще одну дверь, перед которой стоял стеклянный кувшин. На двери было написано:

«Намажьте, пожалуйста, лицо, руки и ноги сметаной из кувшина. Мажьте все без остатка».

В кувшине была настоящая сметана!

— Почему написано «намажьте сметаной»?

— Это, я думаю, для того, чтобы защитить кожу, а то, когда на улице очень холодно, а в комнате слишком жарко, кожа может потрескаться. Да, безусловно сюда приезжают очень важные гости. И, кто знает, может быть, мы даже познакомимся с известными личностями!

Джентльмены намазали сметаной лица и руки, потом сняли носки и намазали ноги, и так как после этого в кувшине еще оставалось

немного сметаны, то они тайком друг от друга, притворяясь, будто мажут ею лицо, доели остатки.

Потом торопливо открыли дверь и на обратной стороне прочли:

«Сметаной как следует намазались? А уши не забыли?»

И рядом стоял еще один маленький кувшин со сметаной.

— А ведь верно, — хватился один из джентльменов, — уши-то я не намазал. Еще бы чуть-чуть, и моим ушам не поздоровилось бы. Здешний хозяин и в самом деле все предусмотрел.

— Да-да, продумал каждую мелочь! А пока что ужасно хочется поскорее чего-нибудь съесть. Но что делать — здесь так много коридоров!

На следующей двери было написано:

«Еда уже почти готова. Еще минут пятнадцать, не больше. Обед вот-вот начнется. А пока, не теряя времени, смочите как следует голову духами из этого ведерка».

В ведерке возле двери сверкала и переливалась какая-то жидкость. Джентльмены с громким плеском полили ее друг другу на головы. Однако по запаху духи напоминали уксус.

— От этих духов уксусом несет. Странно, почему это? — спросил один из джентльменов.

— Я думаю, просто ошибка, — отозвался другой. — Наверное, служанка простудилась, плохо соображала, вот и перепутала.

Они открыли дверь и прошли дальше. За дверью крупными буквами было написано:

«Вам, наверное, уже надоели эти многочисленные заказы. Очень вам сочувствуем. Но теперь уже все. Пожалуйста, возьмите в кувшине соли и, пожалуйста, натолкайте ее побольше себе внутрь».

Действительно, они увидели великолепный голубой фарфоровый кувшин с солью, и тут только, наконец, на их лицах, густо вымазанных сметаной, впервые отразился испуг. Они посмотрели друг на друга.

— Это очень странно.

— И я... тоже нахожу это странным.

— Так, значит... все эти просьбы на дверях и были обещанными заказами!

— И название «ресторан с европейской кухней» означает совсем не то... Здесь гостей не

кормят по-европейски, а... готовят и съедают... З-з-значит и н-н-наас... — заикаясь, выговорил один из джентльменов, задрожав от страха, и больше не смог произнести ни слова.

— И н-н-наас... В-в-в... — вторя ему, затрясся другой.

— Б-бежим... — и первый толкнулся было обратно, но — что это? — дверь и не шевельнулась. На противоположной двери, ведущей в глубь дома, они увидели две большие замочные скважины и резные изображения вилки и ножа серебристого цвета. Тут же была надпись:

«Нет-нет, не волнуйтесь. Все очень хорошо. Ну, входите же».

И, в довершение всего, они заметили, что сквозь замочные скважины на них, не мигая, глядят два изумрудно-зеленых глаза.

— В-в-в... — затрясся один джентльмен.

— В-в-в... — затрясся другой.

И оба заплакали.

Вдруг за дверью послышался шепот:

— Ничего не выйдет! Уже заметили! Соль не хотят брать!

— Ну, конечно, хозяин своей надписью все испортил. Понаписал всякую чушь: «вам надоели эти заказы», «очень вам сочувствуем»...

— А-а, все равно, в конце концов хозяин и нам косточек подкинет.

— Оно, конечно, так, да только если эти типы сюда не войдут, попадет нам.

— Может, позвать? Позовем. Ну-ка, гости дорогие! побыстрее входите! Входите, пожалуйста, милости просим. И тарелки уже помыты, и зелень как следует посолена и подана. Осталось только вас повкуснее приправить гарниром и положить на белые блюда. Ну, входите же побыстрее!

— Ну, входите же, пожалуйста, входите. А может быть, вы не хотите с салатом? Может быть, лучше развести огонь и сделать жаркое? Только, пожалуйста, входите быстрее.

Джентльмены вконец испугались. Лица их стали похожи на смятые клочки бумаги. Они еще сильнее задрожали, еще сильнее заплакали, чуть не навзрыд.

За дверью прыснули со смеху и еще раз позвали:

— Входите, входите. Это вы небось плачете нарочно, чтобы смыть сметану. Ну что же вы? Время уходит. Ну же, скорее входите!

— Входите быстрее. Хозяин уже салфетку повязал, взял нож и облизывается, изволит поджидать гостей.

Джентльмены горько заплакали, и все плакали и плакали... Как вдруг позади них раздалось: «Ав-ав-р-р-рав!» — и в раскрывшуюся дверь ворвались две огромные собаки, похожие на белых медведей. Зеленые глаза в скважине мигом исчезли. Собаки принялись, забегали по комнате, потом, дружно рывкнув, рванулись в следующую дверь. Дверь с треском распахнулась, и собаки влетели внутрь, словно их втянуло ветром. За дверью в крошечной тьме послышалось: «Мя-а-у... Р-р-ав... Тр-р-ах!!!» — потом что-то прошуршало и стихло.

Комната растаяла, словно дым, — оба джентльмена стояли посреди высокой травы сусуки, дрожа от холода. Их пиджаки, ботинки, кошельки, булавки для галстуков — все было разбросано под деревом или болталось на ветвях.

Сильно подул ветер, зашуршала трава, зашелестели листья на ветвях и заскрипели деревья. Раздался собачий лай, и появились собаки. Позади послышалось: «Эй, господа! Господа!»

И, воспрянув духом, джентльмены закричали:

— Мы здесь! Скорее сюда!

Раздвигая шуршащую траву, к ним подошел егерь. Наконец-то можно было вздохнуть спокойно.

Джентльмены съели принесенные егерем рисовые лепешки «данго», а потом вернулись в Токио, купив по пути красных фазанов, всего по десять иен за штуку.

Но ни возвращение в Токио, ни принятая ванна не смогли вернуть их лицам прежнее выражение: они так и остались похожими на смятые клочки бумаги.

Перевел с японского М. Певзнер

Виталий Бианки

Дом творчества писателей в Комарове стоит среди сосен Карельского перешейка. В конце зимы 1957 года обитатели дома были поражены слишком ранним прилетом певчих птиц. Они заливались на высоких деревьях, и никто не знал, какие это птицы. И с кем ни заговоришь, какая-то неловкость, смущение, мол, надо бы лучше знать природу — и разговор обычно заканчивался так: «Вот если бы здесь был Бианки, он бы сказал...»

Несомненно! Природа была для Бианки открытой книгой. Много ее тайн он подсмотрел и раскрыл...

В следующем году в том же Комарове мне посчастливилось познакомиться с Бианки, и я не преминул спросить о птицах, несвоевременно распевшихся в минувшем году: «Конечно, это не синицы! Синиц вы знаете: синий фрак, желтый жилет... Может быть, свистели, зяблики? Те и другие поют превосходно. Дома у меня живет пара кенарей и зяблик...»

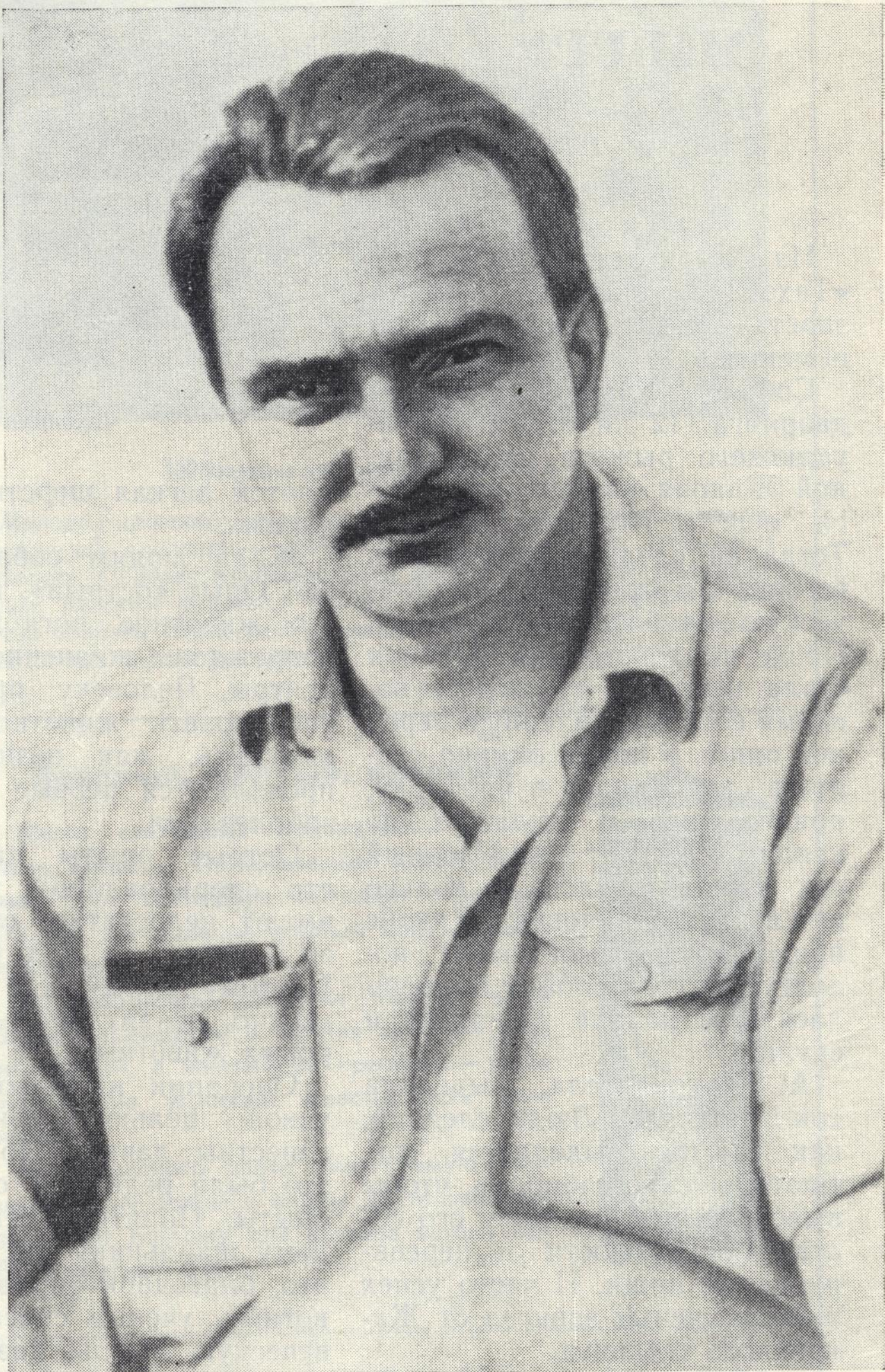
Однажды я поведал Виталию Валентиновичу, что слышал о замечательных свойствах канарейки. Кенар, как я сам с удивлением наблюдал, необычайно вежлив, у него природный такт: никогда не начнет петь утром в комнате, пока не проснется спящий в ней человек. Только когда глаза человека встретятся с темными живыми бусинками желтой птички, она начинает свои рулады.

Бианки радостно принял мое краткое сообщение: «Да, в повадках канарейки много неведомого, неисследованного...» И после секундной задумчивости

с улыбкой добавил: «У меня есть рассказ о кенаре, который падает в обморок, услышав какофонию детского джаза. Эта птичка отличает хорошую музыку от плохой».

Бианки был художником с непогрешимым чувством языка. Просматривая по моей просьбе рукопись литературной сказки, в которой маленькая девочка жалеет, что у нее чуть-чуть выступающие лопатки, а не настоящие крылья — этой девочке хотелось бы летать, как птицы! — Виталий Валентинович по-редакторски вежливо карандашом написал над словом «лопатки» другое — «крыльца». «По-народному лопатки — это крыльца», — сказал он с какой-то непримиримой истинностью в голосе, как всегда, когда дело касалось русской речи.

«Крыльца» — находка Бианки в языке. Как много вложил в него народ, всегда мечтавший о полете человека к звездам...

Александр Гатос

ТИХО! ИДЕТ ОПЫТ!

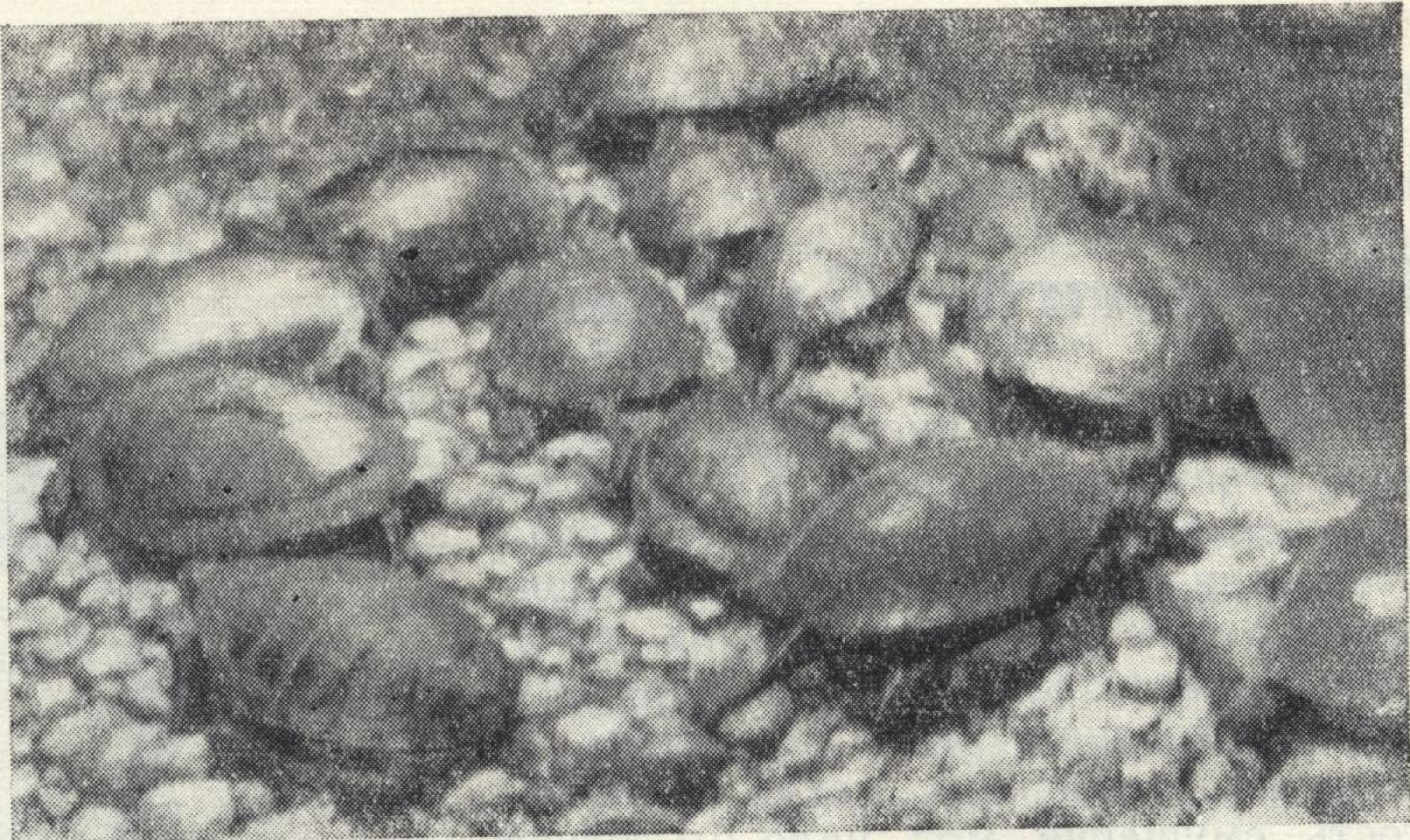
Татьяна Гиршина

На дверях висит табличка: «Тихо! Идет опыт!» И каждый знает — входить сюда нельзя: помешаешь.

Собака Жаконя — смешная дворняга. 12 килограммов неуклюжего рыжего веса. Наукой Жаконя начала заниматься еще в глубоком детстве. Тогда ей сделали операцию и вставили в желудок металлическую трубочку с пробкой. После выздоровления Жаконя стала исправно трудиться: вовремя есть поставленную перед ней пищу, а потом смиренно стоять в станке, пока в пробирку, привязанную к трубочке, по каплям стекает желудочный сок. Это повторялось несколько раз в день, и иногда Жаконе приходилось выстаивать подолгу. Другая собака соскучилась бы, начала дергаться и скулить.

А Жаконя ела, выделяла сок и молчала. Люди следили, как быстро выделяется сок, тщательно его собирали, чтобы выяснить, как меняется его состав в зависимости от перевариваемой пищи. И часто успех работы ученых зависел от Жакониного терпенья.

... Лежит на белом столе под бестеневой лампой рыжий пес. Лежит тихо. Разноцветные провода тянутся от его головы, соединяя электроды, введенные в мозг, с усилителями, осциллографами, вольтметрами. Электроды не мешают: пес дышит ровно и спокойно. Он под наркозом. При каждом вздохе мерно взды-

Черепашки чувствуют себя здесь как дома...

мается легкая шерсть под его лапами.

Жаль людям собаку? Еще бы! Опыт «острый», и в конце его животное погибнет: ведь повреждены жизненно важные центры. Человеку приходится оперировать животных, чтобы выяснить, как возникают и проявляются первые признаки заболевания.

Острые опыты на только что оперированном животном имеют недостатки: сказывается и наркоз, и ход операции. Поэтому всюду, где это возможно, ставят опыты на здоровых животных.

Операции на животных с научной целью — вивисекция — известны давно. Но когда-то это были редкие и случайные опыты. Понятная сейчас каждому школьнику мысль о том, что, благодаря опытам на животных, ученые спасают человеческую жизнь, казалась кощунством многим поколениям людей.

Неудивительно, что еще столет назад не существовало понятия «лабораторное животное». Опыты производились на домашних и диких животных, которых можно было легко отловить. Выбор был произволен и часто не соответствовал целям исследования.

Только в середине прошлого века животных начинают настойчиво приглашать в лаборатории.

Создаются питомники для разведения лабораторных животных.

Спрос на подопытных животных — от зеленой травяной лягушки до обезьяны — все время растет. Страдания живых существ тысячу раз оправданы: благодаря им уменьшаются страдания людей. Но люди никогда не забывают, что подопытное зверье — живое.

... По утрам в виварий физиологического института входят люди в белых халатах. Здесь тепло и чисто. Солнечные пятна на выложенном плитками полу. В маленькой песчаной пустыне под кварцевым солнцем спят черепахи. Кудахчут куры, беспокойно мяучит кошка, и вдруг неожиданный энергичный лай собак обдаёт проходящего по узкому коридору вдоль клеток.

По утрам люди приходят в виварий, чтобы взять зверей на опыт. Одних уносят в стеклянных банках, других в ящиках. Кошки со вживленными электродами, облученные морские свинки, щенки с фистулами спешат на работу в разные лаборатории.

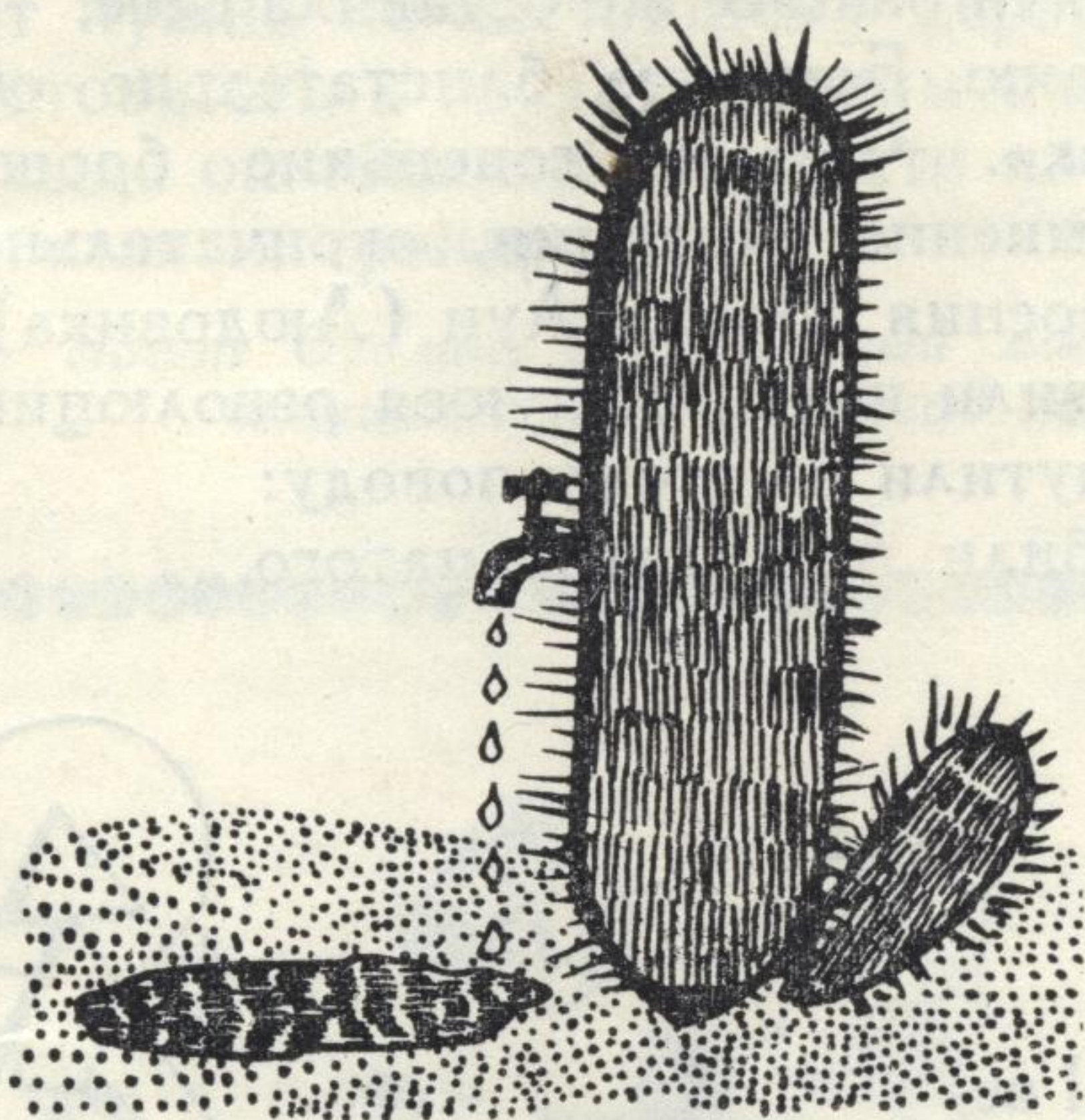
„Ракетные ботинки“

Космонавт в таких ботинках может свободно перемещаться в пространстве. Обе руки его не заняты так, как раньше, ракетными пистолетами. Ракетные двигатели, установленные на подошвах «ракетных ботинок», развивают тягу в полтора килограмма. Космонавту достаточно согнуть пальцы ног, чтобы включить двигатели.

Цистерны в пустыне

Стебли кактусов, растущих на Мексиканском и Бразильском нагорьях, особенно толстые и мясистые. Крупные экземпляры содержат до 3000 литров воды. Это настоящие цистерны с живительной влагой среди засушливой пустыни...

У кактусов масса приспособлений для того, чтобы уменьшать испарение и накапливать влагу. Колючки служат не только для снижения испарения, но и для улавливания мельчайших частичек влаги из воздуха.

Железная „вермишель“

Минерал арагонит встречается в горах в виде плотной массы. Ветвистый арагонит — такой, как на фотографии — большая редкость. Образец необычного по форме арагонита подарили своим русским коллегам австрийские горняки. Студенты назвали образец «железной вермишелью». Загадка его образования до сих пор не раскрыта.

Зеленый, желтый, красный

Цвета светофора подсказаны физическим законом. Поглощаемые мглой, зеленые лучи светофора выглядят желтыми. По той же причине желтый цвет кажется красным.

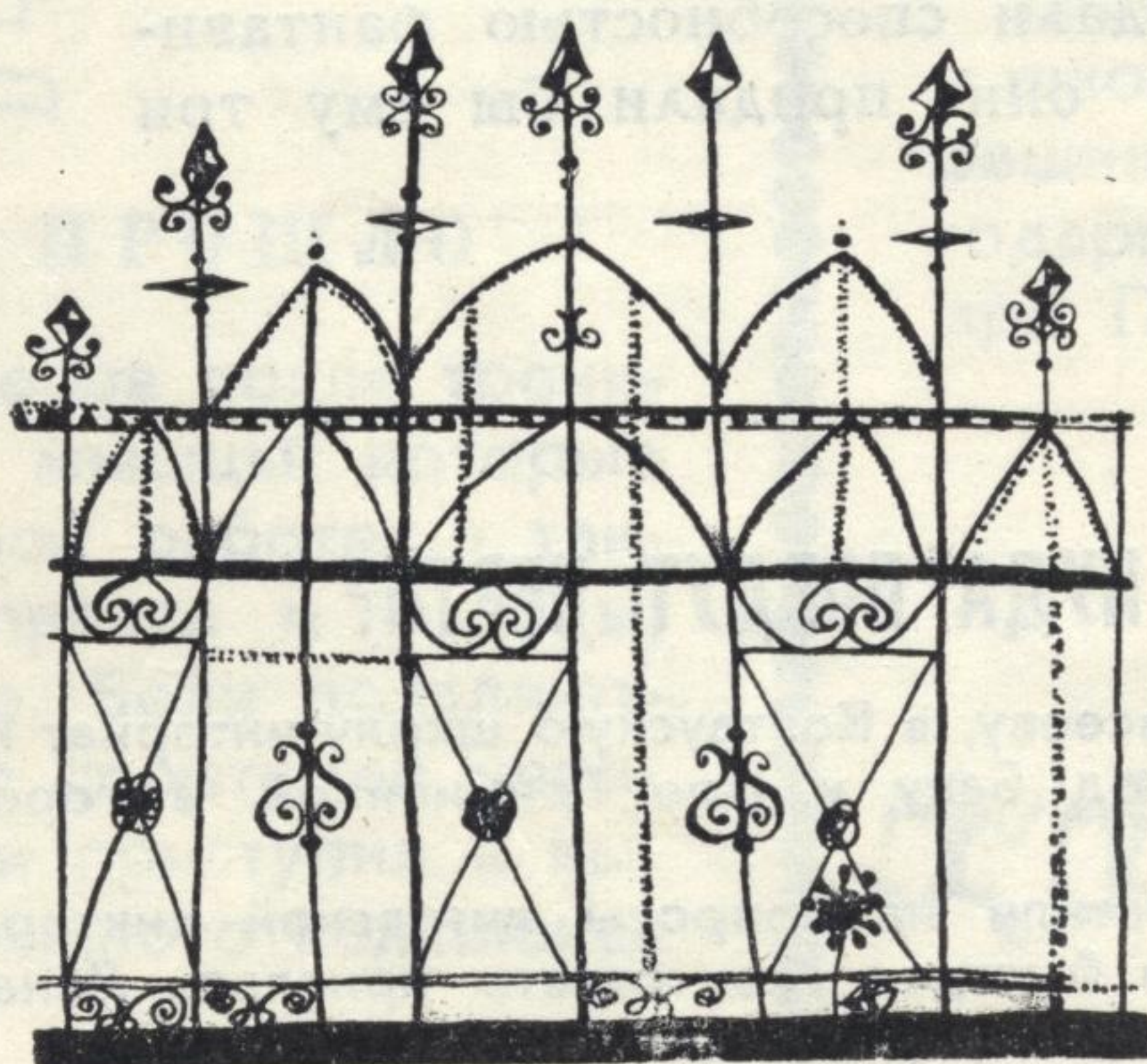
Если водитель допустил ошибку из-за плохой видимости и принял зеленый цвет за желтый, а желтый за красный, — такая ошибка не угрожает безопасности движения.

Лучи красного цвета имеют самую большую длину волны и видны достаточно далеко. Вот поэтому для сигнала «стоп» выбран красный цвет.

Чугунное кружево

Чугунные решетки украшают мосты и набережные Ленинграда. Выполненные по рисункам талантливых зодчих, решетки так красивы, что их называют чугунным кружевом города. Длина всего такого «городского кружева» более 50 000 метров.

В небе — новая звезда

Олок — английский астроном-любитель известен своими открытиями комет. Недавно он обнаружил новую звезду в созвездии Лисичка.

После сообщения об этом новую звезду удалось сфотографировать киевским астрономам: «незнакомка» выглядит как яркая рубиновая звездочка. Астрономы высчитали, что она расположена на три градуса к востоку от звезды бета Лебедя.

Уголок

всесоюзного архивариуса

РАЗГОВОР ХУДОЖНИКА С МОДЕЛЬЮ

Пабло Пикассо попросил знаменитого писателя, своего друга, позировать ему для портрета. Не успел писатель поудобнее расположиться в кресле, как художник сказал:

— Готово.

— Как? Так быстро! — изумился писатель. — Не прошло и пяти минут!

— Не забывай, что я знаю тебя уже сорок лет, — ответил Пикассо,

ЛУИ И ЛУИ

Граф Ла Блаш обобрал прославленного драматурга Бомарше, присвоив сутяжничеством принадлежавшие писателю деньги. Бомарше обратился за помощью к королевскому судье Гезману. Жена судьи потребовала у него взятку — 100 луидоров, или, как сокращенно называли эту монету, луи, и золотые часы с бриллиантами. Однако и взятка не помогла: суд решил дело в пользу бесчестного аристократа. Жена судьи вернула Бомарше часы и деньги, но не полностью. 15 луи она все же оставила себе.

Всю эту грязную историю Бомарше блистательно описал в своих «Четырех мемуарах». Четыре тоненькие брошюрки взволновали общественное мнение Франции, окончательно подорвали веру в добрые намерения короля Луи (Людовика) XV и в немалой степени приблизили надвигающуюся революцию.

Остроумные французы шутили по этому поводу:

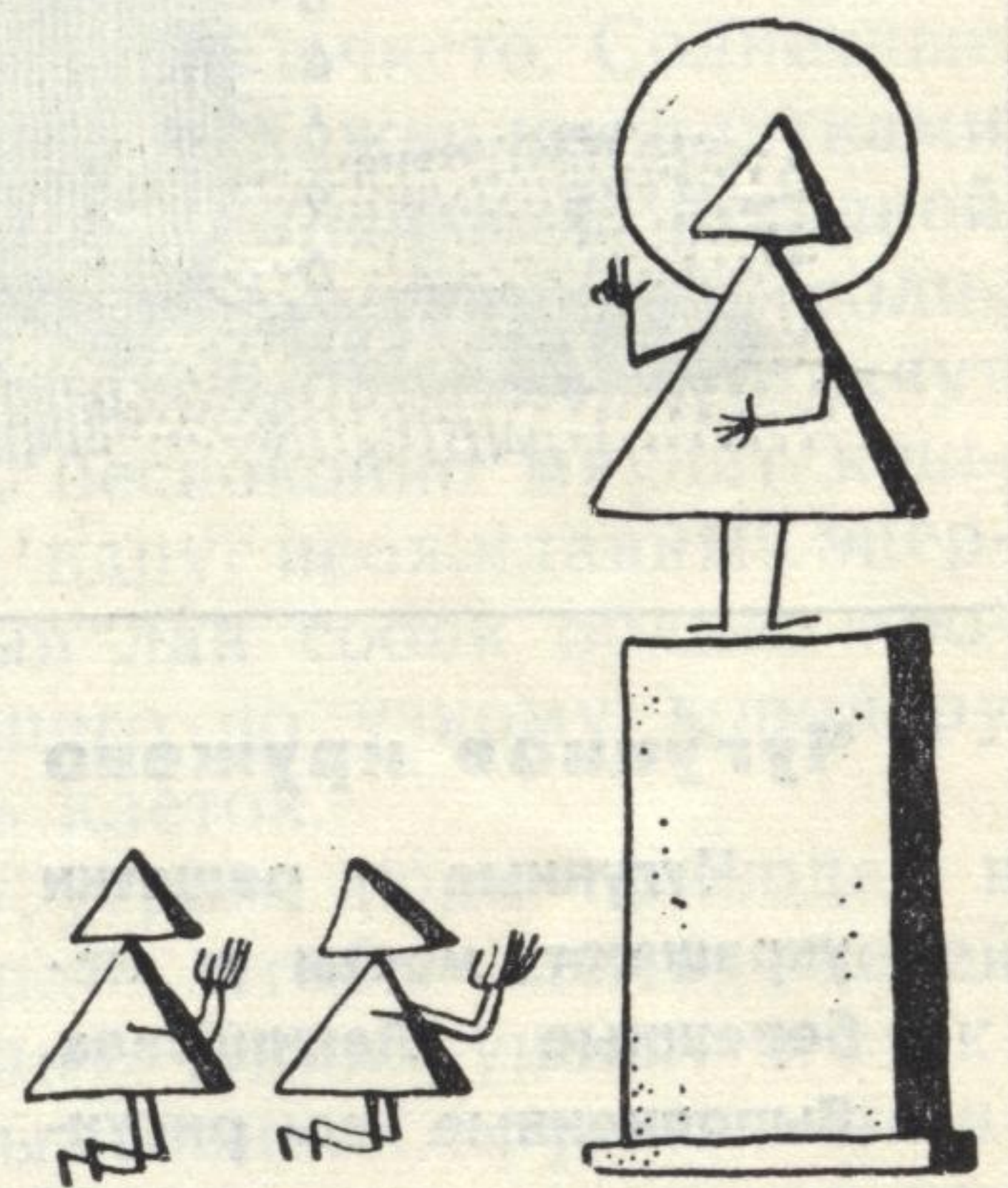
— Пятнадцать луи погубили Луи Пятнадцатого.

ТРЕУГОЛЬНОЕ БОЖЕСТВО

Знаменитый французский писатель и просветитель XVIII века Монтескье в своих сочинениях не раз весело смеялся над религиозными бреднями. Так он говорил:

— Если бы треугольники обладали способностью фантазировать и выдумали бы себе бога, они придали бы ему три стороны.

КУДА ПОЕДУТ ЧЕРТИ?

В город Измаил к Илье Евсееву, в Коктаускую школу-интернат Кустанайской области к Геннадию Паку, в город Баку к Ире Грицининой, в город Рязань к Лене Ивановой.

236 ребят правильно ответили на вопросы литовской викторины, напечатанной в «Костре» № 2. Но лучше и быстрее всех ответы прислали Лена, Ира, Гена, Илья. Им и будут отправлены призы — портреты веселых чертиков.

ДЕРЗАЙТЕ!

Впервые я оказался на беговой дорожке, когда мне было тринадцать лет. «Не рано ли ему соревноваться, — поговаривали тренеры, — совсем мальчишка...» Я и сам тогда робел.

А вот теперь я твердо знаю, что начинал... слишком поздно. Пожалуй, уже в десять лет можно приступать к тренировкам. Но за рекордами сразу гнаться не стоит. Сначала следует развивать ловкость, координацию движений, общую выносливость, силу. А затем добиваться быстроты.

Самая большая ошибка спринтера — ожидание, что его обгонят, и неуверенность при беге впереди соперников. Именно в этот момент нужно по-настоящему дерзать!

Готовьтесь к соревнованиям очень серьезно: одна ошибка может свести на нет плоды длительных тренировок.

Эдвин Озолин, заслуженный мастер спорта, чемпион трех Спартакиад народов СССР.

ПОБОЛЕЛО — И ПРОШЛО

У начинающих спортсменов после тренировок чаще всего болят мышцы, которые участвовали в напряженной работе, а также мышцы брюшного пресса и мышцы, способствующие дыханию. Боли появляются и в тех случаях, когда спортсмен нерегулярно тренировался или приступил к выполнению нового, непривычного комплекса упражнений.

Боли в мышцах порой могут заставить спортсмена отказаться от дальнейших занятий. Это неразумно, нужно обязательно продолжить занятия, но вначале нужно снизить нагрузку. После нескольких регулярных тренировок мышечная боль исчезает.

Предупреждать и облегчать боль лучше всего массажем.

У хорошо тренированных спортсменов, привыкших к значительным физическим нагрузкам, особенно у тех, кто тренируется круглый год, таких болей обычно не наблюдается.

И еще одно, самое важное. Если у вас во время тренировки или после нее ощущается боль в сердце, кружится голова, болят суставы, незамедлительно обращайтесь к врачу!

А. Лебедев, кандидат медицинских наук

СПАСИБО НАТАШЕ!

В нашем классе 26 человек. Все мы очень любим спорт. Этим мы обязаны Наташе Купряковой. Наташа пришла к нам в класс три года назад. И все это время она старалась привлечь нас к занятиям легкой атлетикой. Сколько обидных слов и насмешек вынесла она... Но своего добилась!

Трое из нашего класса уже записались в школу «Спринт», а теперь еще 23 ученика решили заниматься бегом. Мы очень благодарны Наташе. Ее старания не пропали зря. Примите нас в школу «Спринт»!

*Ученики 7«а» класса
Нижнеудинской средней школы
Усть-Удинского района Иркутской области*

АРЧЕБЕК НА БИВУАКЕ

Вы знаете, что такое бивуак? Это стоянка войск для отдыха под открытым небом. Наша Армия Рыцарей после марша часто располагается бивуаком, и тут Ферзьбери, Пешкоедов, Дамкобеев и все рыцаря столько всякого расскажут, что хоть две головы имей — и то всего не запомнишь! Вот и вчера...

— Лет 40 назад, — начал шахмат-адмирал, — когда я еще не был знаменит, я как-то спросил венгерского гроссмейстера Рихарда Рети, чем, по его мнению, отличаются слабые игроки от сильных.

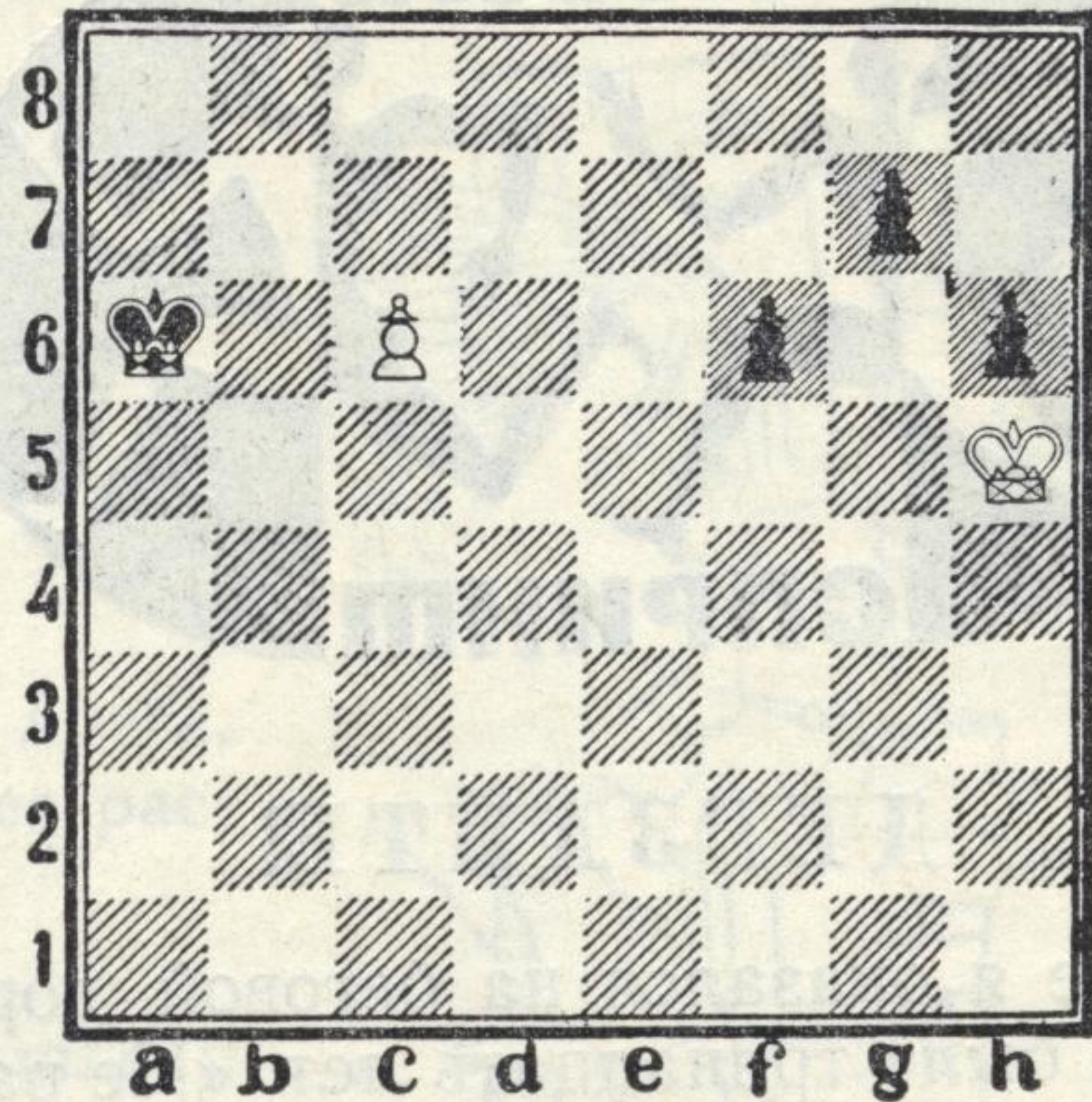
«Там, где для слабого игрока все ясно, для сильного — все тайна!» — ответил мне Рети.

«Э! — сказал я. — Уважаемый гроссмейстер! Вы, наверно, утомились от игры и что-нибудь перепутали... Как же это? Для слабого все ясно там, где для сильного все тайна?! Так не бывает!»

«Нет. Именно так-то и бывает! Смотрите сюда. Здесь ход белых. Вам результат ясен?» — Рети расставил фигуры, как на диаграмме.

«Вы шутите, гроссмейстер? Еще бы не ясен! У белых одна несчастная пешечка, да и та при смерти, а у черных три грозные проходные! О чем разговор?! Белые должны сдаться!»

«Вот видите? — улыбнулся Рети. — Вам здесь все ясно, а мне — далеко не все! Подумайте над этой позицией».

Три дня просидел я за доской, разбирая то, что совсем недавно казалось мне абсолютно ясным. И знаете что? Не пожалел!

Несколько минут все молчали, затем заговорил капитан Пешкоедов.

— А я был на Востоке, так там слабых и сильных игроков разделяют на четыре категории:

«Есть шахматисты, играющие слабо и не знающие этого: они — невежды, избегай их! Есть шахматисты, играющие слабо и знающие это: они — разумные, помоги им! Есть шахматисты, играющие сильно и не знающие этого: они скромные, уважай их! Есть шахматисты, играющие сильно и знающие это: они — мудрецы, следуй им!»

— Можно я скажу? — встал Костя Павлов. — А у нас во дворе, когда играют в шахматы, то за самый первый ход двигают обе крайние пешки. Так я хочу спросить: правильно ли это? А, товарищ шахмат-адмирал?

Но тут все арчебековцы так дружно расхохотались, что Ферзьбери и отвечать не пришлось.

СООБЩЕНИЕ ТАШШ

(телеграфное агентство шахматистов и шашкистов)

Боевой арсенал АРЧЕБЕКА пополнен оружием, сконструированным самими рыцарями: хорошей двухходовкой арчебековца семиклассника Алеши Ульдина (Макушино) — белые: Кре2, Фb1, Ла1, Се3, Каб, п. с7; черные: Кра8, Лb8, Сd6, пп. а7, b7; отличной трехходовкой прославленного ракетчика из „Операции-64“ — восьмиклассника Жени Ваулина (Колобовка) — белые: Крс3, Сb5, Се7, пп. b6, e3, f5; черные: Крд5, пп. e4, e5, f7; замечательными комбинациями рыцарей-шашкистов — восьмиклассника Лени Сойфера (Харьков) — 1) белые: b6, c7, d2, f2; черные: b2, d4, d8, g7; и пятиклассника Бори Шавердяна

(Тбилиси) — 2) белые: а3, b4, c5, d4, e1, e5, h2; черные: а5, а7, b8, c7, e7, f6, g5, g7; 3) белые: а1, а3, а5, с1, e1, e3, f6; черные: с5, с7, d8, e7, g3, g5, h4, h8.

ПРИКАЗ № 7

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Шахматным рыцарям — решить: 1) спасутся ли белые в этюде Рети; 2) двухходовку Алеши Ульдина; 3) трехходовку Жени Ваулина.

§ 2. Шашечным рыцарям — найти комбинации за белых в позициях Лени Сойфера и Бори Шавердяна.

§ 3. Рыцарят — найти выигрыш за белых в положении — белые: Крс7, п. b5; черные: Кра8. п.а7. Ход белых.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

НАГРАДНОЙ ОТДЕЛ АРЧЕБЕКА

За отличное выполнение приказа № 3 представлены к награде: Сережа Киктев (Сочи), Саша Салов (Архангельск), Сережа Прищепов (д. Хвошно), Сережа Мелкумян (Ереван), Толя Друзь (Донской), Нина Бул-

кина (Вязьма), Людмила Потockая (с-з «Кр. Забойщик»), Анатолий Машей (Житковичи), Ринат Алибаев (п. Маячный).

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Решения к третьему приказу Ферзьбери

Выигрыш I.h7 и если I... Лh2, то 2.Лf1 + Крд2 3.Лf2 +!, а если I... Лd8 то 2. Лс6 + Крд2 3.Лd6 +!

Стрельба из быстромата. А. I. Фс8 +! Сb8 2. Фс6 +! С:с6 3. С:с6X. Б. 1. Кg5 + Крг8 2. Лh8 +! Кр:h8 3. Лh1 + Крг8 4. Лh8 +! Кр:h8 5. Фh1 + Фh2 6. Ф:h2 + Крг8 7. Фh7X. Для рыцарят — I. Ле8! Ф:e8 2. Фg7X.

Шашки. а) I. f2 — e3! 2. b2 — c3X. б) I. d4 — e5! 2. b4 — c5!X. в) I. g3 — h4! 2. e3 — d4X.

СЕВЕРНЫЕ

ЮЖНЫЕ

ТРЕВОГА

— Костя, вставай, тревога!

Вожатый открывает глаза.

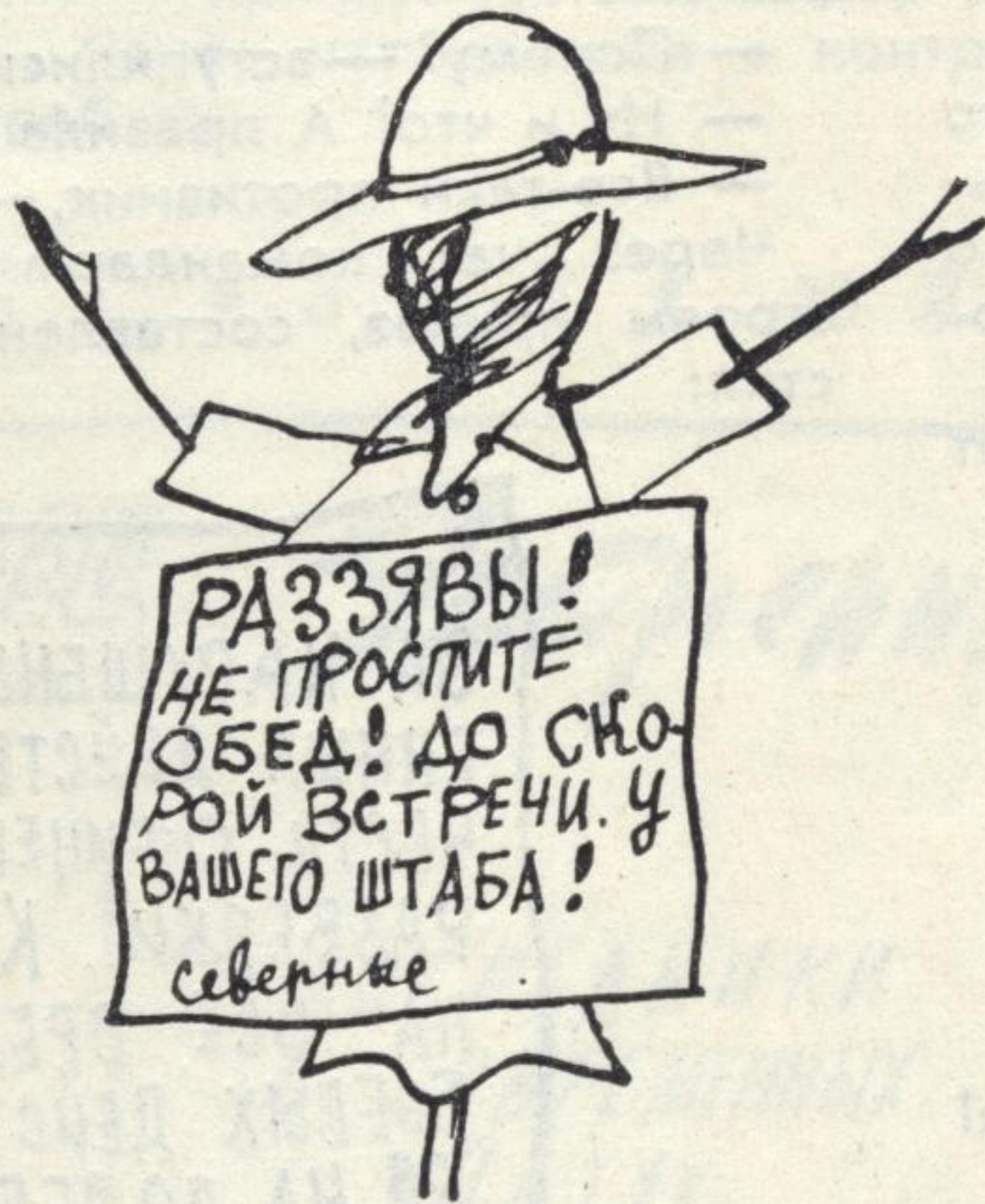
— Какая еще тревога в такую рань?

— Ничего себе рань, — шесть сорок! Слушай, Костя, я точно знаю, на такую пакость способен только Мишка...

— Да в чем дело?

— Понимаешь, с четырех у костра дежурил Серега. Ну и заснул. Проснулся, а рядом пугало. Кстати, на нем твоя куртка и шляпа! И тут же плакат, вот, полюбуйся...

Вожатый берет лист и читает вслух:

— Началось, — говорит вожатый, — буди горниста, Толя.

Горнист выскакивает из палатки, хватается горн, сигналист, потом как-то странно морщится, бросает горн на землю и начинает чихать и плевать.

— Что? Что с тобой?

— Горчица! Черт! Намазал кто-то мундштук!.. Толя и вожатый смотрят друг на друга.

— Ну, командарм, — говорит вожатый, — действуй...

ИЗ РЕШЕНИЯ ВОЕНСОВЕТА ЮЖНОЙ АРМИИ

"... ВОЕНСОВЕТ НАДЕЕТСЯ, ЧТО КАЖДЫЙ БОЕЦ ПРОЯВИТ МАКСИМУМ СМЕЛОСТИ И ВЫДЕРЖКИ, ЧТОБ НАПОДДАТЬ КАК СЛЕДУЕТ ЗАЗНАВШИМСЯ СЕВЕРЯНАМ"

РАЗВЕДКА

Разведчики выбегают на просеку.

Вовка: «Обнаружили нас, наверно... Я говорил, пойдем через овраг!»

Борис: «Командир-то пока я... Отряхнись, ты весь в зубном порошке».

Алена: «Потеха! Здорово они придумали — зацепился за веревку, а на тебя — пакет с порошком! Вовка, ты весь седой!»

Борис: «Ш-шш... Хотите, чтоб нас и вправду заметили? По-моему, там кто-то есть... Поползли... Алена, не хихикай...»

За кустами они видят шалаш. На полянке трое часовых.

Борис: «Слушайте приказ. Алена, ты сдаешься в плен. Приказ не обсуждать! Только сначала выманишь часовых с поляны. А мы с Вовкой разведаем объект. Чую я, это ихний штаб...»

Минута. Две. Три. Послышался голос, смех, песня, а потом как зашумит по кустам, как затрещит валежник! Молодец, Алена! Часовые суетятся, не знают, что делать, советуются... Двое бегут на голос. Третий топ-

чется на месте, кричит: «Ребята, вы куда?» — и бежит следом.

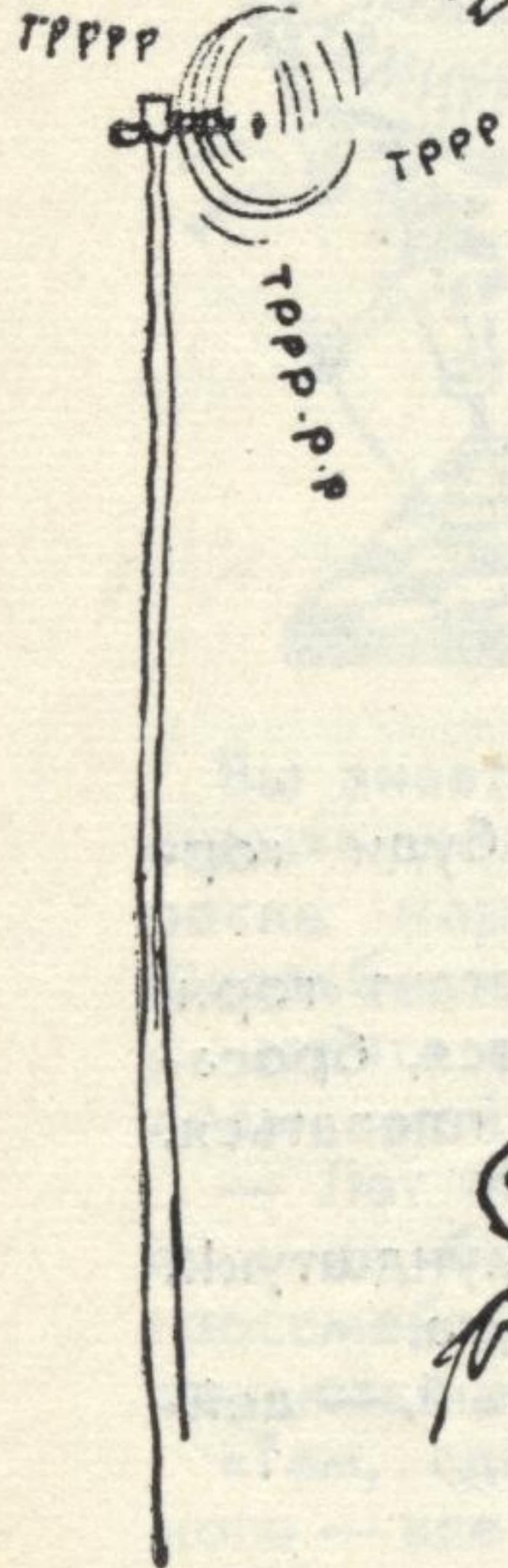
Борис и Вовка в шалаше. На земле — пакет. Борис осторожно вскрывает его ножом, вытаскивает лист бумаги, кладет пакет на то же место. Разведчики скрываются в кустах. В ту же минуту часовые выводят на поляну упирающуюся Алену.

Вовка: «Стой, дай поглядеть! Непонятно чего-то...»

Борис: «А, зеркало надо! Это наоборот написано! Бегом в штаб!...»

ЗАСАДА

Оперативная разведгруппа «северных» колеблется: идти по заданному маршруту или в сторону непонятного шума. Поблизости что-то оглушительно трещит.

— Сейчас сползаю, — решает командир Санька.

Вскоре он машет рукой своим:

— Сюда, это трещотка!

Разведчики выходят на поляну. Длинный шест. На верхушке укреплена трещотка. Она крутится от ветра.

— И зачем это здесь? — спрашивает один из разведчиков.

Наверху, на дереве, что-то щелкает. Еще раз, еще... Санька подымает голову. Прямо в него целится объектив фотоаппарата.

— Атааа, ребята! — кричит Санька. — Засада!

ДОПРОС

— Ну, что, пленный, говорить будем или молчать?

— Давай, Валерка, поговорим.

— Пленный, тут вам не Валерка, а начальник штаба!

Ваша фамилия?

— Сергеева Елена.

— Военная специальность?

— Да разве она военная?

Фотокорреспондент...

— Почему оказалась на нашей территории?

— Так, случайно... Заблудилась...

— А снимала тоже случайно?

— Я птиц снимала, для зоокружка...

— А мы сейчас твоих птиц засветим!

— Ну, ребята...

— Ладно. Чаю хочешь?

— Спасибо...

— Чего спасибо, пей. Слушай, мы твоих птиц не тронем, только скажи, ну так, в общем, примерно хотя бы, в какую сторону нам топать, а?

— Не на такую напали! Ведите меня на нейтральную полосу!

— Ну, это ты брось! Чтоб ты там всем разрезвонила, где наш штаб? Не выйдет!

— Вы не имеете права меня здесь держать! Не по правилам!

— Война идет, дурочка! Какие правила!

— Ах, так? Больше ни слова не скажу!

ПОСРЕДНИК

Костя-вожатый учится в университете на геолога. Костя — посредник у «северных». «Северные» вначале обрадовались, потому что Костя — вожатый второго отряда, а у «северных» почти весь второй. Но Костю словно подменили. Он строгий и неподкупный.

— Будто мы ему чужие, — злится Мишка, командир разведки «северных».

А на второй день игры, утром, вот что с этим Мишкой произошло. Он засел в ложине около нейтральной полосы и всем своим «северянам», идущим в плен, потихоньку выдавал фальшивые нарукавные повязки. Весть о Мишкиных проделках дошла до Кости.

— Если по совести, поступил ты подло, — сказал Костя.

— Почему? — вступились «северяне». — Война же!

— Ну и что? А правила для кого?

— Все-таки противник, — оправдывался Мишка.

Через час командарм «северных» зачитал перед строем приказ, составленный не без Костиного участия:

ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И КОДЕКСА ЧЕСТИ ОФИЦЕРА КОМАНДИР РАЗВЕДКИ КУЗЬМИН МИХАИЛ НА ВСЕ ВРЕМЯ СЕГОДНЯШНИХ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ПЕРЕВОДИТСЯ НА ПОЛЕВУЮ КУХНЮ. КОМАНДИРОМ РАЗВЕДКИ НАЗНАЧАЕТСЯ

ПОЛЕВАЯ КУХНЯ

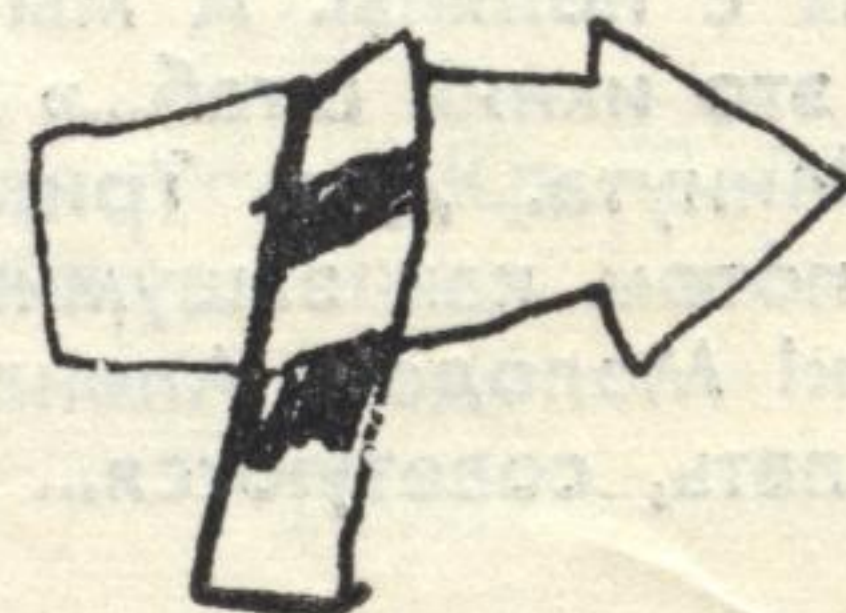
«Северные» ужинают.

— А кисель-то соленый!..

— Я не виновата, — оправдывается главный повар Галя Воликова, — это Кошелкин виноват. Загалдел в лесу, мы его спасать, а в это время «южане» откуда ни возьмись — буханку стащили и соли в кисель подсыпали. А Кошелкин просто непонятно отчего вопил...

— Как это непонятно, — возмущается Кошелкин, — в меня шишкой запустили, а я заметил врага и номер его записал и кричу: «Ко мне!» А вы...

— Не хочу больше быть поварихой, — говорит Галя Воликова, — тоже воевать хочу. Давайте кидать на морского...

«Южные» отчитывают Алика Деревянного.
 — Твой номерной знак записали восемь противников! Ты что, специально показывал?
 — А у него знак красивый, как не похвастаться.
 Алик толстый, неповоротливый и кажется очень растерянным.
 — Ты объясни, в чем дело-то...
 — Я от своих отбил, — говорит Алик чуть слышно.
 — А потом?
 — А потом бруснику ел, — еще тише говорит Алик.
 — Что-о?!
 — А потом меня одна девчонка толкает и говорит: бери «ФЭД», беги к нашим. Ты, говорит, наш? Я говорю: наш. Она говорит: ну, так беги скорей. Я ее спрашиваю: а где наши?..
 — Олух! — кричит командарм «южных». — Где «ФЭД»?
 Алик молча лезет под рубаху.
 — Борис! — приказывает командарм. — Бери «ФЭД» и на велике — в лагерь. Через четыре часа с контрольными снимками сюда. Дело будет, ребята...

СТЕНГАЗЕТА ЮЖНОЙ АРМИИ

ЮЖНОАРМЕЕЦ
орган южного штаба

Экстренный выпуск

Меню противника, замеченное в бинокль

ОБЕД

1. БУЛЬОН ИЗ КУБИКОВ
2. ТУШЕНКА
3. КОНФИТЮР

ПОСРЕДНИКИ О СОВРЕМЕННЫХ ДЕТЯХ

ФОТОГРАФИИ АЛЕНА СЕРГЕЕВОЙ СДЕЛАННЫЕ ВО ВРАЖЕСКОМ ТЫЛУ

начальник разведки «северных» ест бутерброд

начальник штаба «северных» за картой

часовые играют в шахматы

штаб «северных»

ЗАПИСКА КОМАНДАРМА ЮЖНОЙ НАЧАЛЬНИКУ СВОЕЙ РАЗВЕДКИ

Боряка, будь друг, слоней еще разок в лагерь, привези для Алёны стеклянную медаль с нашивкой!
 Там у нас в палатке, в туббочке у меня — вишневое, мать привезла

только

А в это время на велосипедах мчится по шоссе в тыл «северянам» летучий отряд «южан». Пять велосипедистов, у каждого на багажнике — напарник. Отряд ведет сам командарм, Толя Шагин.

ШТУРМ

Крутятся педали, мелькают километровые столбы — один, другой, третий, пот заливает лица. Ничего, терпи, ребята, такого глубокого рейда враг не ждет...

Крутятся педали... Речка, тропка, канава... Соскочили с велосипедов, командарм махнул рукой — побежали по брусничнику, пригибаясь к земле. Вот геодезическая вышка, а вот и палатка видна...

— Ура! — кричит командарм. — На штурм!

Выскочил из палатки начальник штаба «северных», что-то кричит своим. «Северные» взялись за руки и встали вокруг палатки двойной живой цепью. Главное, не пропустить в палатку, не дать выбить колышки и снять ее...

— Вперед! — кричит Толя. — Вперед, ребята! Прорывай оборону!

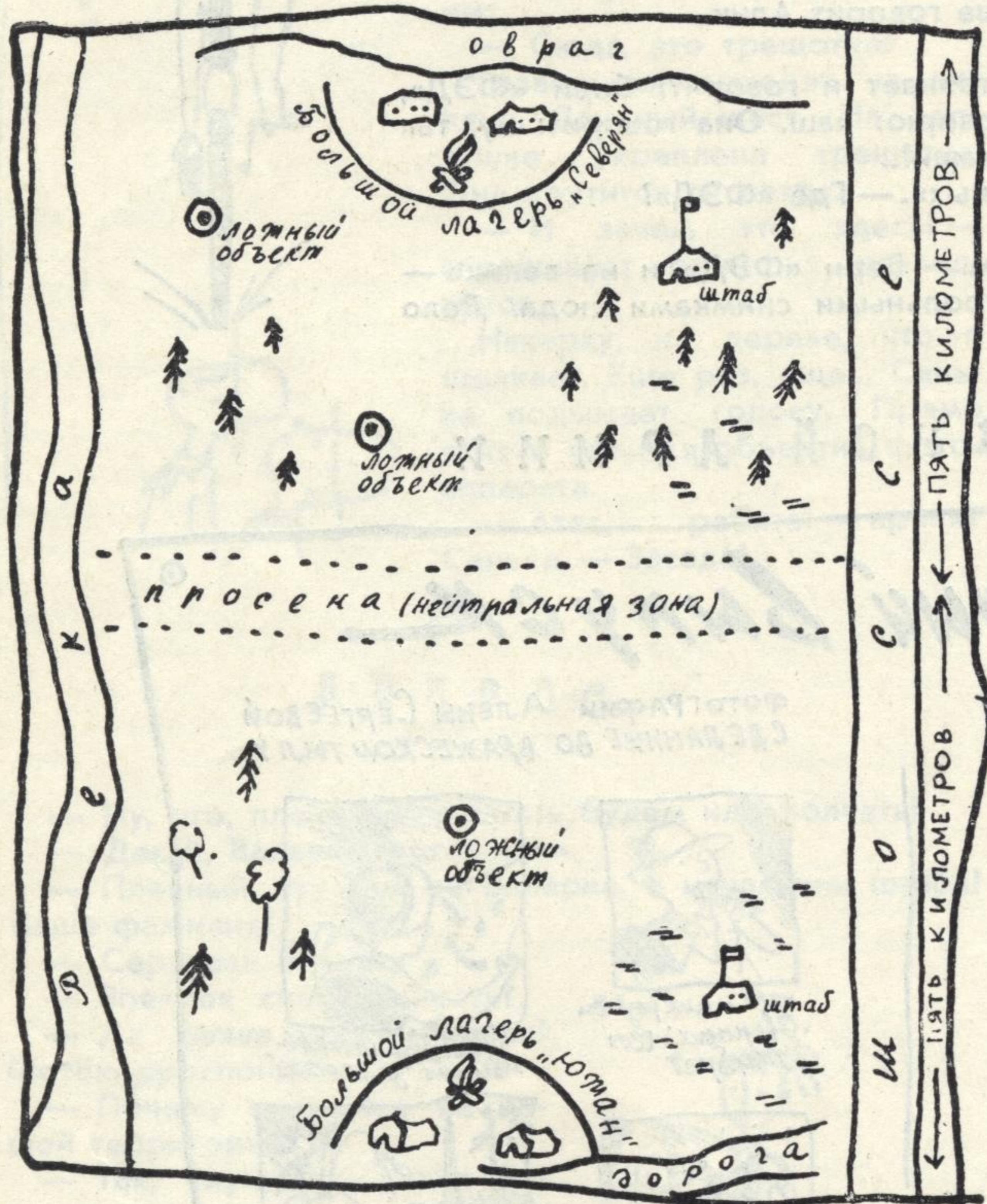
«Южане» наваливаются на «северян». Вот-вот оборона не выдержит... В это время из-за леса неожиданно взмывает в небо красная ракета. Она набирает высоту, все видят ее и постепенно понимают, что произошло.

— Ура, братцы! — кричит начальник штаба «северян». — Наши взяли штаб южачков! Победа!

§5

ПОБЕЖДЕННАЯ АРМИЯ КОРМИТ УЖИНОМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ И ПОСРЕДНИКОВ.

КАРТА

УСЛОВИЯ ИГРЫ

Военную игру между вторым и третьим отрядами провести в походе. В первый день похода штабам иметь карты поля боя, опознавательные знаки и список армии по подразделениям.

Состав армии: штаб — 3 человека, разведка, саперы, журналисты и так далее, по вашей инициативе.

У каждой тактической группы свой опознавательный знак — лоскут 20 см × 15, пришитый на грудь куртки, цветная эмблема и номер бойца. А также нарукавная повязка на резинке. Если повязку сорвут, боец идет в плен.

Первый день — разведка. Захват штабов запрещается, уничтожение противника не рекомендуется.

Задача: как можно больше увидеть, записать, оставаясь незамеченным.

В конце первого дня сдать посредникам сведения о противнике и карту с обнаруженными объектами.

Посредники решают, у какой армии преимущество. Записал опознавательный знак и номер — 3—5 очков.

Сорвал повязку — 1 очко.

Обнаружил штаб — 20 очков.

Обнаружил ложный объект — 5 очков.

Второй день — штурм!

Игра прекращается после захвата штаба противника. Сигнал — красная ракета.

Военные советники:

Николай Крыщук, Александр Прутт,

Владимир Цивин

Рисунки Г. Ковенчука

ОТ РЕДАКЦИИ:

А теперь откроем вам нашу военную тайну.

Думаете, мы эту игру просто так напечатали — прочесть да забыть? Нет, мы решили помочь ребятам, которые хотят устроить у себя в пионерлагере или в деревне военную игру, а с чего начать — не знают.

Наша игра — это подсказка для тех, кто любит сам фантазировать, кому лишь намекни, а дальше он такого напридумывает, только держись!

А тем, кто любит, чтоб разжевали да в рот положили — наша игра не поддержка.

В начале сентября ждем от вас пакетов с донесениями: описание военной игры, карту, приказы, условия и правила вашей игры, рисунки, схемы. Заодно сообщите, какую игру вы хотели бы провести в будущем году. Ваши предложения помогут Военным Советникам «Костра» придумывать план новой игры. А значит, авторами этой игры будут все, кто пришлет дельные, веселые, остроумные предложения.

На конвертах после адреса журнала пишите: «Военным Советникам».

Обложка Т. Ксенофонтова

На второй странице обложки рисунок М. Беломлинского

Главный редактор В. В. Торпыгин

Редакционная коллегия: Г. И. Барина, А. А. Крестинский, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Терebinская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий,
Корректор В. А. Маевская

Рукописи не возвращаются

Технический редактор
А. А. Двораковская

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А4-57-76

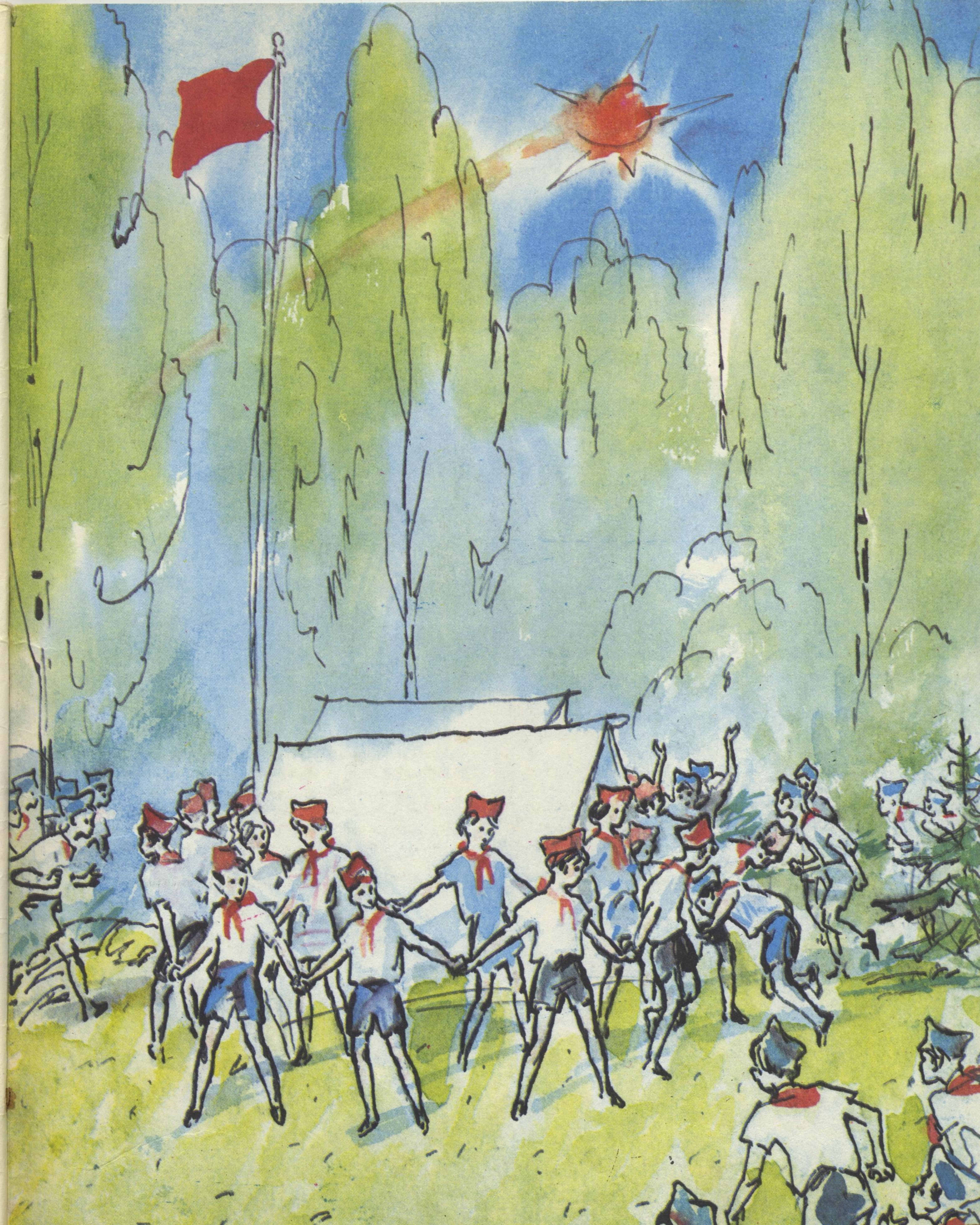
М-35297. Подписано к печати 13/VI 1968 г.
Тираж 324 000 экз.

Формат 84×108^{1/16}.

Печ. л. 8+1 вкл.

6,36 усл. печ. л., 8,8 уч.-изд. л.
Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Измайловский проспект, 29. Обложка и вклейки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.

Самый красивый
букет

